Учитель рёк: «Из чистых родников
Пьют мудрость – начинают со "Стихов,"
Опору в "Ритуале"обретают
И совершенство "Музыкой"венчают».

«Лунь юй», Глава VIII, чжан 8

ШИ ЦЗИН

詩經

УДК 82-1(5 Кит)
ББК 84(5 Кит)
Ш 55

Рекомендовано к публикации Учёным советом ИДВ РАН

Проект «Духовная культура Китая»
Руководитель проекта директор ИДВ РАН
лауреат Государственной премии РФ
академик РАН М.Л. Титаренко

Главный редактор
лауреат Государственной премии РФ
профессор А.Е. Лукьянов

Ш 55 Абраменко, В.П. Ши цзин (Канон поэзии) [Текст]: поэтический перевод / В.П. Абраменко. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока РАН, 2015. – 398 с.: ил.

ISBN

В книге представлен полный поэтический перевод древнейшего свода китайских стихотворных произведений «Ши цзина» («Канон поэзии»), входящего в состав конфуцианского «У цзина» («Пятиканоние»).

Худож. оформл., макет
В.П. Абраменко
Подгот. примеч.
В.М. Майоров

УДК 82-1(5Кит)
ББК 84(5Кит)
Ш 55

ISBN

© Абраменко В.П., 2015

Содержание

内容

國風 I. ПЕСНИ ЦАРСТВ

周南 I, I. Песни царства Чжоу

I, I, 1. Брачная песня 124
I, I, 2. Извивны пуэрарии лианы..... 126
I, I, 3. Рву ясколку-траву 127
I, I, 4. Плакучее древо 128
I, I, 5. Саранча 129
I, I, 6. Нежный персик 130
I, I, 7. Заячья сеть 131
I, I, 8. Подорожник 132
I, I, 9. Широка Хань-река..... 133
I, I, 10. Над гладью Жу-реки..... 134
I, I, 11. Стопы цилиня..... 135

召南 I, II. Песни царства Шао

I, II, 1. Гнездо свила сорока 136
I, II, 2. Собирает кувшинки 137
I, II, 3. Стрекочут цикады 138

I, II, 4. Собираем марсилию 139
I, II, 5. Пышнокронная груша 140
I, II, 6. Выпала роса 141
I, II, 7. Шубы из шкурок ягнят 142
I, II, 8. Гром чашу Неба расколол ... 143
I, II, 9. Плоды со сливы опадают 144
I, II, 10. Как мало звёзд на Небе 145
I, II, 11. Сливается река с Цзяном ... 146
I, II, 12. Стрелой сразили лань 147
I, II, 13. Свадьба царевны 148
I, II, 14. Загонщики 149

詩經

邶風 I, III. Песни царства Бэй

I, III, 1. Кипарисовый чёлн 150
I, III, 2. Кипарисовый чёлн 152
I, III, 3. Ласточки 153
I, III, 4. Луна и Солнце 154
I, III, 5. Западный ветер..... 156
I, III, 6. Загрохотали барабаны 157
I, III, 7. Тёплый ветер 159
I, III, 8. Пёстрый фазан 160
I, III, 9. У тыквы горькие листья 161
I, III, 10. Весенний ветер 162
I, III, 11. На погибель 164
I, III, 12. Холм пологий 165
I, III, 13. Огнём взор пылает 166
I, III, 14. Родник 167
I, III, 15. Северные ворота 169

I, III, 16. Северный ветер 170
I, III, 17. Скромная девушка 171
I, III, 18. Новая башня 172
I, III, 19. В лодку сели двое сыновей 173

173 鄘風 **I, IV. Песни царства Юн**
I, IV, 1. Чёлн кипарисовый 174
I, IV, 2. Растут колючки 175
I, IV, 3. С супругом встретишь старость .. 176
I, IV, 4. Собираю повилику 178
I, IV, 5. Перепела живут четой 179
I, IV, 6. Созвездие Дин 180
I, IV, 7. Радуга 181
I, IV, 8. На крысу взгляни 182
I, IV, 9. Бунчуки 183
I, IV, 10. Гоню коней 184

衛風 **I, V. Песни царства Вэй**
I, V, 1. Укромная заводь 186
I, V, 2. Наслаждались уединением..... 188
I, V, 3. Княжна-красавица 189
I, V, 4. Простодушный парень 191
I, V, 5. Бамбуковая удочка 194
I, V, 6. Метаплексис 195
I, V, 7. Река широка 196
I, V, 8. Мой господин 197
I, V, 9. Крадётся лис 198

I, V, 10. Айва 199

王風 I, VI. Песни столичного царства

I, VI, 1. Просо склонилось долу 200
I, VI, 2. Муж благородный в походе 202
I, VI, 3. Охвачен радостью 204
I, VI, 4. Клокочут и пенятся воды 205
I, VI, 5. Среди хлебов растёт пустырник ... 206
I, VI, 6. Заяц чуток 207
I, VI, 7. Виноградная лоза 208
I, VI, 8. Рву пуэрарию 209
I, VI, 9. Большая колесница 210
I, VI, 10. Между холмами растёт конопля ... 211

鄭風 I, VII. Песни царства Чжэн

I, VII, 1. Чёрное платье 212
I, VII, 2. Просила я Чжунцзы 213
I, VII, 3. Шу отправляется на охоту 215
I, VII, 4. Могучий Шу собрался на охоту ... 216
I, VII, 5. Цинские рати 218
I, VII, 6. Чёрная каракулевая шуба 219
I, VII, 7. Долгий путь с тобою прошли 220
I, VII, 8. Пропел петух 221
I, VII, 9. Со мною в экипаже едет дева 222
I, VII, 10. На горе растёт фусу 223
I, VII, 11. Жёлтые листья 223
I, VII, 12. Лукавый мальчишка 224

I, VII, 13. Приподниму подол 224
I, VII, 14. Хорош собой 225
I, VII, 15. У восточных ворот поле 226
I, VII, 16. Ветер и дождь 227
I, VII, 17. Синий ворот 228
I, VII, 18. Разлившиеся воды 229
I, VII, 19. Вышел из восточных ворот 230
I, VII, 20. Стелются травы ползучие 231
I, VII, 21. Чжэнь и Вэй 232

內容

齊風 I, VIII. Песни царства Ци

I, VIII, 1. Петух проголосил 234
I, VIII, 2. Проворен в охоте 235
I, VIII, 3. Между дверью и экраном 236
I, VIII, 4. Как только солнце взойдёт 237
I, VIII, 5. Ещё тёмен восток 238
I, VIII, 6. Южная гора 239
I, VIII, 7. Большое поле 241
I, VIII, 8. Гончие кольцами звенят 242
I, VIII, 9. Прохудилась мерёжа 243
I, VIII, 10. Мчит экипаж 244
I, VIII, 11. О, как ты величав! 245

魏風 I, IX. Песни царства Вэй

I, IX, 1. Летние туфли 246
I, IX, 2. В низине у Фэнь реки 247
I, IX, 3. В саду стоят деревья персика 248

I, IX, 4. На холм взбираюсь у селенья 249
I, IX, 5. Средь тутового сада 250
I, IX, 6. Рубят сандалы 251
I, IX, 7. Большая крыса 253

唐風 I, X. Песни царства Тан

I, X, 1. Сверчок 255
I, X, 2. На горе растёт колючий ильм 257
I, X, 3. Средь бурных вод реки 259
I, X, 4. Перечное дерево 260
I, X, 5. Шёлковая нить 261
I, X, 6. Одинокая груша 263
I, X, 7. Шуба из каракуля 264
I, X, 8. Гусиные крылья 265
I, X, 9. Нет одежд 267
I, X, 10. Стоит груша у дороги 268
I, X, 11. Разрослась пуэрария 269
I, X, 12. Собираю горец 271

秦風 I, XI. Песни царства Цинь

I, XI, 1. Гремят колесницы 272
I, XI, 2. Четвёрка гнедых 273
I, XI, 3. Боевая колесница 274
I, XI, 4. Камыш разросся 276
I, XI, 5. Горы Чжуннань 277
I, XI, 6. Иволги 278
I, XI, 7. Утренний ветер 280

詩經

I, XI, 8. Разве скажешь, нет одежды? 281
I, XI, 9. Вэйян 282
I, XI, 10. Достойное начало 283

陳風 I, XII. Песни царства Чэнь
I, XII, 1. Холм Вань 284
I, XII, 2. Белый вяз у восточных ворот 285
I, XII, 3. Убогая хижина 286
I, XII, 4. Есть пруд у восточных ворот 287
I, XII, 5. Есть тополь у восточных ворот ... 288
I, XII, 6. У могильных ворот 289
I, XII, 7. Свила гнездо сорока на плотине ... 290
I, XII, 8. Взошла луна 291
I, XII, 9. Чжулинь 292
I, XII, 10. Пруд у плотины 293

檜風 I, XIII. Песни царства Гуй
I, XIII, 1. Каракулевая шуба 294
I, XIII, 2. Белая шапка 295
I, XIII, 3. В низине растёт карамболь 296
I, XIII, 4. Не то чтобы ветер шумел 297

曹風 I, XIV. Песни царства Цао
I, XIV, 1. Подёнка 298
I, XIV, 2. Гостей встречают, провожают ... 299
I, XIV, 3. Голубка 300
I, XIV, 4. Родник 301

内容

豳風 I, XV. Песни царства Бинь

I, XV, 1. В седьмую луну 302
I, XV, 2. Сова 308
I, XV, 3. Восточная гора 310
I, XV, 4. Затупились топоры 312
I, XV, 5. Вырубают топорище 313
I, XV, 6. Девять кошелей 314
I, XV, 7. Волк наступил на подгрудок ... 315

小雅 II. МАЛЫЕ ОДЫ

鹿鳴之什 II, I. Цикл Лумин

II, I, 1. Крик оленей 316
II, I, 2. Четвёрка коней 318
II, I, 3. Великолепие цветов 320
II, I, 4. Груша 321
II, I, 5. Рубим деревья 323
II, I, 6. Небо сохранит 325
II, I, 7. Щиплем горох 327
II, I, 8. Вывожу колесницу 330
II, I, 9. Груша дарит прохладу 333

白華之什 II, II. Цикл Байхуа

II, II, 3. Рыбы немало 335
II, II, 5. В Янцзы прекрасная рыба 336
II, II, 7. На южной горе растёт осока 337

II, II, 9. Высоко полынь поднялась 339
II, II, 10. Обильно выпала роса 340

彤弓之什 II, III. Цикл Тунгун

II, III, 1. Красный лук 341
II, III, 2. Буйно разрослась полынь 342
II, III, 3. В шестую луну 343
II, III, 4. Собираем салат 346
II, III, 5. Крепки колесницы 348
II, III, 6. Счастливый день 350
II, III, 7. Дикие гуси 352
II, III, 8. Двор светом факелов залит 353
II, III, 9. Полноводный поток 354
II, III, 10. Курлычут журавли 355

内容

祈父之什 II, IV. Цикл Цифу

II, IV, 1. Столичный воевода 356
II, IV, 2. Чисто-белый жеребёнок 357
II, IV, 3. Иволга 359
II, IV, 4. Ехала среди диких полей 360
II, IV, 5. Горный ручей 361
II, IV, 6. Неужто нет овец 364
II, IV, 7. Высока Южная гора 366
II, IV, 8. В первой луне 369
II, IV, 9. Началась десятая луна 374
II, IV, 10. Дождь неправедный 377

詩經

小旻之什 II, V. Цикл Сяоминь

II, V, 1. С милостью к малым 380
II, V, 2. Маленькая горлица 383
II, V, 3. Безрадостно 385
II, V, 4. Смутьянов клевета 388
II, V, 5. Что он за человек? 391
II, V, 6. Дворцовый евнух 394
II, V, 7. Восточный ветер 396
II, V, 8. Дух скорби неизбывной 397
II, V, 9. Великий Восток 399
II, V, 10. В четвёртую луну 402

北山之什 II, VI. Цикл Бэйшань

II, VI, 1. Северная гора 404
II, VI, 2. Не правь большою колесницей ... 406
II, VI, 3. Проблеск надежды 407
II, VI, 4. Звонит колокол 410
II, VI, 5. Густой терновник 411
II, VI, 6. Простёрлись Южные горы 414
II, VI, 7. Большое поле 416
II, VI, 8. Широкое поле 418
II, VI, 9. Пред взором Ло могучая течёт 420
II, VI, 10. Прекрасны яркие цветы 421

桑扈之什 II, VII. Цикл Санху

II, VII, 1. Пичуги 422
II, VII, 2. Мандаринки-уточки 423

II, VII, 3. В одеждах нарядных вошли 424
II, VII, 4. Под скрипы колёс 425
II, VII, 5. Рой синих мух 428
II, VII, 6. Вновь пир гостей собрал 429
II, VII, 7. Рыба в водорослях обитает 432
II, VII, 8. Собираем бобы 433
II, VII, 9. Рогом украшенный лук 435
II, VII, 10. Пышная ива 437

内容

都人士之什 II, VIII. Цикл Дужэньши

II, VIII, 1. Столичные учёные мужи 438
II, VIII, 2. Собирала люй-траву 440
II, VIII, 3. Всходы проса 441
II, VIII, 4. Растёт *тут* в низине 442
II, VIII, 5. Белый цветок 443
II, VIII, 6. Песня иволги 445
II, VIII, 7. Листья тыквы 446
II, VIII, 8. Отвесные скалы 447
II, VIII, 9. Распустились текомы цветы ... 448
II, VIII, 10. Какая трава не желтеет 449

大雅 III. БОЛЬШИЕ ОДЫ

文王之什 III, I. Цикл Вэнь-ван

III, I, 1. Вэнь-ван 450
III, I, 2. Великие светила 453
III, I, 3. Вьются плети тыквы 456
III, I, 4. Дубовая роща 459

III, I, 5. Подножие Ханьской горы 461
III, I, 6. Циская Тай Жэнь 463
III, I, 7. О, Преславный! 465
III, I, 8. Духовная башня 470
III, I, 9. Вступил У-ван в правленье Чжоу ... 471
III, I, 10. Слава Вэнь-вану 472

詩經

生民之什 III, II. Цикл Шэнминь

III, II, 1. Рождение народа 475
III, II, 2. Придорожный тростник 479
III, II, 3. Хмельны пиршества вином 480
III, II, 4. Утки и чайки 482
III, II, 5. Величествен и радостен 484
III, II, 6. Князь Лю 485
III, II, 7. Далеко берут воду 488
III, II, 8. Высокий холм 489
III, II, 9. Народ страждет 492
III, II, 10. От нас отвернулся
Верховный Владыка 495

蕩之什 III, III. Цикл Дан

III, III, 1. О, колеблющий шири! 498
III, III, 2. Строгость манер 501
III, III, 3. Раскидистая шелковица 506
III, III, 4. Млечный путь 512
III, III, 5. Велики священные горы 516
III, III, 6. Род людской 519

III, III, 7. Ханьское величие 522
III, III, 8. Цзин и Хань 525
III, III, 9. Незыблемая доблесть 528
III, III, 10. Взываю, уповаю 530
III, III, 11. Взываем к благу 533

頌 IV. ГИМНЫ

内容

周頌 IV, I. Гимны дома Чжоу

IV, I, 1. Храм Предков 536
IV, I, 2. Судьба небесная 537
IV, I, 3. Чисты, в сияньи славы 537
IV, I, 4. Славу возносим 538
IV, I, 5. Творение Неба 539
IV, I, 6. Явило Небо волю созиданья..... 539
IV, I, 7. Совершаем жертвоприношенье 540
IV, I, 8. Царство своё объезжает 541
IV, I, 9. Державная сила 542
IV, I, 10. О, просвещённый Хоу Цзи 543

周頌 IV, II. Гимны дома Чжоу

IV, II, 1. Чины и слуги 544
IV, II, 2. Хвала Чэн-вану 545
IV, II, 3. Величавы белые цапли 545
IV, II, 4. Урожайный год 546
IV, II, 5. Пришли слепцы 547

IV, II, 6. В глубинах рек 547
IV, II, 7. Согласие 548
IV, II, 8. Спешат предстать перед царём ... 549
IV, II, 9. Прибыли гости 550
IV, II, 10. У-вану 551

詩經

周頌 IV, III. Гимны дома Чжоу

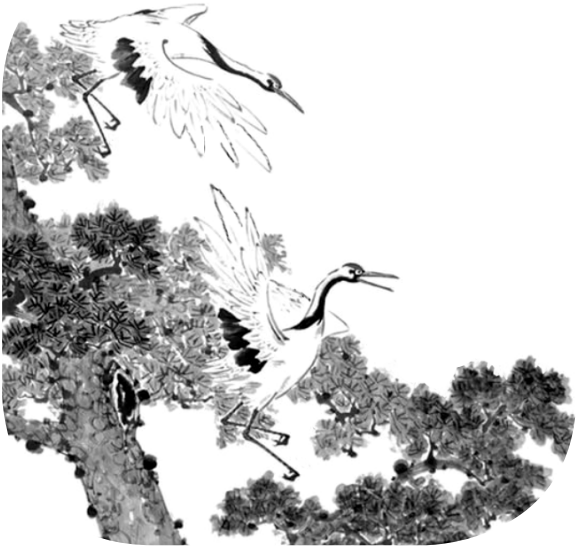
IV, III, 1. Несчастный младший сын 552
IV, III, 2. Что после себя оставлю 553
IV, III, 3. В благоговении пред ним 554
IV, III, 4. Остерегаюсь 555
IV, III, 5. Косим траву 556
IV, III, 6. Добротные сохи 558
IV, III, 7. Шёлковые платья 559
IV, III, 8. Поднимем кубок 560
IV, III, 9. Воинственно-отважный 560
IV, III, 10. Дар Чжоу 561
IV, III, 11. Соединяемся 561

魯頌 IV, IV. Гимны князей Лу

IV, IV, 1. Мощные кони 562
IV, IV, 2. Быстрые кони 563
IV, IV, 3. Государев пруд 564
IV, IV, 4. Храм Предков 568

商颂. IV, V. Гимны дома Шан

IV, V, 1. Всё пышет красотой 574
IV, V, 2. Сиящий во славе Предок 575
IV, V, 3. Ласточка 576
IV, V, 4. Длинные седины 578
IV, V, 5. Иньский У Дин 580



内容

I. ПЕСНИ ЦАРСТВ

I, I. Песни царства Чжоу[1]

國風

Брачная песня
(I, I, 1)

Там, где остров средь реки, где румян восход,
Брачным криком селезень уточку зовёт[2].
Девица-прелестница, станешь ты счастливой,
Будете вы с суженым парою красивой.

Сквозь ковёр речной травы не увидеть дна,
Лепестки нимфейника теребит волна.
Девица-прелестница, сердцем и устами
Суженый зовёт тебя днями и ночами.

Кличет – не докличется перемен в судьбе,
Он во сне и наяву бредит о тебе.
Вздохи безутешные, горестны томленья,
Ложе одинокое, нет отдохновенья!

Сквозь ковёр речной травы не увидеть дна,
Рвём цветы мы для тебя, ты красы полна.

Девица-прелестница с нежностью сокрытой,
Встретим радостно тебя с гуслями и цитрой[3].

Сквозь ковёр речной травы не увидеть дна,
Рвём цветы мы для тебя, ты красы полна.
Встретим долгожданную скромницу поклоном,
Барабанным говором, колокольным звоном.

國風

Извивны пуэрарии лианы
(I, I, 2)

Извивны пуэрарии лианы,
Теряются, петляя средь хлебов.
Её соцветия душисто-пряны,
Изящны венчики из ярких лепестков.
В высоких кронах иволги щебечут,
Струятся звуки тишине навстречу.

Извивны пуэрарии лианы,
Теряются, петляя средь хлебов,
Её соцветия душисто-пряны.
Холст соткала – не видно узелков,
Нашила платьев праздничных, простых,
Мне так приятно облачаться в них.

Наставнице своей должна сказать я
О том, что край родимый навещу.
Домашние я выстираю платья,
В воде проточной их прополощу.
Не знаю лишь, какой наряд избрать,
Чтоб пред отцом и матерью предстать?

Рву ясколку-траву
(I, I, 3)

Рву ясколку-траву я да рву,
Но никак не наполню корзину.
Не уйму о любимом кручину,
Чуть пройду, ставлю груз на траву.

Труден путь, вверх по склону идём,
Кони выдохлись, скоро вершина.
Наливаю вина из кувшина,
Чтоб не жгло мою душу огнём.

Мы взошли на вершину холма,
И черны и желты мои кони.
Винный рог мне возница наполни,
Мука тяжкая сводит с ума.

Мы на холм каменистый взошли,
Спотыкаются кони, чуть живы,
И измотан возница, нет силы,
Боль снедает меня изнутри!

Плакучее древо

(I, I, 4)

國風

На юге плакучее древо растёт,
Лоза винограда его обвивает.
Лишь муж благородный мне радость даёт,
Пусть добрые духи его окружают.

На юге плакучее древо растёт,
Лоза винограда его обвивает.
Лишь муж благородный мне радость даёт,
Пусть добрые духи его защищают.

На юге плакучее древо растёт,
Лоза винограда его обвивает.
Лишь муж благородный мне радость даёт,
Пусть добрые духи ему помогают.

Саранча[4]

(I, I, 5)

О, саранча – крыл свистящие звуки,
Небо затмившая пологом дыма!
Пусть же потомки: и дети, и внуки
Будут рождаться неисчислимо!

О, саранча – крыл трескучие звуки,
Тучей зелёной проносишься мимо!
Пусть же потомки: и дети, и внуки
Будут плодиться неистощимо!

О, саранча – крыл звенящие звуки,
Взором окинуть твой рой непосильно!
Пусть же потомки: и дети, и внуки
Множиться будут впредь изобильно!

Нежный персик[5]

(I, I, 6)

國風

Нежный персик расцвёл – кистью выкрашен чудной,
В дар наряд преподнёс долгожданной весне.
В мужа дом ты вступаешь хозяйкою юной,
Радость светлую, счастье несёшь всей семье.

Нежный персик расцвёл – кистью выкрашен чудной,
Будет сочных плодов изобилье на нём.
В мужа дом ты вступаешь хозяйкою юной,
Радость светлую, счастье несёшь мужу в дом.

Нежный персик расцвёл – кистью выкрашен чудной,
Лепестков пышный купол на нём так пригож.
В мужа дом ты вступаешь хозяйкою юной,
Радость светлую, счастье семейству несёшь.

Заячья сеть
(I, I, 7)

Мастерски ставит на колья сеть заячью он,
В землю вгоняя их, мерно стучит топором.
Воинским духом и силой сей муж наделён,
Будет он князю и знати надёжным щитом.

Мастерски ставит на колья он заячью сеть,
Тропы звериные ею обносит ...там, тут.
Воин по духу он, в битве готов встретить смерть,
Друга надёжного в нём князь со знатью найдут.

Мастерски ставит на колья сеть заячью он,
Тянет извилистой лентою в чаще лесной.
Воинским духом и силой сей муж наделён,
Князя и знать от несчастий прикроет собой.

Подорожник

(I, I, 8)

Подорожник рву да рву,
Напевая, рву траву.
Подорожник рву да рву,
Собираю я траву.

Подорожник рву да рву,
Отбираю я траву.
Подорожник рву да рву,
Чищу от семян траву.

國風

Подорожник рву да рву,
Набрала в подол траву.
Подорожник нарвала
И в подоле понесла.

Широка Хань-река[6]

(I, I, 9)

Растёт в южном крае высокое древо,
Не спрячет под тень, не спасёт от дождей.
По берегу Хань ходит гордая дева,
Взаимность во взгляде не сыщешь у ней.

Нельзя переплыть – широка Хань-река,
Круты и высоки её берега.
Длинна Цзян[7] – верста обгоняет версту,
Нельзя реку Цзян всю проплыть на плоту.

Я хворост собрал, наш очаг не остынет,
С кустов путняка я нарезал ветвей.
В дом мужа хозяйкой вступаешь ты ныне,
Я в путь напоил-накормил лошадей.
Нельзя переплыть – широка Хань-река,
Круты и высоки её берега.
Длинна Цзян – верста обгоняет версту,
Нельзя реку Цзян всю проплыть на плоту.

Я хворост собрал, наш очаг не остынет,
Травы впрок нарезал на несколько дней.
В дом мужа хозяйкой вступаешь ты ныне,
С утра накормил своих резвых коней.

Нельзя переплыть – широка Хань-река,
Круты и высоки её берега.
Длинна Цзян – верста обгоняет версту,
Нельзя реку Цзян всю проплыть на плоту.

Над гладью Жу-реки[8]

(I, I, 10)

Идём вдоль берега над гладью Жу-реки,
Деревья рубим, ветви, в сердце холод –
Мой благородный муж, тепло твоей руки
Забыла я, печаль гнетёт как голод.

Идём вдоль берега над гладью Жу-реки,
С ветвей срезаем нежные ростки.
Судьба негаданна – встречаю мужа я,
Прошу, молю его: не покидай меня.

Попался в сети лещ и красным бьёт хвостом[9].
Нас обжигает, иссушает царский дом,
И хоть томит нас повелителя чертог,
Недалеко совсем родительский порог.

Стопы цилиня[10]

(I, I, 11)

Стопы цилиня крепки́ и сильны́ –
Великолепные князя сыны.
Доблесть не станут менять на гордыню.
Слава великая, слава цилиню!

Князя семейство – цилиня чело,
Дружно семейство, обильно оно.
Не сокрушить уз семейных твердыню.
Слава великая, слава цилиню!

Рог у цилиня – единства оплот,
Мощный в цветении княжеский род.
Предков наказы хранит как святыню.
Слава великая, слава цилиню!

I, II. Песни царства Шао[1]

Гнездо свила сорока[2]
(I, II, 1)

Гнездо свила сорока за рекой,
Найдёт голубка скоро в нём приют.
Вступаешь ныне в терем мой женой,
Сто колесниц тебя, велича, ждут.

Гнездо свила сорока за рекой,
Летит туда голубка – нет преград.
Вступаешь ныне в терем мой женой,
Сто колесниц вслед за тобою мчат.

Гнездо свила сорока за рекой,
В нём у голубки пища и ночлег.
Вступаешь ныне в терем мой женой,
Сто колесниц свой завершили бег.

國風

Собирает кувшинки

(I, II, 2)

Кувшинки будет где она срывать?
В пруду у травных островков; на что ж
Заботы эти ей? Чтоб прославлять
Деянья князя и его вельмож.

Кувшинки будет где она срывать?
В протоках горных – там, где цвет пригож.
Куда возложит цвета благодать?
На алтари и князя, и вельмож.

Стоит с причёской праздничной она
Пред алтарём до утренней зари.
Достоинства, спокойствия полна,
В покои возвращается свои.

Стрекочут цикады

(I, II, 3)

國風

В траве не смолкая стрекочут цикады,
Кузнечиков прытких кишат мириады.
Давно я супруга не видела, яд
Вливают мне в сердце печаль и разлад.
Как только с супругом я встречи дождусь,
Как только любимого взглядом коснусь,
Так сердце отпустит уныния хлад.

На Южную гору тропой восхожу я,
Орляк собираю, по мужу тоскуя.
Супруга не видела я уж давно,
О, скорбное сердце, как рана оно.
Как только с супругом я встречи дождусь,
Как только любимого взглядом коснусь,
На сердце от радости станет светло.

На Южную гору тропой восхожу я,
Орляк собираю, по мужу горюя.
Уж сколько я дней не видалась с тобой,
Измучено сердце, разбито тоской.
Как только с супругом я встречи дождусь,
Как только любимого взглядом коснусь,
Так в сердце моём воцарится покой.

Собираем марсилию
(I, II, 4)

Где рвать марсилию? Где травам тесно:
У Южного ручья она прелестна.
Где водоросли рвать? Там, где их много:
К укромным заводям ведёт дорога.

Куда класть травы чистые от тины? –
В квадратные и круглые корзины.
Варить в чём водоросли? – На кострище
В котлах треножных и котлах для пищи.

Куда их возлагать? Вот духов метка
С высот Небес –
под окна Храма Предка[3].
А кто же действом будет ведать этим?
Быть юной девушке за всё в ответе.

國風

Пышнокронная груша
(I, II, 5)

Вот груша с пышной кроною растёт.
Не режь ветвей, пусть нож замрёт в руке,
Здесь Шао[4] князь стоял на биваке.

Вот груша с пышной кроною растёт.
Не режь ветвей – в них света с тенью вязь,
Отдохновение вкушал здесь Шао князь.

Вот груша с пышной кроною растёт.
Не режь ветвей, здесь Шао князь бывал,
Под этим древом делал он привал.

Выпала роса
(I, II, 6)

Росы с прохладой приходят, льнут к травным лугам,
Разве бывает не так по утрам, вечерам?
Вымолвлю я, что и мне пали росы к ногам.

Разве не скажет любой, что у птах нет рогов,
Чем же пробьют они кровлю мою из снопов?
Разве не скажет любой: «Нет жены у тебя»,
Так для чего же на суд вызываешь меня?
Хоть ты меня и на суд вызываешь людской,
Мужем не будешь ты мне, а тебе я – женой.

Разве не скажет любой: «Нет клыков у мышей»,
Чем же они прогрызут стены фанзы моей?
Разве не скажет любой: «Нет жены у тебя»,
Так для чего же на суд вызываешь меня?
Хоть ты меня и на суд вызываешь людской,
Знаю одно я – не буду твоею женой!

Шубы из шкурок ягнят
(I, II, 7)

國風

Шубы скроены ладно из меха ягнят,
Белой нитью пять строчек прошиты отменно.
Яств откушав у князя, оправив наряд,
Друг за другом по рангу ступают степенно.

Шубы скроены ладно из меха ягнят,
Нити шёлка в пять строчек их верх украшают.
Яств откушав у князя, оправив наряд,
Друг за другом по рангу степенно шагают.

Шубы скроены ладно из меха ягнят,
Пять кистей – все из белого шёлка – свисают.
Яств откушав у князя, оправив наряд,
Друг за другом по рангу неспешно ступают.

Гром чашу Неба расколол
(I, II, 8)

Гром чашу Неба расколол,
На юге от Наньшань[5] гроза.
Зачем же быстро ты ушёл?
Присел на миг лишь. Небеса!
Молю, чтоб звёзды так сошлись –
Муж благородный, возвратись!

Гром чашу Неба расколол,
Над склонами Наньшань гроза.
Зачем же быстро ты ушёл?
Не отдохнул. О, Небеса!
Молю, чтоб звёзды так сошлись –
Муж благородный, возвратись!

Гром чашу Неба расколол,
В долине под Наньшань гроза.
Зачем же быстро ты ушёл?
Сил не набрал. О, Небеса!
Молю, чтоб звёзды так сошлись –
Муж благородный, возвратись!

國風

Плоды со сливы опадают
(I, II, 9)

Плоды со сливы дикой опадают,
Ещё их много, яшмою сияют.
Для молодцов, кто ждёт со мной свиданья,
Пришла пора загадывать желанья!

В лесной долине слива опадает,
Немного уж плодов с ветвей свисает.
Для молодцов, кто ждёт со мной свиданья,
Дни минули уже хранить молчанье!

Опала слива дикая; в долину
Спускаюсь я, кладу плоды в корзину.
Для молодцов, кто ждёт со мной свиданья,
Приспело время высказать признанье!

Как мало звёзд на Небе

(I, II, 10)

召南

Как мало звёзд на Небе, так они далёки!
Едва мерцают – три ли, пять ли – на Востоке.
Спешу, незримая, в тиши ночной прохлады,
Мне князя сердца до рассвета лишь любить.
Различны судьбы наши, вместе нам не быть!

Роняют звёзды тусклый свет с небес, их мало!
Мне дарят жизнь и смерть два ока – Шэнь и Мао[6].
Спешу, незримая, в тиши ночной прохлады,
Для встречи с милым покрывало я несу,
Но от разлуки судьбы наши не спасу!

國風

Сливается река с великим Цзяном
(I, II, 11)

Сливается река с великим Цзяном,
Невеста к жениху уходит в дом.
Нас не зовёт, все думы о желанном,
Нас не зовёт, все думы о желанном,
Но вскоре будет так жалеть о том.

Есть островок в широких водах Цзяна,
Невеста к жениху идёт в семью.
Нас не берёт, она одна желанна,
Нас не берёт, она одна желанна,
Но не сокрыть ей вскоре грусть свою.

Слились потоки вод в великом Цзяне,
Невеста в терем жениха ушла.
Ушла и отвергает встречи с нами,
Ушла и отвергает встречи с нами,
Поёт сквозь слёзы, в гордом сердце мгла.

Стрелой сразили лань
(I, II, 12)

Стрелой сразили в пойме лань. Поник
Над нею, будто сломанный, тростник.
Весной девичье сердце дум полно,
Ты, добрый молодец, пленил его.

Опушка леса густо заросла.
Сражён олень на пойме, в цель стрела.
Тростник над ним – застывшая волна,
Прелестна дева, нежности полна.

«Спокойней, не спеши, дружок, постой,
Прошу, не тронь платок мой поясной,
Не то залает страж свирепый мой».

國風

Свадьба царевны

(I, II, 13)

Чей это пышный праздничный наряд? –
Цветущей сливой разрумянен сад!
Что за величье, что за радость дня?
То колесницы дочери царя.

Чей это пышный праздничный наряд? –
Соцветья сливы с персиком горят!
Пин-вана[7] внучка то, её жених –
Сын князя Цискoго[8], день славит их.

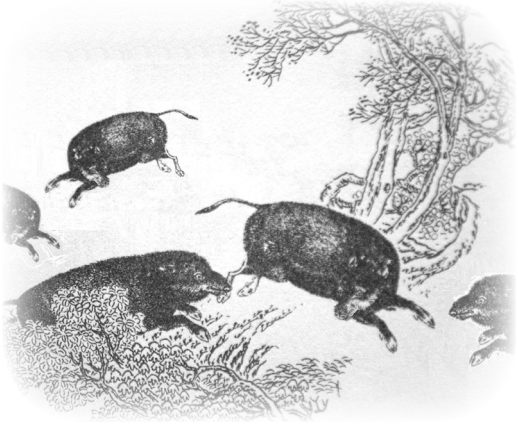
Какую снасть, чтоб удить, нужно взять?
Из шёлка лéсу – эту не порвать!
Пин-вана внучка то, её жених –
Сын князя Цискoго, нет краше их!

Загонщики

(I, II, 14)

Пышен камыш, не увидеть тропинок,
Залпом из луков убиты пять свинок.
Ух и загонщики! Вот поединок!

Густ чернобыльник, колосья налиты,
Залпом из луков пять свинок убиты.
Нет от охотников зверю защиты!



I, III. Песни царства Бэй[1]

Кипарисовый чёлн

(I, III, 1)

國風

1

Кипарисовый чёлн одиноко плывёт,
Гонят волны его и течение вод.
Льнёт бессонница, сердце моё извелось,
Изболелось, пропитано горем насквозь.
Но причина не в том, что вина не сыскать,
Чтоб себя развлечением праздным занять.

2

Разве зеркало сердце?... хоть долго смотреть,
В нём нельзя затаившихся чувств разглядеть.
Старший брат мой и младший – надежда семьи,
Но не станут мне прочной опорой они.
К ним поведать печали приду, не совет,
А лишь гневное слово услышу в ответ.

3

Сердце вдовье не камень – не сдвинуть с тропы,
Ни рукой богатырской, ни силой толпы.
Сердце и не циновка, его не скатать,
И как дар из рук в руки другим не отдать.

Величавы, изящны манеры мои,
Одинаково строги, пристойны они.

4

Сердце полно печали, куда уж полней,
Ноет, стонет от каверз ничтожных людей.
Много злобы испытано – память хранит.
Претерпела немало издёвок, обид.
Маюсь я и страдаю, от дум не заснуть,
Как очнусь, бью себя в исступлении в грудь.

5

Солнце ясное! Месяц! – Цари высоты,
Почему иногда затмеваетесь вы?
Острой болью пронизано сердце моё,
Будто грязной одеждой покрыто оно.
Горькой думой казнима, гнетущей тоской,
Тяжко мне, не могу воспарить я душой.

Зелёного цвета одежда
(I, III, 2)

國風

Зелёного цвета одежда на Вас,
Её жёлтым шёлком Вы снизу подбили[2].
Печаль в моём сердце, огонь в нём угас,
Да будет ли мукам конец, что постыли?

Зелёного цвета одежда на Вас,
Вы снизу подбили её жёлтой тканью.
Крик боли в растерзанном сердце увяз,
Придёт ли конец моей пытке-страданью?

Зелёного цвета одежда на Вас,
Вы сами пошить повелели такую.
Я древних людей вспоминаю наказ
И в кротости горьких ошибок миную.

Дрожу я, мне зябко стоять на ветру
В любом одеянии – не согревает.
Я к древности нашей тянусь, как к костру,
И жар его – сердце теплом наполняет.

Ласточки
(I, III, 3)

Ласточка с ласточкой парой летают,
Острыми крыльями высь рассекают.
Ту, сердце чьё ма́нит в дом зов велений,
Я провожаю к границам владений.
Вот уж вдали экипаж растворился,
Слёз ручеёк по щекам покатился.

Ласточка с ласточкой парой летают,
То устремляются вниз, то взмывают.
Тронулась в путь она, нам одиноко,
Я провожаю далёко-далёко.
Вот экипаж уж исчез за холмами,
Долго стою, обливаюсь слезами.

Ласточка с ласточкой мечутся в небе,
Слышится сверху и снизу их щебет.
Ту, кого дома не ждёт муж-хозяин,
Я провожаю до южных окраин.
Вот экипаж уж исчез за холмами,
Сердце исколото горя шипами.

Как же Чжунши[3] в доброте беспредельна,
Благоразумна, в любви неподдельна!
Верной подругой мне стала, подмогой,
Честь берегла и к себе была строгой.

Памятью – князя покойного, мужа –
Душу мою избавляла от стужи.

Луна и Солнце

(I, III, 4)

Луна и Солнце в вышине не дремлют,
Сквозь мрак и холод свет струят на землю,
А мой супруг меня вверг в мир смятений,
Предáл забвенью он обычай древний.
Быть может, всё как прежде было станет?
Ужель тогда он на меня не взглянет?

國風

Луна и Солнце гонят тьму ночную,
Обводят светлым оком твердь земную,
А он, супруг, кто вверен мне судьбою,
Так долго ныне не в ладу со мною.
Быть может, станет всё как прежде, милый?
Ужель останусь для тебя постылой?

Луна и Солнце – света два истока,
От кромки Неба ввысь плывут с Востока,
А он, супруг, кто вверен мне судьбою,
Себя опутал славою дурною.
Вернётся может всё, как прежде будет?
Да и тогда он обо мне забудет.

Луна и Солнце – света два истока,
От кромки Неба ввысь плывут с Востока.
Родные, мать, отец! О, время сказки!
Растили вы меня в любви и ласке.
Быть может, станет всё как было прежде?
Не обмануться бы в своей надежде.

Западный ветер
(I, III, 5)

國風

Ветер западный дует, вихрится, свистя.
Взглядом беглым насмешливым дразнишь меня,
Как усмешки жестоки, остры как шипы,
Сердце ранят они, но безжалостен ты.

Ветер с запада дует, свирепо кружи́т.
Обещал, что придёшь, встреча всё предрешит,
Но напрасно я жду, ведь слова твои лгут,
Думы, думы мои в грусть-печали плывут.

Ветер дует и грозные тучи несёт,
Что ни день, то повит мглой густой небосвод.
Я не сплю, двух сердец разминулись пути,
Молвить слово хочу – рвётся стон из груди.

Тучи-тучи на небе, черно всё кругом,
Нарастающий гул, сокрушающий гром.
Брежу я, двух сердец разминулись пути,
Молвить слово хочу – рвётся стон из груди.

Загрохотали барабаны
(I, III, 6)

1

Загрохотали барабаны. Подъём! казарменный народ!
Глаза продрав, в колонны встали,
опять в поход, опять в поход.
Остались в Цао[4] те, кто строит –
возводит стены, акведук,
А мы, вояки, быстрым маршем,
вздымая пыль, на юг, на юг.

2

Нас в бой повёл великий воин,
наш полководец Сунь Цзычжун[5],
И нет противников уж боле,
мир с царством Чэнь и с царством Сун[6].
Но нам нельзя оружье бросить,
приказа нет идти назад,
Печаль гнетёт, снедает души,
домой-домой сердца стучат.

邶風

3

Там задержались, здесь остались,
а командир – скорей-скорей!
Вот тут у речки на привале недосчитались мы коней.

Как их найти? Не слышно ржанья, ни эха топота копыт,
Искать в лесу пропажу будем, кто воин, тот и следопыт.

4

Жизнь или смерть – разлуки жребий:
что предначертано судьбой?
Не забывать – друг другу дали
мы клятву верности с тобой.
Желанную и дорогую хотел бы за руку я взять,
Рука в руке – вот так бы вместе
дни тихой старости встречать.

5

С тобой разлука нестерпима;
тоской мучительной томим,
В сердечной глубине подслушал –
не суждено мне быть живым.
И слёзы горькие глотаю,
во мгле пустых надежд влачусь,
И каждый шаг, как вздох прощальный:
я не вернусь, я не вернусь.

Тёплый ветер

(I, III, 7)

北風

Дол лаская, тёплый ветер дует с юга,
Обвевает ветви нежные жужуба.
Ветви вытянулись, гибки и сильны,
Материнскою заботою полны.

Дол лаская, тёплый ветер дует с юга,
Разрослись, окрепли веточки жужуба.
Как мудра, добросердечна наша мать,
Но средь нас детей хороших не сыскать.

Есть источник со студёною водою,
Он близ Сюнь[7] течёт под звёздной тишиною.
Нас у матери немало – семь сынов,
Но черна она под тяжестью трудов.

Звонкой иволги сияет оперенье,
В дни весны проникновенно птичье пенье.
Семь сынов, мы грудью вскормлены одной,
Только сердцем чёрствы к матери родной.

國風

Пёстрый фазан

(I, III, 8)

Чета фазанов в небе над прудом
Согласно машет и легко крылами.
Душа болит о суженом моём,
В разлуке обливаюсь я слезами.

В чете фазанов – песнь любви земной,
Слышны их крики сверху, снизу, с краю.
Мой благородный муж, как пред собой
Его я вижу, по нему страдаю.

Гляжу на солнце или на луну,
О нём лишь думы, сердце он тревожит.
Путь дальний-дальний выдался ему,
Когда же он назад вернуться сможет?

Да сотням благородных ли не знать,
Что добродетель мой любимый множит?
Он не завистлив, не привык стяжать,
И недобро свершить он разве может?

У тыквы горькие листья
(I, III, 9)

北風

Листья у тыквы-горлянки по вкусу горьки́,
Неодинаковы глуби у бродов реки.
Брод, коль глубок, я в одежде его перейду,
Мелок же будет, я платья полу подниму.

Глубже всё брод, пребывает вода и бурлит,
Громкие крики фазаночки эхо хранит.
Глубже всё брод, но вода не накроет колёс,
Зовы фазаночки ширит задумчивый плёс.

Брызнет лишь утром на землю сноп ярких лучей,
Слышатся тут же согласные крики гусей.
К суженой князя сердечные чувства зовут,
Хоть по весенней воде ещё льдинки плывут.

Шумный паромщик людей к переправе зовёт,
Кто-то стремится скорей пересечь глуби вод.
Люди спешат, только я никуда не иду,
Друга любимого, друга желанного жду.

國風

Весенний ветер

(I, III, 10)

1

Весна пахнула свежестью ветров,
Дождь благодатный сон прогнал с холмов.
Старалась жить в согласии с тобой,
Размолвки обходила стороной.
Ты рвал у репы с редькою вершки,
Так что ж теперь бросаешь корешки?
Я, честь храня, терпела боль обид,
Надеялась – лишь смерть нас разлучит.

2

По жизненной тропе иду-бреду,
Печаль-тоска растит в душе беду.
Недалеко прошествовал со мной,
К порогу проводив, ушёл к другой.
Не всем ли знать, трава-осот горька?!
Травы пастушьей слаще мне она.
Пируешь с новой молодой женой,
Она близка тебе как брат родной.

3

Сребрится Вэй, с ней рядом Цзин мутна[8],
Но в заводях прозрачная до дна.
Пируете вы с молодой женой,
А я плыву никчёмною щепой.

Ох, не ходить бы на запруду ей,
Не ставить бы бамбуковых снастей.
Забыта я, одна в знобящей мгле,
О жалости ли помышлять к себе?

4

Случалось, переплыть глубины вод
Мне помогали лодка или плот.
Бывало мелко, дна виднелась ржавь,
Шла вброд, а то переправлялась вплавь.
Что для меня достаток, что нужда?
Я рук не опускала никогда.
Коль смерть людей косила, тех, кто жив,
Спасала, в кровь свои колени сбив.

5

Не смог любить меня, одеть в шелка,
А превратил во злейшего врага.
Ты честь мою безжалостно черня,
Как вещь ненужную отверг меня.
Я помню было лихо и не раз,
Казалось, рухнет всё с тобой у нас.
Взросла в твоём я доме, мне судьба –
Стать горькою отравой для тебя.

6

Я сделала запасы овощей –
Прокормят нас во время зимних дней.

Пируете вы с молодой женой,
А я нужна лишь для борьбы с нуждой.
Грубишь, пылаешь гневом, вот твой суд –
На плечи мне взвалил тяжёлый труд.
Припомни, как мы жили в лад с тобой,
Ты обретал со мной земной покой.

國風

На погибель

(I, III, 11)

И холод, и голод, и горечь утрат,
Тогда почему ж не вернуться назад?
Не княжье бы дело вело нас, мы все
Зачем бы и мёрзли, и мокли в росе?

И холод, и голод, и горечь утрат,
Тогда почему ж не вернуться назад?
Да если бы нé был так дорог нам князь,
То ради чего мы месили бы грязь?

Холм пологий

(I, III, 12)

Лианы пуэрарии покрыли холм пологий,
Побеги густо разрослись, обвив тенистый вяз.
О, старшие и младшие дядья, в большой тревоге
Давным-давно –
и дней не счесть – мы ждём вестей от вас.

На месте остаётесь вы, но почему же? Или
Вы помощи решительной всё ждётё? От кого?!
Идёте слишком долго к нам, о нас совсем забыли,
Иль есть у вас, ответьте нам, причины для того!?

У нас на лисьих шубах уж меха поистрепались,
Не вам ли колесницы посылали на восток?
О, старшие и младшие дядья, мы не дождались
От вас согласья нам взглянуть на свой родной порог.

Любимых чад своих, птенцов, в гнезде лелеют птицы,
Разбросаны по свету мы, забытые сыны.
О, старшие и младшие дядья, как с тем смириться –
В величьи царственном своём глухи́ вы и немы.

Огнём взор пылает

(I, III, 13)

國風

Огнём взор пылает и силу таит,
Дух воина в пляске хочу передать.
Как только поднимется солнце в зенит,
Так встану чуть выше и буду плясать.

Движенья красивы и мощи полны,
Как будто сошёл во дворец из легенд.
Я ловок как тигр, я маг вышины,
Послушны мне вожжи из шёлковых лент.

Вот флейту я взял, а другою рукой
Взял перья фазаньи, весельем лучась.
Горят мои щёки румяной красой,
И кубок мне жалует доблестный князь.

С раскидистой кроной и крепким стволом
Орех на горе, а горец под горой.
А все мои думушки-думы о ком? –
Красавице с запада, что за рекой.
Прекрасная дева, в тех далях твой дом,
Где день угасает с закатным лучом.

Родник

(I, III, 14)

Студёным ключом бьёт родник из земли,
В ручей растекаясь, вливается в Ци[9].
Тоскую о Вэй[10] я, свет сер и угрюм,
Ни дня нет покоя от тягостных дум.
О, сёстры родные, добрее вас нет,
Хотелось бы с вами держать мне совет.

Как длинен был путь, ночевали мы в Цзи,
А чарку прощальную выпили в Ни[11].
Кто замуж выходит, тех слёзным дождём
Омыв, провожает родительский дом.
Наведать бы тёток, коль стала женой,
Увидеть бы дядю со старшей сестрой.

В пути на ночлег приютились бы в Гань[12],
А чарку прощальную выпили б в Янь[13].
Мы смазали б оси у ступиц колёс,
И кони резвее тащили бы воз.
Добрались бы быстро до Вэй, без труда,
Дорогу что б нам преградило туда?

Родной Фэйцюань[14],
отзвук милый в судьбе,
Всечасно вздыхаю, грущу о тебе.

И Цао, и Сюй[15] моя память хранит,
Как вспомню, так сердце тревожно стучит.
Запрячь бы коней и в зовущую даль
Умчать, чтоб не мучила душу печаль.

國風

Северные ворота
(I, III, 15)

Вот вышел я из северных ворот,
Сильна печаль на сердце, глубока.
Кружит меня нужды водоворот,
Да знают ли, как жизнь моя горька?!
Но Небо пожелало этой доли,
Покорный пленник я земной юдоли!

Гнетут на царской службе, сбился с ног,
Взвалили дел – накрыли с головой.
Едва перешагну родной порог,
Домашние корят наперебой.
Но Небо пожелало этой доли,
Покорный пленник я земной юдоли!

Забыл я про покой, служа царю,
Дел ворох нагрузили на меня,
А как родной порог переступлю,
Одни лишь униженья слышу я.
Но Небо пожелало этой доли,
Покорный пленник я земной юдоли!

Северный ветер
(I, III, 16)

國風

С севера ветер дохнул ледяной,
Снег повалил непроглядной стеной.
Если жалеешь и любишь меня,
За руки взявшись, пойдём – ты и я.
Нечего медлить, нам нечего ждать,
Надо от бед наше счастье спасать.

Северный ветер протяжно завыл,
Крупными хлопьями снег повалил.
Если жалеешь и любишь меня,
Руку подай, не оставлю тебя.
Нечего медлить, нам нечего ждать,
Надо от бед наше счастье спасать.

Нет никого, кто лисицы рыжей,
Самого чёрного ворон черней.
Если жалеешь и любишь меня,
Вот колесница, в ней ты лишь и я.
Нечего медлить, нам нечего ждать,
Надо от бед наше счастье спасать.

Скромная девушка
(I, III, 17)

Скромная добрая девушка с дивной красой,
Ждёт, ищет встречи со мной у стены городской.
Хоть и люблю, на глаза показаться боюсь,
Крепко затылок чешу и на месте топчусь.

Скромная добрая девушка сердцу мила,
Красную кисть мне в подарок она поднесла.
Писчая кисть жжёт ладони, пылает огнём,
Радостным чувством взволнован я, очень смущён.

Девушка в поле цветов нарвала луговых,
Мягкою свежестью дышат они, так нежны.
Эти цветы потому мне дороже других,
Что от души той красавицей в дар мне даны.

Новая башня

(I, III, 18)

國風

Новая Башня светла и ярка,
Тихо под ней протекает река.
Думала – с милым дорога сведёт,
А повстречался смердящий урод.

Новая Башня блестит чистотой,
Воды реки гладят стены волной.
Верила – с милым дорога сведёт,
А повстречался оплывший урод.

Сетью хотели поймать карася,
А изловили большого гуся.
Думала – милому буду жена,
Только в мужья обрела горбуна.

В лодку сели двое сыновей

(I, III, 19)

Не затеряться б им среди зыбей,
Садятся в лодку двое сыновей.
Плывут искать своей надежды след,
Всё меньше, меньше лодки силуэт.
Слова напутствия шепчу, от смут
Пусть сыновей они уберегут.
Зовёт их в путь неведомая даль,
На сердце матери тоска-печаль.

Не затеряться б им среди зыбей,
Садятся в лодку двое сыновей.
Плывут искать своей надежды след,
Пропал из виду лодки силуэт.
Слова напутствия шепчу, от смут
Пусть сыновей они уберегут.
Не ошибитесь под чужой звездой,
Да обойдут вас беды стороной.

I, IV. Песни царства Юн[1]

Чёлн кипарисовый

(I, IV, 1)

Чёлн кипарисовый к брегам не подплывёт,
Уносит вдаль его стремнина тёмных вод.
Лежат две чёлки по-ребячьи у него,
Он мог бы парою достойною мне быть,
Но поклялась с другим я ложе не делить.
О, Небо мудрое, услышь! О, мать моя!
Поверьте мне, полна душевной боли я!

國風

Чёлн кипарисовый, быстрина глубока,
Вдоль берегов крутых его несёт река.
Лежат две чёлки по-ребячьи у него,
Он мог бы мне навек хорошим мужем быть,
Но поклялась до смерти верность сохранить.
О, Небо мудрое, услышь! О, мать моя!
Поверьте мне, полна душевной боли я!

Растут колючки
(I, IV, 2)

邶風

Колючки на верху стены растут,
Не вырвешь с корнем их, напрасен труд.
О чём внутри покоев говорят,
Того другим нельзя передавать.
И даже то, что можно рассказать,
Как непристойности из уст звучат.

Колючки на стене, что прячет дом,
Хоть надорвись, не срежешь их серпом.
О чём внутри покоев речь ведут,
О том нельзя с другими говорить.
Да и о том, что можно объяснить,
Рассказы много времени займут.

Колючки на верху стены растут,
Руками не собрать – ладони жгут.
О чём внутри покоев говорят,
Того нельзя с другими обсуждать,
И даже то, что можно передать,
Как непристойности из уст звучат.

С супругом встретишь старость

(I, IV, 3)

國風

С супругом встретишь дней своих закат.
Убор сияньем яшмовым объят.
Красу твою запомнят на века –
Ты горный пик, ты чистая река.
Неподражаем праздничный наряд.
На то б не целомудрие твоё,
То подошло к чему бы это всё!?

Роскошен, изумителен наряд!
Фазаньих перьев вышивки горят.
Черней твой волос тучи грозовой,
В нём не найти ни пряди накладной.
Как яшмовые серьги свет лучат!
Как шпилька костяная манит взгляд!

Чело бело, добра к тебе молва:
Уж не с небес ли к нам сошла сюда?
Уж не явленье ль это божества?

В своём великолепии проста
Торжественного платья красота.
О, как воздушна ткань и как тонка,
Поверх сорочки как пышны шелка!

Неторопливо речь журчит в устах,
Загадочно-волшебный свет в глазах.
Сравниться с красотой твоей нельзя –
Нет в этом царстве женственней тебя!

鄘風

Собираю повилику
(I, IV, 4)

國風

Куда собирать повилику пойду? –
В деревню за Мэй, там её я найду.
О ком мои тайные помыслы все?
О Цзян несравненной – пьянящей красе.
Под кроною тутов мы встретимся с ней,
Дойдём до дворца по извивам аллей.
Проводит меня вдоль по берегу Ци.

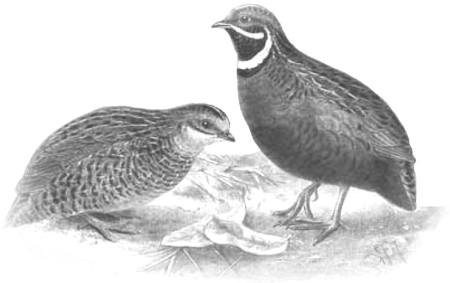
Пшеницу сбирать я отправлюсь куда? –
Где северней Мэй колосятся поля.
О ком мои тайные помыслы все?
Об И несравненной – пьянящей красе.
Под кроною тутов мы встретимся с ней,
Дойдём до дворца по извивам аллей.
Проводит меня вдоль по берегу Ци.

Отправлюсь куда собирать репу я? –
К востоку от Мэй ей богаты поля.
О ком мои тайные помыслы все?
Об Юн несравненной – пьянящей красе.
Под кроною тутов мы встретимся с ней,
Дойдём до дворца по извивам аллей.
Проводит меня вдоль по берегу Ци.

Перепела живут четой
(I, IV, 5)

Перепела живут четой,
Сороки парами летают.
Он без заслуг, но мне родной,
Его как брата почитаю.

Сороки парами летают,
Перепела живут четой.
Он без заслуг, но сердце знает,
Что он мне как отец родной.



Созвездие Дин[2]

(I, IV, 6)

國風

Созвездие Дин встало в центре, знак дан –
Он в Чу[3] к созиданью дворца приступил,
По солнечной тени он вычертил план,
Построил палаты; орех посадил,
Идéзию, тунг и сумах по углам,
Затем и катальпу, тенистый каштан –
В них гусли и цитры грядущим мужам.

Поднялся наверх он, вдохнул высоту,
Величье раздолья открылось ему.
На Чу и на Тан[4] он направил свой взор,
Курганами был восхищён, видом гор.
Спустившись, под сень рощи тутов ступил,
Он щит черепаший о счастье спросил,
Щит благостной вестью его одарил.

С дождями с небес пролилась благодать.
Приказ колесничему тут же отдал –
По утренним звёздам коней запрягать,
У зарослей тутов устроить привал.
Прямой он, желания сердца ясны́,
Один он такой средь просторов страны,
Несметны, прекрасны его табуны!

Радуга
(I, IV, 7)

鄘風

На востоке радуга красками горит,
Пальцем не указывай на неё – нельзя[5].
Девушка прекрасная к жениху спешит,
Оставляет мать с отцом, милые края.

Радуга на западе красками горит,
Дождик утренний прошёл, вымокла земля.
Девушка прекрасная к жениху спешит,
Оставляет мать с отцом, милые края.

Вот такая девушка, и не сладить с ней,
Об одном лишь думает – замуж поскорей.
И не внемлет разуму, думы все о нём,
Ей веление судьбы вовсе нипочём.

國風

На крысу взгляни

(I, IV, 8)

Какой у крысы мех, смотри!
Ты ж человек, а без достоинств.
Коль человек и без достоинств,
Зачем же жить тебе? Умри.

У крысы зубы есть, смотри!
Ты ж человек, а без устоев.
Коль человек и без устоев,
Зачем же жить тебе? Умри.

Какой у крысы вид, смотри!
Ты ж человек, а без приличий.
Коль человек и без приличий,
Зачем же жить тебе? Умри.

Бунчуки
(I, IV, 9)

Над ратным строем веют бунчуки,
Столицы Сюнь окрестности близки.
За белым шёлком лент, что в бунчуках,
Рысят коней четвёрки в дня лучах.
К нам едет гость, наш государь, а мы
Преподнесём достойные дары?

Уж на знамёнах соколов видать,
Подходит к стенам Сюнь-столицы рать,
Вслед за знамёнами в витых кистях –
Рысят коней пятёрки в дня лучах.
К нам едет гость, пресветлый князь, а мы
Достойно встретим ли, щедры дары?

Штандарты реют, красками горят,
Вступает ратный строй в столичный град.
Вслед за знамёнами в витых кистях –
Коней шестёрки шествуют в рядах.
Встречаем государя самого,
Как возвеличим ныне мы его?!

Гоню коней[6]

(I, IV, 10)

國風

1

Гоню коней во весь опор, хлещу коней,
Спешу со словом утешенья к князю в Вэй.
Далёк мой путь лежит,
плеть свищет, кони мчат,
Стремлюсь быстрее я увидеть Цао-град.
А по горам-долам погоня вслед за мной
Ввергает сердце в страх и холод ледяной.

2

Страдаю, мучаюсь, темно в душе моей,
Надежды рухнули, я не вернулась в Вэй.
Не одобряете меня, не убоюсь
И от задуманного я не отступлюсь.
Душа безрадостна, её не отогреть,
Преграды водные не вышло одолеть.
Могу понять, вы порицаете меня,
Но дел намеченных скрывать не стану я.

3

Мы подняли´сь на холм, легла на сердце мгла,
Чтоб боль унять, травы-саранки набрала.
Лелеют женщины заветную мечту –
Найти любимого, составить с ним чету.

Неодобренье в Сюй мне выскажут своё,
Но как бездумно и наивно это всё.

4

Вот едем уж среди полей, стоит стеной,
Куда ни глянь, пшеницы колос налитой.
У сильных княжеств надо помощь мне просить[7],
Но кто убежище мне сможет предложить?
О, вы вельможи, благородные мужи,
Не обвиняйте вы меня, в том больше лжи.
Я сотни умных наущений получу,
Но это мало схоже с тем, что я хочу.

鄘風

I, V. Песни царства Вэй[1]

Укромная заводь
(I, V, 1)

國風

Прозрачна заводь Ци, ни волн, ни ветерка,
Бамбуком пышно заросли её брега.
Мой утончённый благородный муж,
Как будто выточен и полирован он,
Как будто мастером искусным огранён!
Умён, внушителен, имеет строгий нрав,
Цветущей мощи полон он и величав.
Мой утончённый благородный муж,
На миг оставлю лишь – живу, печаль объяв.

Прозрачна заводь Ци, ни волн, ни ветерка,
Бамбуком пышно заросли её брега.
Мой утончённый благородный муж,
Его подвески самоцветами горят,
На шапке россыпь звёзд, сияют, взор слепят.
Внушителен, умён, имеет строгий нрав,
Цветущей мощи полон он и величав.
Мой утончённый благородный муж,
На миг оставлю лишь – живу, печаль объяв.

Прекрасна заводь Ци, какой покой вокруг!
На берегу реки высок и густ бамбук.

Мой утончённый благородный муж,
Как злато чист, бел, как из олова рожок,
Как жезл нефритовый, как яшмовый кружок[2]!
Степенен, щедр, великодушен, просвещён,
Двойной опоры колесницей[3] правит он.
Искусной шуткой удивить всегда готов,
Но не обронит никогда жестоких слов.

衛風

Наслаждались уединением

(I, V, 2)

國風

Ручей в тени – уединения волшебник,
О, сколько чувств в тебе, мой ласковый отшельник!
Один ты спишь, встаёшь, удачу словом манишь,
Навеки Небу поклянись, что не обманешь.

Заросший холм – уединения волшебник,
О, как ты страстен, необузданный отшельник!
Один ты спишь, встаёшь и песней утро будишь,
Навеки Небу поклянись, что не забудешь.

Плато средь гор – уединения волшебник,
О, как упорен ты, настойчив, мой отшельник!
Ты каждый день ночлег на новом месте ставишь,
Навеки Небу поклянись, что не ославишь.

Княжна-красавица

(I, V, 3)

Стройна, высока, ты волшебна как звёздная ночь,
Под лёгкой одеждой парча золотая видна.
Ты славного циского[4] князя достойная дочь
И вэйскому[5] князю отныне навеки жена.
Престола наследнику[6] будешь ты младшей сестрой,
Князь синский[7] сестру твою выбрал своею женой,
Сам таньский[8] владыка твой зять, сановитый собой.

Как нежный побег, что проклюнулся к свету, рука,
Как жира застывшего отсветы кожи белы,
И шея гладка, и гибка как личинка жука,
И зубы как семечки тыквы-горлянки ровны.
Твой лоб – от цикады, и бабочки-брови тонки,
В улыбке чарующей – тайная сладость мечты,
В глазах – удивительный свет и тепло доброты.

Изящна, легка, величава как солнца восход,
Устроила отдых близ града – чертоги видны.
Четвёрка коней запряжённых копытами бьёт,
Полоски из красного шёлка в узду вплетены,
Сень перьев фазаньих тебя укрывает от глаз.
Вельможи, не мешкайте, залу покиньте сейчас!
Княжну ждёт владыка, уж близок свидания час.

Бескрайни могучие воды великой Реки[9],
Клокочут-бурлят и на пенное буйство щедры.
Вот с плеском бросают в волну невода рыбаки,
Кишат и неистово бьются в сетях осетры.
Как густо разросся тростник, берега зеленит,
В роскошных нарядах сородичей свита стоит,
У войска охранного грозный внушительный вид.

國風

Простодушный парень

(I, V, 4)

1

Ты парнем простодушным к нам вошёл,
Сказал, что холст отдашь в обмен на шёлк.
Но ты товар показываешь свой
Лишь для того, чтоб сблизиться со мной.
Чрез реку Ци дорога нас вела,
Далёко – до Дуньцю[10] с тобой дошла.
Сорвался свадьбы срок, я не причём –
Ты сватов не сумел заслать в наш дом.
Не гневайся, любимый, на меня,
Тебя та осень выбрала в мужья.

2

На старую я крепость восхожу,
Не рядом ли с заставой ты – гляжу.
Стою, забыв про время, нет тебя –
Из глаз струятся слёзы в два ручья.
А подъезжаешь, грусть слетает вмиг,
Зову тебя, и радостен мой крик.
О нас спросил ты черепаший щит,
Ответ был дан: «Хула вам не грозит!»
Приехал в колеснице ты за мной,
С приданым вместе в край увёз чужой.

國風

3

Пока листва у тута на ветвях,
Упруга и влажна она в руках.
Ах, горлица! Не слушай звоны струй,
Ты тутовые ягоды не клюй!
Эй, девушка! Как кромка льда тонка,
Не потакай желаниям дружка!
Ох, увлеченья юноши, о них
Он речь ведёт и средь людей чужих.
Ах, увлеченья девушки, она
Хранить о них молчание должна.

4

Как полог осени накроет *тут*,
Так, пожелтев, и листья опадут.
С тех пор, как я живу в твоём краю,
Три года уж лишения терплю.
Ци широка, бежит к волне волна,
От слёз в повозке занавесь влажна.
Уж я, жена, забыла радость, смех,
А ты, мой муж, живёшь в плену утех.
Не знаешь меры ты в делах дурных,
Нет постоянства в помыслах твоих.

5

Три года я была женой твоей,
Сил не жалела, чтоб был дом светлей.

Короткий сон – с зарёй уж на ногах,
Нет мыслей о другом, весь день в трудах.
Осталась верной данной клятве я,
Но ты жестоко оттолкнул меня.
К своим я братьям не приду с бедой,
Скажу им – посмеются надо мной.
Молчу, понурившись, судьбу кляня,
Себя жалею, сокрушаюсь я.

6

Состарились мы возле вечных вод,
Во мне к тебе лишь ненависть растёт.
Ци вытянулась длинным рукавом,
Брега крутые держат водоём[11].
Рожками волосы[12], весёлый смех,
О, мир прекрасный дней далёких тех!
Мы поклялись, любовь – спаситель наш,
Не думала, что ты меня предашь,
Обет нарушишь любящих сердец.
Должно быть, наступил всему конец!

衛風

國風

Бамбуковая удочка

(I, V, 5)

Длинна и тонка из бамбука уда,
Рыбачишь ты в Ци, где прозрачна вода.
Полны не тобой ли все думы мои?
Но ты далеко, до тебя не дойти.

Там слева Цюань[13] стерегут берега,
А справа потоки несёт Ци-река.
Коль брачный обряд предстоит с женихом,
Девица оставит родительский дом.

Несёт справа воды свои Ци-река,
А слева Цюань стерегут берега.
Улыбка твоя белизною слепит,
Шагнёшь ты – на поясе яшма звенит.

Текут не спеша, широко воды Ци,
Из кедра весло, а челнок из сосны.
Пойду прогуляться, коней запрягу,
Чтоб душу согреть и развеять тоску.

Метаплексис[14]

(I, V, 6)

Дружно пустил метаплéксис ростки на лугу,
Отрок подвесил на пояс из кости иглу[15].
Хоть и подвесил иглу костяную, но сам
Он не распутает то, о чём ведомо нам.
Гордо ступает, как опытный муж, не простак,
Сбоку концы поясные колышутся в такт.

Листья раскрыл метаплексис, их кожа тонка,
Отрок свой пояс украсил напёрстком[16] стрелка.
Хоть и подвесил на пояс напёрсток стрелка,
Луком владеть, так как мы, он не может пока.
Гордо идёт, словно зрелый он муж, не простак,
Сбоку концы поясные колышутся в такт.

衛風

Река широка

(I, V, 7)

Кто скажет, что быстра Река и широка?
Переплыву её со связкой тростника.
Кто скажет, будто Сун[17] незримо, далеко?
Привстав на цыпочки, увижу я его.

Кто скажет, что быстра Река и широка?
Не шире, чем длина у древка бунчука.
Кто скажет, будто Сун незримо, далеко?
Мне утра хватит, чтоб добраться до него.

國風

衛風

Мой господин

(I, V, 8)

Мой господин, мой муж,
воинственный и бравый,
Герой страны, он самый храбрый, величавый.
Рукой могучей крепко пику держит, вправе
Скакать пред царской колесницею во славе.

С тех пор, как муж во имя дела на востоке,
Власы распущены мои… и дни жестоки.
Да разве нет помад и масел натираться?
Но только буду перед кем я красоваться?

Дождя мы просим; может, Небо нас приветит!
Но ветер тучи разогнал, и солнце светит.
Всё время думаю о нём – о господине,
Щемит мне сердце, и покоя нет в помине.

А где найти бы мне траву, траву сарану[18]?
От дома к северу сажать её я стану.
Всё время думаю о нём – о господине,
Страдает сердце от тоски, как на чужбине.

Крадётся лис

(I, V, 9)

國風

Крадётся робко лис младой
Вдоль насыпи над Ци-рекой.
Жаль юношу, боль не уйму,
Вниз нечего надеть ему.

Крадётся робко лис младой,
По берегу над Ци-рекой.
Жаль юношу, гол как сокол –
И пояса не приобрёл.

Крадётся робко лис младой,
Где брег встречается с водой.
Как юношу не пожалеть? –
И сверху нечего надеть.

Айва

(I, V, 10)

Ты подарил мне айвы спелый плод, наливной,
Яшмой прекрасной я пояс украсила твой.
Не отдариться хотела я, преподнесла
Дар дорогой, чтоб любовь наша вечной была.

Персик сорвал для меня ты, как солнце горит,
Я подарила тебе драгоценный нефрит.
Не отдариться хотела я, преподнесла
Дар дорогой, чтоб любовь наша вечной была.

С дерева снятая слива – подарок твой мне,
Мой – самоцветы к подвескам на пояс тебе.
Не отдариться хотела я, преподнесла
Дар дорогой, чтоб любовь наша вечной была.

I, VI. Песни столичного царства[1]

Просо склонилось долу
(I, VI, 1)

國風

Тут просо склонилось уж долу, а там
Побегами тянется вверх гаолян.
Хожу я понурый, брожу меж полей,
На сердце смятенье сильней и сильней.
Кто знает меня, все одно говорят,
Что будто в душе моей боль и разлад.
Кому не знаком, рассуждают: он сам
Не знает приткнуться к каким берегам.
О, синего Неба глубинная даль!
Какая в тебе, человече, печаль?

Тут просо склонилось уж долу, а там
Метёлки свои распустил гаолян.
Брожу меж полей я в духмяном краю,
Как будто бы сердце моё во хмелю.
Кто знает меня, все одно говорят,
Что будто в душе моей боль и разлад.
Кому не знаком, рассуждают: он сам
Не знает приткнуться к каким берегам.
О, синего Неба глубинная даль!
Какая в тебе, человече, печаль?

Тут просо склонилось уж долу, а там
Созрел и стеною стоит гаолян.
Хожу я понурый, брожу меж полей,
Скорбь давит на сердце сильней и сильней.
Кто знает меня, все одно говорят,
Что будто в душе моей боль и разлад.
Кому не знаком, рассуждают: он сам
Не знает приткнуться к каким берегам.
О, синего Неба глубинная даль!
Какая в тебе, человече, печаль?

王風

Муж благородный в походе
(I, VI, 2)

國風

В походе супруг мой, в чужой стороне,
Когда с ним увижусь, неведомо мне.
Вернётся ли он невредимым домой?
Петух кур к насесту ведёт за собой,
Дневное светило садится на пруд,
И с пастбищ коровы да овцы бредут.
В далёком походе мой милый супруг,
Нет сил разорвать дум нерадостных круг.

В далёком походе супруг мой, не дни,
Не месяцы милый в нелёгком пути.
Когда же дойдёт до родимых он мест?
Уж куры уселись дремать на насест,
Дневное светило скатилось за склон,
Коровы и овцы спустились в загон.
В далёком походе супруг мой давно,
Пусть голод и жажда минуют его!

王風

國風

Охвачен радостью мой благородный муж (I, VI, 3)

Охвачен радостью муж благородный мой,
Он *шэн*[2] к губам подносит левою рукой,
А правой машет, приглашает в дом меня,
Чтоб разделила радость вместе с ним и я.

Как весел, радостен муж благородный мой,
Берёт бунчук из перьев левою рукой,
А правой машет, приглашает в дом меня,
Чтоб разделила радость вместе с ним и я.

Клокочут и пенятся воды реки
(I, VI, 4)

Вздымаются, пенятся воды реки,
Но веток пучок не размечут они.
Там, дома, остались мои сыновья,
Без них в Шэнь[3] границу стеречь должен я.
Всем сердцем я с ними, стремлюсь к ним душой,
К которой из лун возвращусь в край родной?

Вздымаются, пенятся воды реки,
Но прутьев пучок не размечут они.
Там, дома, остались мои сыновья,
Без них в Фу[4] границу стеречь должен я.
Всем сердцем я с ними, стремлюсь к ним душой,
К которой из лун возвращусь в край родной?

Вздымаются, пенятся воды реки,
Пучок тростника не размечут они.
Там, дома, остались мои сыновья,
Без них в Сюй границу стеречь должен я.
Всем сердцем я с ними, стремлюсь к ним душой,
К которой из лун возвращусь в край родной?

國風

Среди хлебов растёт пустырник
(I, VI, 5)

Растёт среди хлебов пустырник, он
Горячим летним солнцем обожжён.
Жена, отвергнутая мужем, вся в смятеньи,
Она – страдания живое воплощенье,
Она – страдания живое воплощенье,
От мужа выпало на долю ей мученье.

Растёт среди хлебов пустырник, он
Несносным зноем лета опалён.
Жена, отвергнутая мужем, вся в смятеньи,
Душа растерзана, в груди опустошенье,
Душа растерзана, в груди опустошенье,
От мужа выпало на долю ей презренье.

Растёт пустырник средь хлебов, огнём
Лучей палящих сок в нём иссушён.
Жена, отвергнутая мужем, в исступленьи
Кричит, рыдает, нет для сердца утешенья,
Кричит, рыдает, нет для сердца утешенья,
Напрасны слёзы льёт, они не во спасенье.

Заяц чуток

(I, VI, 6)

Заяц чуток, скок за бугорок,
А фазан же с лёту – и в силок.
В начале жизни мним ли о делах?!
Душа забавами пленится.
В дальнейшей жизни часто терпим крах,
Заснуть бы и не шевелиться!

Заяц чуток, сну не одолеть,
А фазан же с лёту – прямо в сеть.
В начале нашей жизни не творим,
Милее петь и улыбаться.
В дальнейшей жизни плачем и грустим,
Заснуть бы и не просыпаться!

Заяц чуток, слух не подведёт,
А фазан же с лёту – и в тенёт.
В начале жизни мы не служим,
Легко любить и ненавидеть.
В дальнейшей жизни часто тужим,
Забыться сном бы и не видеть!

國風

Виноградная лоза
(I, VI, 7)

Длинна, извивна виноградная лоза,
Где брег реки, там кверху тянется она.
От милых братьев я навек отлучена,
Своим отцом теперь зову другого я,
Своим отцом теперь зову другого я,
А он не бросит даже взгляда на меня.

Длинна, извивна виноградная лоза,
Где брег реки, там кверху тянется она.
От милых братьев я навек отлучена,
Своею матерью зову другую я,
Своею матерью зову другую я,
Не замечает только взор её меня.

Длинна, извивна виноградная лоза,
Где брег реки, там кверху тянется она.
От милых братьев я навек отлучена,
Теперь зову другого старшим братом я,
Теперь зову другого старшим братом я,
Но разве видит, разве слышит он меня?!

Рву пуэрарию
(I, VI, 8)

Нарвать пуэрарии утром отправилась я.
Ушла ненадолго, не минуло даже и дня,
А будто три месяца как я одна, без тебя.

Нарвать артемизии утром отправилась я.
Ушла ненадолго, не минуло даже и дня,
А будто три времени года одна, без тебя.

Полыни нарвать ранним утром отправилась я.
Ушла ненадолго, не минуло даже и дня,
А будто три года уже как одна, без тебя.

Большая колесница
(I, VI, 9)

國風

Гремит большая колесница, хлещет кнут.
На нём одежда, как зелёный изумруд.
Не о тебе ли, милый, думы я лелею?
Но трепещу, на зов ответить твой не смею.

Плывёт большая колесница, режет след.
На нём одежда, словно алый самоцвет.
Не о тебе ли, милый, думы я лелею?
Но вся дрожу, сбежать с тобою не посмею.

Живём в домах мы разных; там лишь нет преград,
Где нас с тобой соединит могильный хлад.
А если скажешь, что неискренна, юлила,
Предстану в правде чистой, как в лучах Светила.

Между холмами растёт конопля
(I, VI, 10)

Между холмами в долине растёт конопля,
Что же Цзыцзе[5] задержался? Не ведаю я.
Что же Цзыцзе задержался? Не ведаю я,
Сердцем надеюсь, придёт веселить он меня.

Между холмами в долине пшеница растёт,
Что же Цзыго[6] долго нет? Обещал, что придёт.
Что же Цзыго долго нет? Обещал, что придёт,
Думаю, встретимся, стол его с яствами ждёт.

Слива в долине межхолмья листвой шелестит,
Юношу жду я, уж скоро и день отгорит.
Юношу жду я, уж скоро и день отгорит,
В дар поднесёт он на пояс мне чёрный нефрит.

I, VII. Песни царства Чжэн[1]

Чёрное платье[2]
(I, VII, 1)

Чёрное платье на Вас, как Вы смотритесь в нём!
Вам подберу, коль порвётся, такой же фасон.
К Вам во дворец я сегодня пойду, а вернусь –
Тем, что Вы мне поднесли во дворце, угощусь.

Чёрное платье на Вас, как Вам впору оно!
Точно такое ж скрою, коль порвёте его.
К Вам во дворец я сегодня пойду, а вернусь –
Тем, что Вы мне поднесли во дворце, угощусь.

Чёрное платье на Вас, как оно Вам к лицу!
Если порвётся, такое же точно сошью.
К Вам во дворец я сегодня пойду, а вернусь –
Тем, что Вы мне поднесли во дворце, угощусь.

國風

Просила я Чжунцзы[3]

(I, VII, 2)

Избавь от мук меня, Чжунцзы, не будь упрям,
Прошу тебя, не приходи в деревню к нам.
И не ломай ты веток с ив, что у ручья,
Как показать любовь свою осмелюсь я?
Прогневать мать с отцом в меня вселяет страх,
Твоё, Чжун, имя в сердце, в мыслях, на устах.
Но слов родительских
над чувством власть сильней,
И против воли я должна смириться с ней.

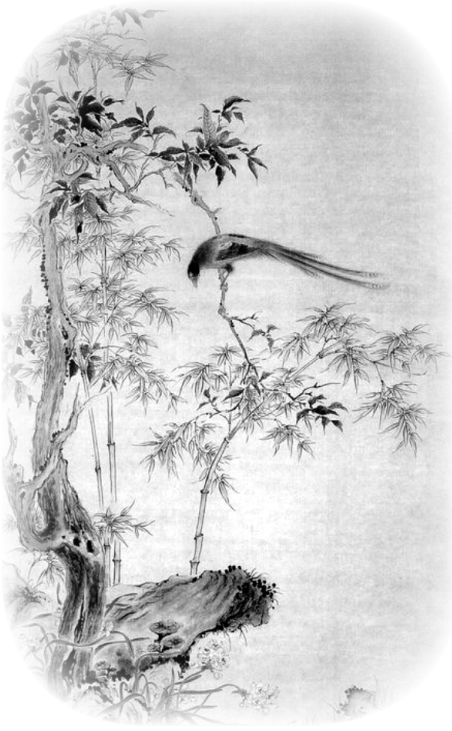
Чжунцзы, прошу тебя, душой я извелась,
Ты через стену к нам во двор не перелазь
И веток с тутов не ломай, не зли родню,
Осмелюсь разве показать любовь свою?
Пред гневом старших братьев дрожь не одолеть,
Ты смог, Чжун, чувствами моими завладеть.
Но слову братьев я обязана внимать,
Мне непосильно перед ними страх унять.

鄭風

Чжунцзы, не надо перехватывать мой взгляд,
Прошу, молю тебя, не лазь к нам больше в сад.
С сандалов веток не ломай, лишь сердцу внять –
Свою любовь осмелюсь разве показать?

Боюсь я слухов деревенских, сплетен злых,
Сумел, Чжун, стать ты властелином чувств моих.
Страшусь молвы недоброй, шёпота её,
Боязнь пред нею для меня сильней всего.

國風



Шу[4] отправляется на охоту

(I, VII, 3)

Едет по улице Шу на охоту в поля,
Улица словно безлюдна, как будто пуста.
Разве как будто безлюдна? На Шу я гляжу –
Не отыскать никого, кто сравнился бы с Шу.
Как он прекрасен, душа у него как чиста!

Едет по улице Шу на охоту в леса,
Будто и нет здесь таких, кто пьёт чарку вина.
Разве как будто и нет, кто вина чарку пьёт?
Нет никого, кто хоть в чём-то да Шу превзойдёт.
Как он прекрасен, душа его света полна!

Едет по улице Шу на охоту в луга,
У лошадей здесь как будто и нет ездока.
Да разве будто и нет тех, кто правит конём?
Их не найти, кто бы равен был Шу, нипочём.
Как он прекрасен, как доблесть его велика!

Могучий Шу собрался на охоту

(I, VII, 4)

國風

Шу на охоту собрался на несколько дней,
Вот подана колесница с четвёркой коней.
Вожжи в руках, словно ленты из шёлка блестят,
А пристяжные как пляшут – копытом стучат.

Шу выбрал место среди камышовых болот,
Палом рычащего тигра поднял – бой грядёт.
Шу без оружья для схватки достаточно сил,
Князю к ногам он трофей дорогой положил.
Быть безоружным пред зверем опасно, мой Шу,
Ран опасайся от лапы когтистой, прошу.

Шу возжелал поохотиться в далях лесных,
Вот подана колесница с четвёркой гнедых.
Головы кверху задрав, понесли коренные,
Вытянув шею, как гуси, с боков – пристяжные.

Шу выбрал место среди камышовых болот,
Пал он пустил, огневое кольцо зверя жмёт.
Как Шу искусно стреляет в пылу боевом!
А колесницей владеет с каким мастерством!
Гонит зверей, то воздаст резвой скачке хвалу,
То чуть придержит коней, метко пустит стрелу.

Шу возжелал поохотиться в далях лесных,
Вот колесница с четвёркой коней вороных.
Птицей несутся глава к голове коренные,
Рядом, с боков,
словно крылья у них, – пристяжные.
Шу выбрал место среди камышовых болот,
Пал он пустил, огневое кольцо зверя жмёт.
Кони устали, стихает копыт перестук,
Реже и реже в руках Шу сгибается лук.
Вот уж с плеча снял колчан он, а лук свой тугой
Неторопливо в чехол уложил... и домой.

鄭風

Цинские рати[5]

(I, VII, 5)

國風

У цинских ратей есть приказ – взять под охрану град,
В броне четвёрки лошадей под Пэн[6] стрелой летят.
Пред ратью каждой два копья, на них из перьев знак,
Над брегом Хэ издалека любой их видит враг.

У цинских ратей есть приказ – взять под охрану град,
В броне четвёрки лошадей под Сяо[7] птицей мчат.
С кистями парными грозны из перьев два копья,
Пред цинским войском воды Хэ текут, покой храня.

У цинских ратей есть приказ – взять под охрану град,
В броне четвёрки лошадей стремглав под Чжоу[8] мчат.
Стоят возницы в колесницах слева, вои[9] – справа,
А впереди всех – полководец. Да..! Крепка застава!

Чёрная каракулевая шуба

(I, VII, 6)

Шуба из меха барашка блестит
И прямоту с благородством хранит.
Муж предостойный под шубою сей,
Ставит он долг выше жизни своей.

Барсовым мехом обшита она,
В ней и отвага, и сила видна.
Муж предостойный под шубою сей,
Правды ревнитель державы своей.

Шуба прекрасна – роскошный наряд!
Три украшенья на шубе блестят!
Муж предостойный под шубою сей,
Светлая гордость Отчизны своей!

國風

Долгий путь мы с тобою прошли

(I, VII, 7)

Долгий путь мы с тобою прошли,
Я держала тебя за рукав.
Злобу ты на меня не таи,
Нежность чувства из сердца изгнав.

Долгий путь мы с тобою прошли,
Твою руку сжимала в своей.
Презирать ты меня не спеши
И забыть о былом поскорей.

Пропел петух

(I, VII, 8)

«Пропел петух», – промолвила жена.
Супруг: «Уходит мрак, зари черёд».
«Вставай, мой муж, взгляни на ночь, она
По небу водит звёздный хоровод.
Вот-вот закружат птицы, сон их чуток,
Спеши с охотой на гусей и уток».

Стрелою будет дичь поражена,
Сготовлю блюдо я, ему подам,
Мы под него отведаем вина,
Молю, чтоб вместе встретить старость нам.
Пусть звуки гуслей с цитрой будут схожи,
Пусть душ родство ничто не потревожит.

Тому, кто к нам зайдёт, коль он любим,
На пояс украшения дадим.
Кто послушанье мужу явит, тот
От нас в подарок яшму обретёт.
Тому, кто станет другом, на отраду
Парадный пояс поднесём в награду.

Со мною в экипаже едет дева

(I, VII, 9)

國風

Едет дева со мной в экипаже одном,
Щёки девы пылают пурпурным огнём.
Резво кони бегут, пыль копыта клубят,
Дзинь-дзинь-дзинь – из нефрита подвески звенят.
К старшей Цзян[10] прикоснулась небес чистота,
Величава, спокойна её красота.

Едет дева со мной в экипаже одном,
Щёки девы пылают азалий огнём.
Резво кони бегут, пыль копыта клубят,
Из нефрита подвески чуть слышно звенят.
Красота старшей Цзян грациозна, легка,
О её добродетелях слава громка.

На горе растёт фусу

(I, VII, 10)

На горе растёт фусу,
На болоте – лотос.
Я в мечтах красавца жду,
Встретился оболтус.

На горе растёт сосна,
В топи – мох кудрявый.
Вижу мóлодца во снах,
Встретился лукавый.

鄭風

Жёлтые листья

(I, VII, 11)

Вот уже лист пожелтевший, увядший
Ветер срывает, и стынет земля.
Дядюшка старший, дядюшка младший,
Песню начните, продолжу и я.

Вот уже лист пожелтевший, увядший
Ветер срывает, и стынет земля.
Дядюшка старший, дядюшка младший
Песню начните, спою с вами я.

Лукавый мальчишка

(I, VII, 12)

Милый мальчик всё лукавит
И словечком не одарит.
Верно, мне по той причине
Есть и пить не в радость ныне.

Милый мальчик всё лукавит,
Он со мной поесть не сядет.
Не по этой ли причине
Не могу уснуть я ныне!

國風

Приподниму подол

(I, VII, 13)

К тебе, коль в думах обо мне, любовь придёт,
Подол поддёрну я и Чжэнь[11] осилю вброд.
Коль обо мне не держишь думы ни одной,
Средь всех неужто не отыщется другой!?
Из всех юнцов ты самый глупый и смешной.

К тебе, коль в думах обо мне, любовь придёт,
Подол поддёрну я и Вэй[12] осилю вброд.
Коль обо мне не держишь думы ни одной,
Достойный разве не отыщется другой!?
Из всех юнцов ты самый глупый и смешной.

Хорош собой

(I, VII, 14)

鄭風

Как он собою хорош, ожидает меня
Где-то в проулке пустынном; измучилась вся,
Только вот встретиться с ним и проститься нельзя!

Как он прекрасен собой, ожидает меня
В храме безлюдном; душа изболелась моя,
Только вот встретиться с ним и проститься нельзя!

Юбка с сорочкой на мне из узорной парчи,
Сверху дорожное платье... как сердце стучит.
Дядюшка старший и дядюшка младший, скорей
Надо нам в путь отправляться, впрягайте коней!

Сверху дорожное платье на мне, а под ним
Юбка с сорочкой – расшита узором цветным.
Дядюшка старший и дядюшка младший, коней
Впору впрягать, к жениху надо ехать скорей.

У восточных ворот поле чистое
(I, VII, 15)

Поле чистое есть у восточных ворот,
Там по горному склону марена растёт.
Хоть и близок твой дом, только что мне с того?
Ты сейчас от меня далеко-далеко.

У восточных ворот есть каштановый сад,
Там дома, прижимаясь друг к другу, стоят.
Разве полнятся думы мои не тобой?
Но обходишь мой дом ты давно стороной.

國風

Ветер и дождь
(I, VII, 16)

鄭風

Дует ветер студёный и дождь моросит,
На подворье петух от испуга кричит.
Но со мной если муж, грусть легко мне забыть,
Как с ним рядом покою на сердце не быть!

Мозглый ветер с колючим дождём; режет слух
Неумолчными криками хриплый петух.
Но со мной если муж, грусть легко мне забыть,
Как в душе моей тёплому чувству не жить!

Налетает порывами ветер с дождём,
От испуга петух голосит за окном.
Но со мной если муж, грусть легко мне забыть,
Как же рядом с любимым счастливой не быть!

Синий ворот
(I, VII, 17)

國風

С воротом синего цвета ты платье надел,
Ноет душа, где обид и страданий предел?
Знаешь о том, что пойти не могу я к тебе,
Так почему не напомнишь ничем о себе?

Пояс в подвесках, блестит бирюзовый нефрит,
Сердце болит, безутешные думы таит.
Знаешь о том, что пойти не могу я к тебе,
Мукой полна, почему не приходишь ко мне?

Радости черпаешь ты, развлекаешь других,
Время в веселье проводишь у врат городских.
День не увижу тебя и себе не мила,
Кажется мне, будто целая вечность прошла.

Разлившиеся воды

(I, VII, 18)

Воды бурлящие, воды большие,
Не разорвать связку прутьев стихии.
В дружбе так редко бывают святыми,
Ты лишь да я, кто остались такими.
Клятвы других сбросят цвет и увянут,
Ты им не верь, завлекут и обманут.

Воды бурлящие, воды большие,
Не разорвать связку прутьев стихии.
В дружбе так редко бывают святыми,
Двое лишь мы, кто остались такими.
Клятвам других, пусть их пыл сердцу близок,
Не доверяй, их восторженность – призрак.

Вышел я из восточных ворот
(I, VII, 19)

Вышел я из восточных ворот на просторы лугов,
Много дев здесь гуляет, как стайки они облаков.
Пусть как стайки они облаков проплывают, маня,
Но средь них нет единственной –
той, кто волнует меня.
Помню белое платье твоё и платок голубой,
Ты отрада моя, и к тебе я стремлюсь всей душой.

Вышел я из ворот городских, в сердце горечь тоски,
Много ходит здесь дев, как тростинок они колоски.
И хотя как тростинок они колоски, грустный я,
Ведь средь них нет единственной –
той, кто тревожит меня.
Помню белое платье твоё, ярко алый платок,
Ты отрада моя, как же я без тебя одинок.

國風

Стелются травы ползучие
(I, VII, 20)

Стелются травы ползучие в поле,
Луг под росою блестит серебром.
Знала, что есть он – с упорною волей,
С гордой осанкой и чистым челом.
Встреча счастливая нам помогла,
Всё, что лелеяла, в нём я нашла.

Стелются травы ползучие в поле,
Луг серебрится жемчужной росой,
Знала, что есть он – с упорною волей,
С чистым челом и красивой душой.
Встреча с любимым на счастье щедра,
С ним у нас радость и чаша добра.

Чжэнь и Вэй

(I, VII, 21)

國風

Весной, когда Чжэнь с Вэй в разливе,
так широка речная гладь,
В ту пору юноши и девы идут посконник собирать.
«Не прогуляться ли нам вместе?» – шепнула девушка ему.
«Лишь позови, – он ей ответил, –
моя душа в твоём плену».
«Вот только где бы нам укрыться
от глаз чужих среди полей?!»
«О, знаю, есть такое место, недалеко оно за Вэй.
Там ждёт нас радость и приволье
на разнотравье луговом».
И дева с юношей уж вскоре на берегу другом вдвоём.
Поют, смеются, мило шутят, вот ею и венок сплетён,
Ему на счастье преподносит, он дарит девушке пион.

Потоки Чжэнь и Вэй прозрачны,
отраден сердцу вод напев.
По лугу стайки разбежались прекрасных юношей и дев.
«Не прогуляться ли нам вместе?» – шепнула девушка ему.
«Лишь позови, – он ей ответил, –
моя душа в твоём плену».
«Вот только где бы нам укрыться
от глаз чужих под сень ветвей?!»
«О, знаю, есть такое место, недалеко оно за Вэй.

Там ждёт нас радость и приволье,
там полевых цветов нарвём».
И дева с юношей уж вскоре
на берегу другом вдвоём.
Поют, смеются, мило шутят, вот ею и венок сплетён,
Ему на счастье преподносит, он дарит девушке пион.

鄭風

I, VIII. Песни царства Ци[1]

國風

Петух проголосил
(I, VIII, 1)

«Проголосил уже петух,
Рассветный луч дрожит».
«То не петух кричит, рой мух
Обманчиво жужжит».

«Зазолотился уж восток
И прогоняет сны».
«То не рассвет зарю зажёг,
То хладный свет луны».

«Зудит над ухом мошкара,
Как сладко спать с тобой.
Увы, но уходить пора,
Шум во дворе людской».

Проворен в охоте
(I, VIII, 2)

«Вы чудный охотник – точны ваши стрелы, быстры́!»
Случайная встреча свела нас у Нао-горы[2].
Мы вместе двух вепрей трёхлетних сумели загнать,
Он мне поклонился, сказав, что я ловким подстать.

«Вы чудный охотник – точны ваши стрелы, быстры!»
Случайная встреча свела нас близ Нао-горы.
Мы вместе двух быстрых оленей сумели загнать,
Он мне поклонился, сказав, что я сильным подстать.

«Вы лучший охотник – в цель каждая ваша стрела!»
На Нао-горе нас охота на зверя свела.
Мы пару матёрых волков изловчились загнать,
Он мне поклонился, сказав, что я храбрым подстать.

國風

Между дверью и экраном

(I, VIII, 3)

Ты ждал меня между экраном и створом дверей.
Как яркая кипень подвески на шапке твоей,
Нефрит в них сияет, как звёзды на шёлке ночей.

Ты ждал во дворе меня там, где пахучий кипрей.
Зелёного цвета подвески на шапке твоей,
А в них самоцветы сверкают, как россыпь огней.

Ты ждал меня в зале для встреч досточтимых гостей.
В тон жёлтого цвета подвески на шапке твоей,
Горит в них прекрасная яшма огнём орхидей.

Как только солнце взойдёт

(I, VIII, 4)

Солнце начнёт лишь восход,
Эта прелестная дева
Дом озарит мой красою,
Дом озарит мой красою,
Следом за мною войдёт.

Лик лишь откроет луна,
Эта прелестная дева
Будет в покоях со мною,
Будет в покоях со мною,
Вы́йду я – следом она.

Ещё тёмен восток

(I, VIII, 5)

國風

Ещё восточный край небес во тьме сокрыт,
Надел он платье наизнанку, он спешит.
Низ передом назад, верх задом наперёд,
К нему гонец с посланьем – князь к себе зовёт!

Восток ещё во тьме глубокой, солнце спит,
Надел он платье наизнанку, он спешит.
Низ передом назад, верх задом наперёд,
Ему приказ явиться срочно к князю – ждёт!

Ломают иву, сад обносят, и тогда
Дурак и тот остережётся влезть туда.
А князю всё равно – дня, ночи ли черёд,
То слишком рано он, то поздно вызов шлёт.

Южная гора[3]

(I, VIII, 6)

Над высокою южной горой юный месяц повис,
Там по склону неслышно крадётся меж зарослей лис.
По долам пролегла в Лу[4] дорога, ровна и длинна,
Едет к мужу из Ци в окружении свиты княжна.
И коль едет к супругу она – даже небо ясней,
То чего ж тосковать, слёзы лить, убиваться по ней?!

Туфель летних пять пар у княжны в глубине сундуков,
Шапки – к каждой пришиты подвязки с обоих боков.
По долам пролегла в Лу дорога, ровна и длинна,
Едет к мужу из Ци в окружении свиты княжна.
И уж если в пути экипаж, мигом встречи томим,
То зачем беспокоиться, вслед отправляться за ним?!

齊風

Коноплю чтоб посеять, что делают? – В срок, не спешат,
Пашут поле от края до края, потом боронят.
В жёны деву чтоб взять,
прежде следует что предпринять?
Самых близких её известить – как отца, так и мать,
И коль с ними вопросы неясные все решены,
То кому разговоры напрасные с девой нужны?!

Чтоб дрова нарубить, нужно что для того? Тут уж спор
Меж людьми не возникнет, все знают, что нужен топор.

В жёны деву чтоб взять, нужно что,
кроме пылкости слов?
Надлежит в этом деле использовать опыт сватов.
И уж коль сватовство состоялось, теперь ни к чему
Обсуждать остальные условности ей и ему.

國風

Большое поле
(I, VIII, 7)

Большое поле не паши, нет толка в том:
Густой сорняк его покроет сплошь.
Кто далеко, забудь, не вспоминай о нём –
Измученное сердце надорвёшь.

Большое поле не паши, нет толка в том:
Травою сорною его затянет сплошь.
Кто далеко, забудь, не вспоминай о нём –
Измученное сердце изведёшь.

Его окинешь взором – милое дитя,
На голове с двумя пучками влас.
Когда столкнёшься с ним, немного погодя –
Ему мужская шапка в самый раз.

國風

Гончие кольцами звенят

(I, VIII, 8)

Колец на шеях чёрных гончих слышен звон,
Красив хозяин их, ко всем любезен он.

Двойных колец на чёрных гончих слышен звон,
Красив хозяин их, отваги полон он.

Тройных колец на чёрных гончих слышен звон,
Красив хозяин их и статен, и силён.

Прохудилась мерёжа
(I, VIII, 9)

Мерёжа негодною стала, так с них и взыщи –
Порвали в запруде её с желтощёком лещи.
К супругу из Ци едет царская дочь, вслед за ней
Клубится, как облако, свита ей верных людей.

Мерёжа негодною стала, с виновных взыщи –
Порвали в запруде её крупный линь и лещи.
К супругу из Ци мчит меж нив и холмов дочь царя,
А следом за ней свита сыплет, как капли дождя.

В запруде мерёжа порвалась, в ней рыб не ищи,
Свободно проходят мерёжу и линь, и лещи.
К супругу из Ци едет царская дочь, как поток
Несётся за ней её свита по руслам дорог.

Мчит экипаж
(I, VIII, 10)

國風

Летит экипаж, слышен издали цокот копыт,
Бамбуком плетёным и красною кожей покрыт.
Дорога из Лу и ровна, и длинна; в отчий дом
Для цискoй княжны начался путь с рассветным лучом.

Прекрасна в упряжке четвёрка коней вороных,
У кучера вожжи в руках, кони слушают их.
Дорога из Лу и ровна, и длинна, что ж княжна! –
Блаженства томящего, сладостной неги полна.

Широким и мощным потоком Вэнь[5] воды несёт,
В трудах и заботах снуёт торопливый народ.
Дорога из Лу и ровна, и длинна, что ж княжна! –
В такт бегу, качаясь, витает в мечтаньях она.

Стремителен, неудержим вечный ток Вэньских вод,
В трудах и заботах снуёт торопливый народ.
Дорога из Лу и ровна, и длинна, что ж княжна! –
Влекома весельем, беспечного счастья полна.

О, как ты величав!
(I, VIII, 11)

Как величав ты, как серьёзен, строг,
Как совершенен – строен и высок!
Красив твой лоб и линии бровей,
Проникновенен гордый взор очей!
Ты грации исполнен каждый миг,
В стрельбе из лука мастерства достиг.

Старателен, подбровья глубоки,
Как зорко-пристальны глаза твои.
В движеньях нет волненья, суеты,
Из лука целый день стреляешь ты
Без промахов; о, лучший из стрелков –
Воистину племянник наш таков!

Ты доблестен, тебя боится зло,
Как мужественно чистое чело!
Танцуешь – в ритме с музыкой идёшь,
Пускаешь стрелы – точно в цели бьёшь.
Быстрее всех на поприще стрельбы,
От смут для нас защитник верный ты!

I, IX. Песни царства Вэй[1]

Летние туфли
(I, IX, 1)

Летние туфли сплела – не сносить,
В них и по инею можно ходить.
Женские руки даруют уют,
Платье скроят для него и сошьют.
К платью же – ворот и пояс; богат,
Впору любимому будет наряд.

Тонкость манер рядом шествует с ним,
Место, что справа, уступит другим.
Пояс украсил он костью резной.
Как же завистникам не преминуть
Ткнуть в него пальцем и словом кольнуть.

В низине у Фэнь[2] реки

(I, IX, 2)

У Фэнь-реки в низине я хожу,
Щавель, разросшийся обильно, рву.
Тот господин, взгляните, вон каков –
Красив настолько, не подыщешь слов!
Красив настолько, не подыщешь слов!
Но не упустит всё ж мой взор отличий –
Он не такой, как царский колесничий.

У Фэнь-реки в низине я хожу,
На тутах лист, растущий пышно, рву.
Тот господин, взгляните, вон каков –
Прекрасен, как весенний лик цветов!
Прекрасен, как весенний лик цветов!
Но всё ж он не такой, отмечу я,
Как мастер быстрых колесниц царя.

У Фэнь-реки в низине я хожу,
Растущий густо подорожник рву.
Тот господин, вон он каков на вид –
Чарующе прекрасен, как нефрит!
Чарующе прекрасен, как нефрит!
Но всё же не такой, замечу я,
Как князя сын, гордится кем родня.

В саду стоят деревья персика
(I, IX, 3)

國風

Отяжелели ароматные сады,
Созрели персика янтарные плоды.
Я неизбывную печаль в душе таю,
Но нараспев стихи читаю и пою.
Те, кто меня не понимает, норовят
Назвать служакой горделивым, говорят:
«Мы о тебе в сужденьях правы, что же нам
Ты возразишь? Все вняли бы твоим словам».
Печаль глубокая на сердце у меня,
Но разве знает кто, о чём тоскую я!
И коль причина неизвестна для людей,
То почему б им не задуматься о ней?!

Жужуба заросли стоят стеной в саду,
Созревший плод их так и просится к столу.
Печаль великую из сердца не изгнать,
Хотел бы радость на своём пути сыскать.
Тот, кто меня не понимает, в крайность впал –
Зовёт служакой, тем, кто меру потерял:
«Мы о тебе в сужденьях правы, что же нам
Ты возразишь? Все вняли бы твоим словам».
Печаль глубокая на сердце у меня,
Но разве знает кто, о чём тоскую я!
И коль причина неизвестна для людей,
То почему б им не задуматься о ней?!

На холм взбираюсь у селенья

(I, IX, 4)

На холм взбираюсь я у нашего селенья,
Внизу мой дом, где жил и рос, прощаюсь с ним.
Как будто издали вздох слышу сожаленья,
Грустит отец: «О-ох, служить уходит сын.
Стеречь границу будет ночью он и днём.
Так береги себя, не дай убить врагам!
И возвратись домой, не оставайся там».

На холм взбираюсь я у нашего селенья,
Внизу мой дом, где жил и рос, прощаюсь с ним.
Как будто издали вздох слышу сожаленья,
В кручине мать: «Служить уходит
младший сын.
Полны тревоги будут ночи все и дни,
Так береги себя, для жизни сохрани!
В родимый дом вернись из дальней стороны!»

На холм взбираюсь я у нашего селенья,
Гляжу на дом родной, печали полон взгляд.
Как будто издали вздох слышу огорченья,
Растроган брат: «Служить уходит
младший брат.
В военном деле передышек нет ни дня,
Так осторожен будь, себя сберечь сумей!
И в отчий дом вернись живым и поскорей!»

Средь тутового сада
(I, IX, 5)

Средь тутового сада в десять *му*
Сбирают девы, юноши листву.
– Сбежим, – слетает шёпот с губ, маня, –
Вслед за тобою возвращусь и я.

За садом – поле, *туты* там растут,
Рвут девы, юноши листву и тут.
– Сбежим, – слетает шёпот с губ, маня, –
Вслед за тобою убегу и я.

國風

Рубят сандалы
(I, IX, 6)

Сандалы рубят, топоры стучат,
Бух-бух топор,
и никнет крон наряд.
На брег реки уложат дерева.
Вода тиха, порой речную гладь
Волнует мелкая густая рябь.
Вы не ходили вслед за бороной
И жатву обогнули стороной.
Откуда же зерна большой запас
В трёхстах амбарах Ваших
в этот раз?
Прошли зима и лето, на зверьё
Не наставляли Вы своё копьё,
А во дворе у Вас во всех углах
Распяты волчьи шкуры на шестах!
О, благородный муж,
сказать изволь,
Жить дармоедом будешь ты доколь?

魏風

Стук топоров тревожит тихий плёс,
Там вырубают спицы для колёс.
У кромки берега уложат их.
Вода тиха, порой речную гладь
Волнует мелкая густая рябь.

Вы не ходили вслед за бороной
И жатву обогнули стороной.
Откуда столько же взялось зерна
В трёхстах амбарах Ваших? Не видна
Сноровка в Вас,
чтоб зверя бить стрелой.
Вы без трудов и летом и зимой,
Но во дворе у Вас во всех углах,
Висит оленье мясо на крюках!
О, благородный муж, сказать изволь,
Жить дармоедом будешь ты доколь?

國風

Стук топоров тревожит тихий плёс,
Там мастерят ободья для колёс.
На береге у воды уложат их.
Вода тиха, порой речную гладь
Волнует мелкая густая рябь.
Вы не ходили вслед за бороной,
И жатву обогнули стороной.
Откуда ж то взялось: у Вас зерном
Амбары все заполнены битком?
Прошли зима и лето, небылиц
Не терпим, знаем – Вы не ловчий птиц.
А во дворе у Вас полно крюков,
И нет таких, что без перепелов!
О, благородный муж, сказать изволь,
Есть даром будешь хлеб чужой доколь?

Большая крыса

(I, IX, 7)

Большая и прожорливая крыса,
Не ешь ты проса нашего и риса!
Три года на тебя мы гнули спины,
Но нас не замечал твой глаз крысиный.
В далёкие края уйдём однажды,
В страну блаженства, где счастливый каждый,
В страну блаженства, где счастливый каждый!
В ней милость – всем защитник и хранитель,
На той земле найдём свою обитель.

魏風

Большая и прожорливая крыса,
Не ешь пшена ты нашего и риса!
Три года труд наш был твоим уловом,
Ты нас не привечала добрым словом.
В далёкие края уйдём однажды,
В страну блаженства, где счастливый каждый,
В страну блаженства, где счастливый каждый!
В ней всем защитник и хранитель – милость,
На той земле отыщем справедливость.

Большая крыса, не плоди невзгоды,
Не поедай на нашем поле всходы!
Три года набивали твои склады,
Не получили никакой награды.

В далёкие края уйдём мы скоро,
Там есть страна блаженного простора,
Там есть страна блаженного простора!
В ней милость – государь, она и правит,
Кто нас скорбеть на той земле заставит?

國風

I, X. Песни царства Тан[1]

Сверчок
(I, X, 1)

唐風

Сверчка напевы селят в дом унынье,
К концу подходит год – тяжёл и лют.
Мы не вкушали вовсе радость ныне,
Дни, месяцы в забвение плывут.
Уж нет благополучия, что было,
Но надо жить, тянуть постылый гуж.
Не бесконечно то, что добро, мило,
Настороже держись достойный муж!

Сверчка напевы селят в дом унынье,
Год на исходе – тягостен и лют.
Мы не вкушали вовсе радость ныне,
Дни, месяцы в забвение плывут.
Уж нет благополучия, что было,
Но нужно всё же думать о делах.
Не бесконечно то, что добро, мило,
Достойный муж,
будь бдителен в трудах!

Сверчка напевы селят в дом унынье,
Повозки распряжённые стоят.

Оставила совсем нас радость ныне,
Дни серые и месяцы летят.
Уж нет благополучия, что было,
И от забот – раздумий горьких рой.
Не бесконечно то, что добро, мило,
Достойный муж, найди душе покой!

國風

На горе растёт колючий ильм

(I, X, 2)

Раскинул ветви ильм колючий на вершине
Крутой горы, а вяз приземистый – в низине.
Одежды много у тебя, носи – не сносишь,
Но ты на платья взгляда беглого не бросишь.
Есть у тебя в хозяйстве кони, экипажи,
Но ты пуститься в путь вознице не прикажешь.
Когда придёт твой час
со смертью повстречаться,
Чужой всем будет, что ты на́жил,
наслаждаться.

唐風

Айлант шатром раскинул ветви на вершине
Крутой горы, а дуб раскидистый – в низине.
Царит во внутреннем дворе твоём забвенье,
Не убирает двор никто, он в запустеньи.
Молчат твои колокола и барабаны,
Как голоса их были трепетно желанны!
Когда тебя настигнет смерть... и одолеет,
Другой, оставленным тобою, завладеет.

Сумах шатром раскинул ветви на вершине
Крутой горы, под ней каштан растёт в низине.
У яств и вин твоих подпорчен запах, вкус ли?
Не угощается никто, молчат и гусли,

Что о душевной благодати извещали
И дни во здравии и вере продлевали.
Когда умрёшь,
не заберёшь добро с собою,
Другой войдёт в твои просторные покои.

國風

Средь бурных вод реки
(I, X, 3)

Бурные воды реки холодны и сердиты,
Белые камни в потоке блестят, как нефриты.
В платье из белого шёлка, что с воротом алым,
В Во[2] я последую вслед за тобой – величавым.
Если увижу тебя, господин мой, и взгляда
Хватит мне, разве не буду я этому рада?

Бурные воды реки холодны и сердиты,
Белые камни в потоке блестят, как нефриты.
В платье из белого шёлка, что с вышивкой алой,
В Ху[3] за тобою пойду, вот бы ты был мне парой!
Если увижу тебя, господин, хоть немного
Взгляд задержу,
разве в сердце не смолкнет тревога?

唐風

Пенятся бурные воды реки, оглушают,
Белые камни в кипящем потоке сверкают.
Слышу, зовёшь ты меня, манишь ласковым светом,
Но никому не посмею сказать я об этом.

Перечное дерево
(I, X, 4)

國風

С перечного дерева сорваны плоды,
Шэны[4] ими до краёв с горкою полны.
Вон каков Вы, господин, – доблесть во плоти,
Вам по силе, статности равных не найти.
Перечное дерево! Жгучие плоды!
Ветви пораскинуло древо чистоты.

С перечного дерева сорваны плоды,
Обе пригоршни мои доверху полны.
Вон каков Вы, господин, – сила во плоти,
Вам в великодушии равных не найти.
Перечное дерево! Жгучие плоды!
Ветви пораскинуло древо чистоты.

Шёлковая нить

(I, X, 5)

Хвороста охапку натаскала,
Шёлковою нитью[5] обвязала.
Может, это чьи-то судьбы метят
Три звезды[6], что в небе ярко светят.
Ах, какой сегодня чудный вечер,
Сказочными красками расцвечен!
В памяти останься превосходным –
Встретилась я с мужем благородным.
Красотою взор мой очарован,
Не опишешь чувств смятенье словом!

唐風

Хвороста охапку натаскала,
Шёлковою нитью обвязала.
В небе бледный лик луны в полкруга,
Три звезды горят восточней юга.
Что за вечер ныне, что за вечер,
Колдовскими красками расцвечен!
Так судьбе угодно ли, желанно –
Встретились с тобою мы нежданно.
Ах, какой же необычный вечер!
Непредвиденная наша встреча!

Хвороста охапку натаскала,
Шёлковою нитью обвязала.

Как сапфиры светят на короне,
Три звезды на южном небосклоне.
И какой же чудный этот вечер,
Огоньками дивными расцвечен!
Встретилась нечаянно с тобою –
Сердце застучало – с красотою!
Мой восторг рассудку неподвластен,
Ты обворожительно прекрасен!

國風

Одинокая груша

(I, X, 6)

Там вдалеке одинокая груша стоит,
Пышная крона листвою тревожно шумит.
Я за спиною котомку с поклажей ношу
И одиноко по белому свету брожу.
Разве бы тех не нашлось, с кем идти по пути?
Но не заменят мне братьев ушедших они.
Ах, пешеходы, что ж вы не поможете мне,
Если со мною встречаетесь наедине?
Люди без братьев, ведь вы – одинокий народ,
Кто же из вас с утешеньем ко мне подойдёт?

唐風

Вон вдалеке одинокая груша стоит,
Буйная крона листвою тревожно шумит.
Я за спиною котомку с поклажей ношу
И одиноко по белому свету брожу.
Разве бы тех не нашлось, с кем идти по пути?
Но не заменят погибших родных мне они.
Ах, пешеходы, что ж вы не поможете мне,
Если со мною встречаетесь наедине?
Люди без братьев, ведь вы – одинокий народ,
Кто же из вас с утешеньем ко мне подойдёт?

國風

Шуба из каракуля
(I, X, 7)

Вы, как и положено важной особе –
В барашковой шубе, у ней рукава
Из барсовой шкуры; исходите в злобе,
Лишь мы провинимся на службе едва.
Ужель не найдём господина другого?
Но чтим Ваших предков и с Вами – до гроба.

Вы, как и положено важной особе –
В барашковой шубе, у ней рукава
Из барсовой шкуры; исходите в злобе,
Лишь мы провинимся на службе едва.
Ужель не найдём господина другого?
Но любим мы Вас как и прежде – такого.

Гусиные крылья

(I, X, 8)

Крылья шумят, в небе диких гусей вереницы,
К дубу с могучею кроной слетаются птицы.
Царская служба трудна, беспросветна, уныла.
Брошено поле, вздыхает земля сиротливо,
Кто семена бросит в пашню, кто просо посеет?
Мать и отца кто поддержит, заботой согреет?
В выси бездонные
горестный взгляд устремляю,
Скоро ли буду я дома? – томлюсь и гадаю.

唐風

Крылья шумят, в небе диких гусей вереницы,
С криком к жужубу под крону слетаются птицы.
Царская служба трудна, беспросветна, уныла.
Брошено поле, вздыхает земля сиротливо,
Кто семена бросит в пашню, кто просо посеет?
Кто прокормить мать с отцом,
что одряхли, сумеет?
В выси бездонные горестный взгляд устремляю,
Скоро ли службе конец? – к небесам я взываю.

Крылья шумят, в небе диких гусей вереницы,
К туту с раскидистой кроной слетаются птицы.
Царская служба трудна, беспросветна, уныла.
Брошено поле, вздыхает земля сиротливо.

Кто же рис высадит, стоя в воде по колена?
Мать и отца кто спасёт от голодного плена?
В выси бездонные горестный взгляд устремляю,
Скоро ли сладится всё, думой сердце терзаю?

國風

唐風

Нет одежд
(I, X, 9)

Нет одежд у меня – так возьмусь ли сказать?
Целых семь у себя я могу насчитать.
Разве лучше они… той, что есть на тебе –
И удобной, и яркой в своей красоте?

Нет одежд у меня – так возьмусь ли сказать?
Целых шесть у себя я могу насчитать.
Разве лучше они… той, что есть на тебе? –
Сшита ладно она, держит душу в тепле.

Стоит груша у дороги
(I, X, 10)

國風

Где вширь раскинулись златых полей чертоги,
Стоит одна под небом груша у дороги.
Желанный, милый мой, заветных дум властитель,
Сегодня ты придёшь, я жду, в мою обитель.
Как дорог сердцу ты, оно полно смущенья –
Преподнести тебе какие угощенья?

Там груша дикая стоит, где холм пологий,
Стоит одна на повороте у дороги.
Властитель дум моих, томлюсь я в ожиданьи,
Ты обещал пойти со мною на гулянье.
Как дорог сердцу ты, оно полно смущенья –
Преподнести тебе какие угощенья?

Разрослась пуэрария

(I, X, 11)

1

Оплела пуэрария тёрн изумрудным ковром,
В поле, сколько уж лет, тишина, заросло всё вьюнком,
Здесь прекрасный мой суженый
в битве погибель нашёл.
С кем осталась? Одна прозябаю, лью слёзы в подол.

2

Обвила пуэрария ветви жужубов; вьюнком
Заросло поле всё и могилы погибших на нём,
Здесь прекрасный мой суженый
в битве погибель нашёл.
С кем осталась? Одна иссыхаю, лью слёзы в подол.

唐風

3

Как подушки красивы, украшены рогом они,
Как блестит покрывало с узором из белой парчи.
Прибрала моего благородного мужа война.
С кем осталась теперь я? Встречаю рассветы одна.

4

Лета дни потекут чередой, то прохлада, то зной,
Да потянутся зимние ночи с густой темнотой,
Мне отмерят мой век, я с надеждою этого жду –
Умерев, я к обители милого мужа приду.

5

Лета дни потекут чередой, то прохлада, то зной,
Да потянутся зимние ночи с густой темнотой,
Мне отмерят мой век, я с надеждою этого жду –
Умерев, я в покои любимого мужа войду.

國風

Собираю горец
(I, X, 12)

Рву горец змеиный, травные места
На вершине Шоуянского[7] хребта.
Люди слухи распускают, стар и мал,
Небылицам только б ты не доверял.
Злые вымыслы отбрось и не тревожь
Сердце думой, отличай от правды ложь.
Люди судят о других и вкривь, и вкось,
Что с них взять! Уж так в народе повелось.

Рву патринию я, где трава густа, –
У подножья Шоуянского хребта.
Люди слухи распускают, им смешно,
Ох, лишь ты бы не был с ними заодно.
Злые домыслы отбрось и не тревожь
Сердце думой, отличай от правды ложь.
Люди судят о других и вкривь, и вкось,
Что с них взять! Уж так в народе повелось.

唐風

Собираю репу я, её места –
Склон восточный Шоуянского хребта.
Люди слухи распускают, то ль не знать!
Ох, лишь ты не стал бы вымыслам внимать.
Наговоры, шепотки не обойдёшь,
Слушай сердцем, отличай от правды ложь.
Люди судят о других и вкривь, и вкось,
Что с них взять! Уж так в народе повелось.

I, XI. Песни царства Цинь[1]

Гремят колесницы
(I, XI, 1)

國風

Слышится шум колесниц всё сильней и сильней,
Белые звёздочки блещут во лбах лошадей.
Хоть и не виден супруг за грядою холмов,
Но старший евнух не дремлет, он к встрече готов.

Пышный сумах приютился на склонах хребтов,
Ближе к болотам – каштан в шапке дивных цветов.
Скоро приедет супруг мой, не стану скучать,
Сядем с ним рядом и будем на *цине*[2] играть.
Как не вкушать ныне радость, что душу пьянит,
Разве навстречу к нам тихая старость не мчит?!

Тут приютился на склонах приземистых гор,
Тополь в низинах оделся в зелёный убор.
Скоро приедет супруг мой, не стану скучать,
Сядем с ним рядом и будем на *шэне*[3] играть.
Как не вкушать ныне радость, что душу пьянит,
Разве кончина из далей к нам птицей не мчит?!

Четвёрка гнедых
(I, XI, 2)

秦風

Мчит колесницу четвёрка гнедых лошадей,
В цепких руках у возницы три пары вожжей.
Свита из слуг – тех, что князя и любят, и чтут,
С князем охоту на дикого зверя ведут.

Гонят самцов, подходящих для жертвы, стрелки;
Те, что пригодны для жертвы самцы, велики.
Князь повелительно крикнет: «Левее держи!»
Пустит стрелу, и добыча готова – лежит.

В северный парк князь направил четвёрку коней,
Кони послушны вознице, бегут всё резвей.
Мчит экипаж, бубенцов песня звонкая льёт,
Псов длинномордых с собой на охоту везёт.

Боевая колесница
(I, XI, 3)

國風

Кузов неглубок у колесницы боевой,
Пять повязок кожаных на дышле, что дугой,
Кольца для скольжения, с оковкою щитки,
Сбруя серебрённая, да тяжи-ремешки,
Шкура в ней тигровая, в ней ступицы длинны,
Вороные лошади в неё запряжены
И другие с левой задней белою ногой.
Думы о тебе одном лишь, благородный мой.
Колесница – вот твой дом среди чужих равнин,
Тайники души тревожишь мне, мой господин.

Резвая, могучая четвёрка лошадей,
Шесть вожжей в руках возницы – нет его ловчей.
В центре: конь буланый; черногривый с рыжиной.
Пристяжные: жёлтый с чёрной мордой; вороной.
Страшен, лют драконов вид на сомкнутых щитах,
Пряжки посеребрены на внутренних вожжах.
Думы о тебе одном лишь, повелитель мой,
Благородства ты исполнен, нежен был со мной.
Долго ли разлука будет сердце больно сечь?
Как могу не думать я о счастье наших встреч?

Кони славные в четвёрке, все как на подбор,
Ярко блещет на секире бронзовый узор.

Щит украшен перьями – окрас его багрян,
Из тигровой шкуры скроен кожаный колчан.
Спереди нагрудники у каждого коня,
Лука два в колчане на защёлке у тебя.
Господин мой, о тебе лишь думы я таю,
С ними засыпаю я и с ними я встаю.
Ты решительный и храбрый, ты всегда в пути,
Славные навеки добродетели твои!

Камыш разросся
(I, XI, 4)

國風

Камыш разросся, не пройти сквозь жёсткую листву,
Как иней белая, роса упала на траву.
О ком мечтаю и грущу, о ком слова мои,
Далёк отсюда, где-то там – у берега реки.
Вверх по течению к нему лежит мой долгий путь,
Полна опасностей тропа, но не могу свернуть.
Вниз по течению за ним иду, лишь поворот
До встречи с ним, но вдаль несёт его стремнина вод.

Камыш разросся, зелен, густ, открыл свою красу,
Ещё не тронул солнца луч жемчужную росу.
О ком мечтаю и грущу, о ком слова мои,
Далёк отсюда, где-то там – в долине у реки.
Вверх по течению к нему лежит неблизкий путь,
Тропа опасна и крута, но не могу свернуть.
Вниз по течению за ним, преградам вопреки,
А он на острове уже, что посреди реки.

Камыш разросся, зелен, густ, сплошная полоса,
Ещё не высохла в траве рассветная роса.
О ком мечтаю и грущу, о ком слова мои,
Далёк отсюда, где-то там – у берега реки.
Вверх по течению к нему лежит мой долгий путь,
Тропа извилиста, крута, но не могу свернуть.
Вниз по течению за ним, преградам вопреки,
А он на острове уже, что посреди реки.

Горы Чжуннань[4]

(I, XI, 5)

Чжуннаньские горы покой с красотой берегут,
Что можно увидеть здесь? – слива с катальпой растут.
Сюда благородный приехал, как ладно сидят
Парчовое платье и с лисьей подбивкой халат.
Лицо киноварного цвета, вдаль взор устремлён,
Воистину он государь! Как величествен он!

Чжуннаньские горы покой с красотой берегут,
С чем встретишься в этих местах? –
ива с грушей растут.
Здесь муж благородный гостит, фу[5]-узором расшит
Его длиннополый халат, ярко красный нефрит
В подвесках на поясе блещет, подвески звенят,
Из памяти вечной ему нет дороги назад!

秦風

Иволги

(I, XI, 6)

國風

Жужубы пышны, стелют тень у запруд,
Проворные иволги в кронах поют.
Кто в мёртвое царство с Му-гуном[6] сойдёт?
Яньси[7] из Цзыцзюя[8], прославивший род.
Таков он, Яньси, не отыщешь храбрей,
По доблести стоит он сотни мужей,
Но рядом с могилой – всего в двух шагах –
Его охватили и трепет, и страх.
О, Небо лазурное, молви, на что ж
Ты лучшего мужа на смерть отдаёшь!
Ведь выкупить если б его мы могли,
То сотни отдали бы жизни свои.

Жужубы пышны, стелют тень у запруд,
Проворные иволги в кронах поют.
Кто в мёртвое царство с Му-гуном сойдёт?
Чжунхан[9] из Цзыцзюя, прославивший род.
Таков он, Чжунхан, не отыщешь храбрей,
Достойный соперник он сотне мужей,
Но рядом с могилой – всего в двух шагах –
Его охватили и трепет, и страх.
О, Небо лазурное, молви, на что ж
Ты лучшего мужа на смерть отдаёшь!
Ведь выкупить если б его мы могли,
То сотни отдали бы жизни свои.

Жужубы пышны, стелют тень у запруд,
Проворные иволги в кронах поют.
Кто в мёртвое царство с Му-гуном сойдёт?
Чжэньху[10] из Цзыцзюя, прославивший род.
Таков он, Чжэньху, не отыщешь храбрей,
На голову выше он сотни мужей,
Но рядом с могилой – всего в двух шагах –
Его охватили и трепет, и страх.
О, Небо лазурное, молви, на что ж
Ты лучшего мужа на смерть отдаёшь!
Ведь выкупить если б его мы могли,
То сотни отдали бы жизни свои.

國風

Утренний ветер

(I, XI, 7)

Летит зоркий сокол как ветер – стремглав,
Роскошен лес северный и величав.
Не едет супруг мой, не мило мне всё,
В надеждах печальное сердце моё.
Ну как так случилось, виновна ли я?
Надолго забыл мой любимый меня.

Растёт на горе дуб ветвистый. Где дол,
Шесть вязов растут, ужимая простор.
Не едет супруг мой, не мило мне всё,
Несчастно печальное сердце моё.
Ну как так случилось, виновна ли я?
Надолго забыл мой любимый меня.

Там дикая слива растёт на горе,
А дикая груша – в низине; ко мне
Не едет супруг мой, с кем грусть разделю?
Как будто бы сердце моё во хмелю.
Ну как так случилось, виновна ли я?
Надолго забыл мой любимый меня.

Разве скажешь, нет одежды?
(I, XI, 8)

Что у тебя одежды нет, неуж сказать возьмусь?!
Халатом верхним я с тобой охотно поделюсь.
Тревожны ныне времена, недобрый этот год,
Ван собирает воинов, их трудный ждёт поход.
Пора готовить свой клевец и боевой топор,
С тобой пойдём мы на врага, дадим ему отпор.

Что у тебя одежды нет, неуж сказать возьмусь?!
Халатом нижним я с тобой как с братом поделюсь.
Тревожны ныне времена, недобрый этот год,
Ван собирает воинов, их трудный ждёт поход.
Копьё и боевой топор для дела заостри,
Бок о бок встанем мы с тобой за наши алтари.

秦風

Что у тебя одежды нет, неуж сказать возьмусь?!
Нательною рубахою с тобою поделюсь.
Тревожны ныне времена, недобрый этот год,
Ван собирает воинов, их трудный ждёт поход.
Пора оружие готовить, скоро грянет бой –
Бить вражью нечисть вместе мы отправимся с тобой.

國風

Вэйян[11]

(I, XI, 9)

Брата матери я в дальний путь провожаю,
С ним иду до Вэйян мимо жёлтых полей.
Чем его одарить? Я теряюсь, гадаю –
Колесницей с четвёркою рыжих коней?

Брата матери я в дальний путь провожаю,
С ним иду до Вэйян мимо жёлтых полей.
Что ему подарить? Я теряюсь, гадаю –
Пояс с яшмой и горсть самоцветных камней?

秦風

Достойное начало
(I, XI, 10)

Нам прежде яств давали вдоволь на пирах,
Теперь же нет – от яств отвыкли мы помалу
И лишь присутствуем на пышных торжествах.
Нет продолжения достойному началу.

Четыре жертвенных сосуда на пирах
Нам приносили всякий раз, бывало, в залу.
Теперь не досыта едим на торжествах.
Нет продолжения достойному началу.

I, XII. Песни царства Чэнь[1]

Холм Вань[2]

(I, XII, 1)

國風

Милый мой, предался ты распутствам
И холм Вань облюбовал для них.
Преисполнена сердечным чувством,
Но угас очаг надежд моих.

В барабан свой сильно бьёшь привычно
У подножья Вань до темноты.
Лето будь, зима ли – безразлично,
Перья белой цапли держишь ты.

Под удары в амфору из глины
Шествуешь на холм, стёр сто подошв.
Летом ли, зимой ли – нет кручины,
С веером из перьев в пляс идёшь.

Белый вяз у восточных ворот
(I, XII, 2)

Белый вяз стелет тень у восточных ворот,
А на Ваньском холме – крона дуба ветвистого.
Дочь Цзычжуна[3] под ним, только ночь снизойдёт,
Будет взоры пленить вихрем танца огнистого.

Чудным утром приволье с тобой пригублю,
Там, на южном плато, даль видна лучезарная.
Нет охотников ныне сучить коноплю,
Веселится, танцует вся площадь базарная.

Утро свежестью манит, зовёт за порог,
Мы идём по тропе вдоль ручья серебристого.
Я смотрю на тебя, как на мальвы цветок,
Одари меня горсточкой перца душистого.

Убогая хижина

(I, XII, 3)

國風

Убога хижина – и за её дверьми,
Отдохновение отыщется людьми.
И у весеннего истока хладных вод
Голодный может позабыть, что пуст живот.

Да неужели, если рыба на обед,
То только лещ из Хэ, другой как будто нет?
И, если в жёны выбирать, то лишь одну:
Из рода Ци[4] и только Цзянскую княжну[5]?

Да неужели, если рыба на обед,
То только карп из Хэ, другой как будто нет?
И, если в жёны выбирать, то лишь одну:
Из рода Сун[6] и только Цзыскую княжну[7]?

Есть пруд у восточных ворот
(I, XII, 4)

Пруд лежит от восточных ворот в стороне,
Можно в водах его размягчить коноплю.
О, прекрасная Цзи[8], каждый взор твой ловлю,
Спеть с тобою вдвоём так хотелось бы мне.

У восточных ворот пруд широк, можно там,
В чистых водах его, размягчить полотно.
О, прекрасная Цзи, я б хотел одного,
Чтоб с тобою вдвоём предаваться мечтам.

У восточных ворот пруд лежит, размягчить
Можно в водах его полый ствол тростника.
О, прекрасная Цзи, – нежный шёлк лепестка,
Я хотел бы с тобой до утра говорить.

國風

Есть тополь у восточных ворот
(I, XII, 5)

У восточных ворот – тополь с кроной густой,
Он уставшим от зноя прохладу припас.
Мы условились встретиться ночью с тобой,
Путеводные звёзды сияют для нас.

У восточных ворот – тополь с пышной листвой,
Он уставшим от зноя прохладу припас.
Мы условились встретиться ночью с тобой,
Путеводные звёзды сверкают для нас.

У могильных ворот

(I, XII, 6)

陳風

Жужубы растут у могильных ворот,
Срубить бы под корень их все топором.
Сановник над нами злу дань подаёт,
Нет тех, кто не знает в округе о том.
Хоть знают, не могут одёрнуть его,
И нрава такого сановник давно.

Там сливы растут у могильных ворот,
С округи слетаются совы на них.
Сановник над нами злу дань подаёт,
Ему напеваю я песенный стих.
А он не внимает, стараюсь я зря,
Но сверзится только, так вспомнит меня.

國風

Свила гнездо сорока на плотине
(I, XII, 7)

Свила гнездо сорока на плотине,
Желтковым цветом холм украсил астрагал.
Красавец мой, неправду кто тебе сказал?
На сердце боль, томлюсь в немой кручине.

Путь черепицей выложен из зала,
Ковёр из диких орхидей весь холм устлал.
Красавец мой, неправду кто тебе сказал?
Тревогой сердце у меня сковало.

Взошла луна

(I, XII, 8)

陳風

На небо выплыла красавица-луна…
Как эта девица прелестна и юна!
В плену страданий я, избавь меня от уз,
В моём усталом сердце грусти тяжкий груз.

На небо выплыла красавица-луна…
Как эта девица пригожа и нежна!
В плену печалей я, избавь меня от уз,
В моём усталом сердце скорби тяжкий груз.

На небо выплыла красавица-луна…
Как эта девица чарующе ладна!
В плену терзаний я, избавь меня от уз,
В моём усталом сердце боли тяжкий груз.

國風

Чжулинь[9]

(I, XII, 9)

И зачем мне в Чжулинь путь неблизкий держать?
Мне велит моё сердце Ся Нань[10] провожать.
Не в Чжулинь надо мне, не туда тороплюсь,
Провожаю Ся Нань, быть с ним рядом стремлюсь.

Запрягу я четвёрку своих лошадей,
И в окрестностях Чжу[11] отдохну. Чуть резвей
Будет гнать жеребцов однохвостая плеть,
Чтобы вовремя к завтраку в Чжу мне поспеть.

Пруд у плотины
(I, XII, 10)

陳風

На том пруду широком у плотины справа
Густой камыш и лотосы растут.
Есть здесь красавица – стройна и величава,
Страдаю я, но что поделать тут?
Ни днём, ни ночью мне покоя нет,
По слёзам слёзы застилают свет.

На том пруду широком у плотины справа
Густой камыш с посконником растут.
Есть здесь красавица – стройна и величава,
Прекрасная как чистый изумруд.
В тревоге наяву я и во сне,
Печаль с тоскою гложут сердце мне.

На том пруду широком у плотины справа
Под камышами лотосы цветут.
Есть здесь красавица – стройна и величава,
Прекрасная как чистый изумруд.
В тревоге наяву я и во сне,
Верчусь на ложе, нет покоя мне.

I, XIII. Песни царства Гуй[1]

Каракулевая шуба
(I, XIII, 1)

國風

В барашковой шубе гуляете праздничным днём,
А в лисьей идёте к царю на дворцовый приём.
Могу ли не думать о Вас я – лишь тем и богата,
Усталое сердце так ноет, мученьем объято.

Прогулки в барашковой шубе обыденны Вам,
А в дни ритуальные в лисьей Вы ходите в храм.
Могу ли не думать о Вас я, печали не скрою –
Усталое сердце изранено горькой тоскою.

Как салом намазан у шубы барашковой мех,
Блестит он на солнце, в глазах восхищенье у всех.
Могу ли не думать о Вас я… и льнут к изголовью
Сны грустные, сердце сжимая щемящею болью.

Белая шапка[2]

(I, XIII, 2)

檜風

Если в белой шапке мне встречался кто-то,
И раздавлен был он скорбью по родным,
Крайне измождённый, а в глазах – забота,
Я страдал и плакал сердцем вместе с ним.

Если мне встречался кто-то в белом платье,
Грусть от сердца трудно было отвести,
Мне его хотелось заключить в объятья,
Дать ему покоя, вместе с ним пойти.

Если белый фартук видел я на ком-то,
Был я состраданьем, жалостью томим,
Убедить хотелось мне его, что в чём-то –
В радости ли, в горе мы похожи с ним.

國風

В низине растёт карамболь
(I, XIII, 3)

Растёт в низине карамболь вблизи воды,
У карамболя гибки ветви и густы,
Прелестна крона у него, листва нежна.
Вы одиноки – я надеждами полна!

Растёт в низине карамболь вблизи реки,
У карамболя ярко-красные цветки,
Прелестна крона у него, листва нежна.
Вы без семьи – и я надеждами полна!

Растёт в низине карамболь, его плоды
Так источают аромат и так сочны́,
Прелестна крона у него, листва нежна.
У Вас нет дома – я надеждами полна!

Не то чтобы ветер бушевал
(I, XIII, 4)

Не то чтобы ветер над полем шумел,
Не то чтобы нас колесница несла…
С бегущей дорогой, что в Чжоу вела,
Я в мыслях прощался и сердцем скорбел.

Не то чтобы ветер, кружась, тучи гнал,
Не то чтобы нас колесница трясла…
С бегущей дорогой, что в Чжоу вела,
Я в мыслях прощался и сердцем страдал.

Пусть кто-то бы рыбу, сготовив, подал,
Я сам бы почистить котлы не забыл.
Вот если бы кто-то на Запад отбы́л,
Я добрую весточку с ним бы послал.

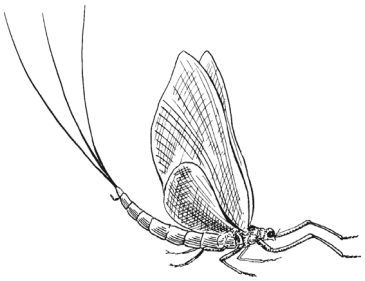
I, XIV. Песни царства Цао[1]

Подёнка
(I, XIV, 1)

Крылышки подёнки в свете звёзд блестят,
Крылышки подёнки – шёлковый наряд.
В сердце боль, как камень сдавливает грудь,
Милый, возвращайся, у меня побудь.

Крылышки подёнки в свете звёзд блестят,
Крылышки подёнки – красочный наряд.
Сердце боль сжимает, тягостные дни,
Милый, возвращайся в дом мой, отдохни.

Спит подёнки нимфа[2] в норке там, где мгла,
Выползет наружу, словно снег бела.
В сердце боль разлуки, грусть-тоска в груди,
Милый, возвращайся и не уходи.



Гостей встречают, провожают
(I, XIV, 2)

Гостей встречают, провожают – весь их труд,
Копьё с клевцом с собою носят, сам же люд –
Люд никудышный, голос доблести в них стих,
Блестят три сотни алых фартуков на них.

Баклан сонлив, что на плотине у пруда,
Он сильных крыльев не намочит никогда.
И эти люди и не достойны отродясь
Одежд прекрасных, что пожаловал им князь.

Баклан сонлив, что на плотине у пруда,
Клюв не намочит, хоть поблизости вода.
И эти люди все никчёмности сродни,
Не стоят княжьей благосклонности они.

Густая зелень и туманы пеленой,
И утром радуга над Южною горой.
Мила, прелестна, щёки словно шёлка гладь,
Обречена там дева юная страдать.

Голубка

(I, XIV, 3)

Голубка сидит на ветвях шелковицы,
С семью голубятами вместе ютится.
Мужи благородные – люди в чести,
Являют собой образец единенья,
Являют собой образец единенья,
Сердца их сошлись на совместном пути.

Голубка сидит на ветвях шелковицы,
На сливе голубкино племя ютится.
Мужи благородные – взор светел их,
На талиях пояс из белого шёлка,
На талиях пояс из белого шёлка,
Парадные чёрные шапки на них.

Голубка сидит на ветвях шелковицы,
На кроне жужуба – птенцы этой птицы.
Мужи благородные – долгу верны,
Для всех образец добрых дел и свершений,
Для всех образец добрых дел и свершений,
Наводят порядок в уделах страны.

Голубка сидит на ветвях шелковицы,
В орешнике племя голубки ютится.
Мужи благородные – доблести свет,
Народы исправили целого царства,
Народы исправили целого царства,
Да как им не здравствовать тысячи лет!

Родник

(I, XIV, 4)

曹風

В ущелье родник бьёт студёной водой,
Залит под горою ковёр луговой.
От сна лишь очнусь и вздыхаю, горюю,
О городе стольном, что в Чжоу, тоскую.

В ущелье родник бьёт студёной водой,
Полынь залита на лугу под горой.
От сна лишь очнусь и вздыхаю, горюю,
О городе стольном, что в Чжоу, тоскую.

В ущелье родник бьёт студёной водой,
Кровавник[3] залит на лугу под горой.
Проснусь и вздыхаю я, сердцу так больно,
Проходят в тоске дни о городе стольном.

Дружны всходы проса и трав луговых,
Вскормили дожди благодатные их.
В уделах страны власть царей заправляет,
А Сюньский[4] правитель царей поощряет.

I, XV. Песни царства Бинь[1]

В седьмую луну[2]
(I, XV, 1)

國風

1

В седьмую луну обжигающий зной
Скользит над землёй
раскалённой волной.
Девятой луны срок приходит, уж тут
Одежду с поддёвкою тёплой дают.
В дни первой луны обдаёт холодком,
Свистит тонко ветер
пастушьим рожком.
Второй луны дни проморозят насквозь
Того, у кого про запас не нашлось
Сермяги, халата, вещей меховых,
Как год дотянуть им, остаться в живых?
Готовим – уж слышно дыханье весны –
Соху с бороною в дни третьей луны.
Надеждой на добрую жатву полны,
Мы пашем сохой в дни четвёртой луны,
А жёны с детьми –
так идёт с давних лет –
Приносят нам к южному полю обед.
Смотритель доволен работой в полях,
Всё ладится в наших умелых руках.

2

В седьмую луну обжигающий зной
Скользит над землёй раскалённой волной.
Девятой луны срок приходит, уж тут
Одежду с поддёвкою тёплой дают.
Весной будит землю тепло ветерка,
И иволги песня над лугом звонка.
С корзинками девы, шаги их легки,
По узким тропинкам идут вдоль реки.
Им высмотреть надо средь чащи лесной
Тутовника ствол с молодою листвой.
Весной прибавляется день за окном,
На сборы цветущей полыни идём.
Проникла печаль в глубь девичьих сердец,
Ах, княжич, не рано ль идёшь под венец?

豳風

3

В седьмую луну обжигающий зной
Скользит над землёй раскалённой волной.
В восьмую луну нам неведом покой –
Мы режем камыш, что разросся стеной.
А время приходит четвёртой луны –
О тутах высоких заботой полны:
Берём и топорики, и топоры,
Стволы очищаем от старой коры,
Срезаем верхушки, срубаем сушняк,
Чтоб в новых ростках жизни сок не иссяк.

В седьмую луну за оврагом, где пруд,
Кричит растревоженный сорокопут.
В восьмую – мы заняты ткацким трудом,
И чёрные ткани, и жёлтые ткём,
И красную – яркую – та не для нас:
На платье нарядное, княжич, для Вас.

國風

4

Как срок наступает четвёртой луны,
Бутоны истода на поле видны.
В дни пятой луны песнь цикад полнит край,
Снимаем в восьмую луну урожай.
Деревья грустят в дни десятой луны,
Прощаясь с листвою до новой весны.
В дни первой луны на енота идём,
Лис ловим и диких котов, а потом
Мы княжичу шубу добротную шьём.
Второй луны дни по-особому чтим –
Мы ратное дело охоты вершим.
В дар князю трёхлетнего вепря несём,
Добытых детёнышей вепря – в свой дом.

5

Как пятой луны настают времена,
Стрекочет в траве саранча; как луна
Шестая приходит, льёт луг аромат,
Кузнечики, радуясь солнцу, трещат.

В седьмую луну в диком поле поёт
Сверчок, он в восьмую – под крышей живёт.
А дни наступают девятой луны,
Напевы сверчка под порогом слышны;
Десятой луны открывается счёт,
Он в дом заползает, не ждёт непогод,
Как будто бы знает – теплее двоим –
И песню заводит под ложем моим.
Лаз нор затыкаем... известно, кто там –
Вредителей-крыс нужно выкурить нам.
Чтоб было у северных окон теплей,
Мнём глину, проводим заделку щелей.
Зовём наших жён и детей, говорим:
«Год новый пришёл,
старый был неплохим –
Мы редко сидели за скудным столом».
Впускаем их жить в приготовленный дом.

豳風

6

В шестую луну услаждает нас сад –
Мы сливы едим и тугой виноград.
Сменяет шестую седьмая луна:
Подсолнечник режем, его семена
Впрок жарим – запас не вредит никому.
Жужубы сбираем в восьмую луну.
Десятой луны открывается счёт,
Мы рис убираем, он кормит нас год.

Бродить ставим сусло, пахнёт лишь весной –
Готовим на осень напиток хмельной.
Придут холода, жажду мы утолим
И старцев почтенных вином угостим.
В седьмую луну – тыква всем на еду,
Срываем горлянку в восьмую луну.
Девятой луны выйдет лик из-за гор,
Семян конопли начинаем мы сбор.
Рвём травы: айлант и душистый иссот, –
Всё в кушанье нашим крестьянам идёт.

7

Девятой луны продолжается счёт,
Свой сад расчищаем мы и огород.
Десятой луны настают времена,
С уставших полей убираем хлеба,
Чумизу, бобы, коноплю, гаолян,
Как радостен вздох облегченья крестьян.
Поля опустели, знать, жатва прошла,
Пора за домашние браться дела.
Тростник собираем у озера днём,
А ночью из сте́блей верёвки плетём.
Чинить надо крышу – где щель, где дыра…
И вот уж озимые сеять пора.

8

Второй луны дни – время тяжких хлопот,
Работа нелёгкая – колем мы лёд.

Заботы в дни третьей луны велики́,
Мы льдом набиваем свои ледники.
Четвёртой луны наступает пора,
Мы в жертву барашка приносим с утра.
Девятой луны дни приходят – в саду
Уж иней ложится ковром на траву.
Десятой луны настают времена,
Мы ток расчищаем для сушки зерна.
Труды многодневные пиром вершим,
Две чаши вина выпиваем, едим.
Овцу забиваем, барашка... потом
В палаты дворцовые к князю идём,
И рог носорога – наш кубок – его
До дна осушаем, у нас торжество:
– Не ведая горьких страданий и бед,
Живи, князь, во здравии тысячи лет!

豳風

Сова

(I, XV, 2)

國風

Сова, сова! Ох, как мне тяжко на душе!
Ты моего птенца похитила уже.
Не разрушай моё гнездо, тебя молю,
Вложила сердце я в него, любовь свою.
Будь милосердною, не тронь в гнезде жильцов,
Ты пожалей их – мною вскормленных птенцов.

В те дни пока дожди унывные не шли,
Под шелковицами сбирала корешки.
Свивала я гнездо уютное своё,
С окном и входом так, чтоб было в нём тепло.
И из людей, что проходили под гнездом,
Никто не смел и пальцем тронуть птичий дом.

Трудилась лапками, не берегла себя,
Одну травинку за другой стелила я,
Одну соломинку таскала за другой.
Мой клюв крошился и немел, и пусть порой
Казалось мне – прошли заботы, сделан кров,
Но примечала я, что дом мой не готов.

Помялись крылья, полиняли, хвост поник,
Как стебель высохший,
как сломанный тростник.

Моё гнездо ещё чуть-чуть и упадёт,
Его насквозь пронзают ветер, дождь – и вот,
Дрожа от холода, кричит душа моя:
Ищу спасения, прошу пощады я!

豳風

Восточная гора[3]

(I, XV, 3)

國風

1

К Восточным горам шли, судьба к нам жестока,
Давно мы не видели дом свой родной.
Все в красной пыли возвращались с востока,
То дождь нас стегал, то иссушивал зной.
Как только был отдан приказ возвращаться,
Нахлынули думы о крове своём.
Сошьют нам одежды, дадут отоспаться,
Не будем смотреться мы серым кулём.
Как будто бы гусениц жирных потоки
Сползают по листьям резным шелковиц.
Ох, как же тосклив наш ночлег одинокий
Под пологом днищ боевых колесниц.

2

К Восточным горам шли, судьба к нам жестока,
Давно мы не видели дом свой родной.
Все в красной пыли возвращались с востока,
То дождь нас стегал, то иссушивал зной.
Привиделось, что трихозант расплодился,
Плоды с крыш свисают, и пахнет травой,
Мокриц много в доме, порог покосился,
Вся дверь заросла паутиной густой.
На пастбищах диким оленям привольно,
И режут ночной полумрак светляки.

Забыть невозможно такое, как больно
Сжимается сердце от чувства тоски.

3

К Восточным горам шли, судьба к нам жестока,
Давно мы не видели дом свой родной.
Все в красной пыли возвращались с востока,
То дождь нас стегал, то иссушивал зной.
У гнёзд муравьиных – птиц громкие споры.
Заахали жёны, заботой полны –
Метут, затыкают крысиные норы,
А тут из похода вернулись и мы.
Плоды горькой тыквы, на плетях свисая
С поленниц, огромны… горели костры,
Когда уходили из отчего края,
Уж ныне три года прошло с той поры.

豳風

4

К Восточным горам шли, судьба к нам жестока,
Давно мы не видели дом свой родной.
Все в красной пыли возвращались с востока,
То дождь нас стегал, то иссушивал зной.
Стремительны иволги – флейты лесные,
Их крылья сверкают-мелькают вдали.
Невесту на свадьбу сбирают родные,
Уж рыжих коней и гнедых запрягли.
Невесте мать пояс, всплакнув, повязала,
Подарки невесте заполнили дом.
Красив её новый жених, что же стало,
Что будет с тем, прежним её женихом?

Затупились топоры

(I, XV, 4)

國風

У нас топоры затупились, точить их нет времени,
Зазубрились острые лезвия в долгом сражении.
Походом ходил на восток князь Чжоуский...
и праведный
Вершил суд над царствами,
путь им указывал правильный,
Долг княжеский знал –
единиться с людьми в сострадании,
Заботу о них проявлять, ширить их процветание.

У нас топоры затупились, точить их нет времени,
Зазубрились наши мечи в беспощадном сражении.
Походом ходил на восток князь Чжоуский и милости
Оказывал царствам – учил их добру и терпимости.
Он видел свой долг пред народом –
жить с ним в сострадании,
Дарить ему счастье, заботиться о процветании.

У нас топоры затупились, точить их нет времени,
Зазубрились наши секиры в кровавом сражении.
Походом ходил на восток князь Чжоуский,
стремлению
Был истово верен – все царства склонить к единению.
Он видел свой долг пред народом –
жить с ним в сострадании,
Заботу о счастье его проявлять, процветании.

豳風

Вырубают топорище

(I, XV, 5)

Не ново это, говорят, уж знали с давних пор,
Чтоб топорище вырубить, необходим топор.
И чтоб найти себе жену – зажечь семьи очаг –
Без расторопной свахи тут не обойтись никак.

Чтоб топорище вырубить, махая топором,
Должно быть под рукою то, что служит образцом.
На девушку прелестную упал мой зоркий взгляд...
И вот уж чаши с яствами и винами стоят.

Девять кошелей

(I, XV, 6)

Морщится водная гладь, ветер стонет в ветвях,
Бьются форель и лещи в девяти кошелях.
С юношей знатным я свиделась нынешним днём,
Платье парадное с юбкой расшитой на нём.

Перья в лучах уходящего солнца блестят,
Лебедь вдоль отмели жёлтой летит на закат.
С князем уедешь, покинешь то место, где мы
Дивных две ночи мечтали при свете луны.

Перья в лучах уходящего солнца блестят,
Лебедь вдоль брега крутого летит на закат.
С князем уедешь, сюда не вернёшься, где мы
Дивных две ночи мечтали при свете луны.

Юноша, в платье парадном, надежду мне дай,
С нашим властительным князем ты не уезжай.
Боль на душе успокой и не будь так угрюм,
Сердце моё не томи, где залёг сумрак дум.

豳風

Волк наступил на подгрудок
(I, XV, 7)

На махах шёл волк и, подгрудок свой лапой прижав,
Отпрянул, уселся на хвост, головой замотал.
Внук князя прекрасен, искусен в речах, величав,
Стук туфель его мелодичен, их цвет ярко ал.

Отпрянул, уселся на хвост волк, не сразу поняв,
Что лапой подгрудок, когда шёл на махах, прижал.
Внук князя прекрасен, искусен в речах, величав,
Чиста добродетель его, тем он славу снискал.

II. МАЛЫЕ ОДЫ

II, I. Цикл Лумин

Крик оленей
(II, I, 1)

小雅

Эхо от крика оленей протяжно в горах,
Стадо оленей пасётся на диких лугах.
Встречу гостей дорогих, в доме ждёт их уют,
Звонкие *сэны* играют и *шэны* поют[1].
Нежно свирель подпевает на тонких тонах,
Держим большие корзины с дарами в руках.
Любят меня эти люди – то гости мои,
Мне указали они к совершенству пути.

Эхо от крика оленей протяжно в горах,
Стадо оленей пасётся на диких лугах.
Встрече душевной с гостями я искренне рад,
Их добродетели дивною славой горят.
Не без почтения смотрят они на людей,
Это ли не образец благородных мужей!
Тех, кто приехал ко мне, угощу я вином,
Пусть развлечёт их, наполнит радушием дом.

Эхо от крика оленей протяжно в горах,
Стадо оленей пасётся на диких лугах.

Встречу гостей дорогих, в доме ждёт их уют,
Звонкие *сэны* играют и *цини* поют.
Сэны играют и празднично *цини* звенят,
Гости довольные, лица их радость лучат.
Я угощу всех вином, день пусть будет длинней,
Чтоб дольше длилось веселье
достойных друзей.

鹿鳴之什

Четвёрка коней

(II, I, 2)

小雅

Летит во весь опор коней четвёрка,
Из Чжоу длинен и извилист путь.
Прощальный взгляд бросаю я с пригорка,
Вернусь ли вновь сюда когда-нибудь?
Строга, сурова служба у царя,
Печаль и боль на сердце у меня.

Летит четвёрка белых черногривых,
Коней не держит жёсткая узда.
Не думать ли о временах счастливых,
Когда смогу вернуться вновь сюда?
Сурова служба царская, трудна
И не простит усталости она.

Взмывают голуби в небес хоромы,
Ныряют вниз, затем, прервав полёт,
На дуб садятся, на вершину кроны.
За промах предъявляют строгий счёт
На царской службе, миг не уловить,
Чтоб об отце заботу проявить.

В полёте голуби стремительны, красивы,
То мчатся вверх, то – вниз, прервав полёт,
Усаживаются на ветви ивы.

За промах предъявляют строгий счёт
На царской службе, миг не уловить,
Чтоб мать теплом и лаской одарить.

Запряг четвёрку белых черногривых.
Как ветер в поле, быстро кони мчат.
Не думать ли о временах счастливых –
О скором возвращении назад?
Я песню сочинил под стук копыт,
Забота в ней о матери звучит.

Великолепие благоухающих цветов

(II, I, 3)

小雅

В зелёном ковре диких трав – россыпь ярких цветов,
Усеяны ими долины и склоны холмов.
Посланцы спешат, им нельзя опоздать, позабыть,
Их думы о том, чтобы вовремя к месту прибыть.

Сильны и выносливы кони, найти ли резвей!
Блестят, будто маслом натёрты, три пары вожжей.
Несутся стремительно кони, торопит их плеть,
Сказать и узнать надо много, повсюду успеть.

Послушны рукам вороные, нет лучше коней!
Блестят, будто ленты из шёлка, три пары вожжей.
Несутся стремительно кони, торопит их плеть,
Совет надо дать и спросить, и повсюду успеть.

Белы черногривые кони, найти ли резвей!
Блестят на свету, будто влажны, три пары вожжей.
Несутся стремительно кони, торопит их плеть,
Дела надо к сроку устроить, повсюду успеть.

Чубарые серые кони, найти ли резвей!
Подогнаны ладно, умело три пары вожжей.
Несутся стремительно кони, торопит их плеть,
Спросить надо многих, обдумать и всюду успеть.

Груша
(II, I, 4)

1
Вся груша в завязях цветов,
К ним красочность придёт поздней.
Среди людей лишь брат таков –
Нет никого его родней.

2
Коль смерть грозит, отбросив страх,
Брат брату руку подаёт.
Средь павших в бое на полях,
Брат брата ищет и зовёт.

3
У юрких птиц корм на земле…
Мой брат в любой беде со мной.
Друзья у всех есть, только те
Вздохнут, похвалят лишь порой.

4
И братья ссорятся в семье,
Вовне ж дают двойной отпор.
Друзья у всех есть, но не все
Убрать помогут наговор.

5
Прошли волненья, годы смут,

Спокойствию дела вершить.
Друзья поманят, увлекут,
Но крепче братской дружбы нить.

6

Бокалы, чаши на столе,
Вин лучших тонкий аромат.
Сегодня рядом братья все,
Весельем братский круг объят.

7

Союз любви детей и жён –
Как *сэ* и *циня* слитный звук.
Все братья вместе за столом,
Веселье шумное вокруг.

小雅

8

Наполнен радостью твой дом,
Жена с детьми – любви очаг.
Но ты раскинь своим умом:
А, в самом деле, это так?

常棣

Рубим деревья
(II, I, 5)

Рубим деревья, стучат топоры, тяжек труд,
Весело птицы щебечут, друг друга зовут.
Дружно слетаются стаи из далей земных
И на макушки садятся дерев вековых.
Катится эхо стозвонное птичьих рулад,
Разноголосье вершит сокровенный обряд.
Пары на зовы ответные песенки льют,
И коль уж птицы в лесу неумолчно поют,
Как человеку тогда одинокому быть,
Как же друзей не искать и ни с кем не дружить?
Слушают духи исполненный радости хор,
Миром венчают, согласием... птиц разговор.

鹿鳴之什

Рубим деревья, мы заняты делом одним,
С верхом наполнены чаши вином молодым.
Жирный ягнёнок заколот – обычай таков,
То угощение для седовласых отцов[2].
Если же старцы к столу не пожалуют, я
В том не виновен, и не порицайте меня.
В доме свежо, ритуал в нём и знают, и чтят:
Все подношенья и восемь сосудов[3] стоят.
Жирный заколот телец – наш обычай таков,
То угощение для материнских дядьёв[4].

Если они не придут, не корите меня,
Это скорее промашка других, не моя.

По косогорам мы рубим деревья; хмельно,
Лета вобрав аромат, молодое вино.
Стол деревянными вазами с пищей богат,
Держатся рядом – плечо у плеча – с братом брат.
Есть, кто сожгли добродетели в сердце своём,
Потчуют душу лишь грубою пищей; вином,
Если имеется, будем себя угощать,
Коль нет вина, так мы купим, не будем скучать.
Эй, барабаны, стучите-гремите для нас,
И поживее, танцоры – под музыку в пляс!
Время придёт отдыхать – как беспечно оно –
Будем мы пить с лёгким привкусом лета вино.

小雅

Небо сохранит

(II, I, 6)

1
Небо Тебя укрепит, сохранит
И от утрат, и от бед защитит.
Многие милости будет дарить,
Как тут великому счастью не быть?
Славу, богатство Тебе ниспошлёт,
Ведать не будешь вовеки забот.

2
Небо Тебя укрепит, сохранит,
Милостью, благом сполна наградит.
Верен будь долгу, чти предков обряд,
Небом воздастся за это стократ.
Радостью щедро оно наделит,
Долгие годы во счастьи продлит.

3
Небо Тебя укрепит, сохранит,
Будешь для радости светлой открыт.
Будь как скала, что взирает на плёс,
Будь как гора, как курган, как утёс,
Будь как река при разливе большом,
Знать Ты не будешь ущерба ни в чём.

4
Встретишь постом новолуние[5], род

Древний одаришь, четырежды[6] в год
В жертвенном зале обряд совершишь,
Преждерождённых[7] тем ванов почтишь.
Молвят их духи: «Тебе мы речём:
Будешь на долгие годы царём».

5

Явятся духи, щедрот не тая,
Счастьем обильным осыплют Тебя.
Люди должны – таково естество –
Пищу себе добывать и питьё.
Чинный народ и простой также люд
Свято твои добродетели чтут.

小雅

6

Ты как на небе луна, что растёт,[8]
Ты как слепящего солнца восход,
Ты – вечность вечная Южной горы,
Всё, что вовек не разрушится – Ты.
Вечно зелёные – туя с сосной,
Вечности той – Ты наследник прямой.

Щиплем горох

(II, I, 7)

1

Щиплем дикий горох, щиплем дикий горох,
На побегах стручки зелены и нежны.
О, скорей бы домой! – сердца тягостный вздох,
Но не счесть длинных дней до прихода весны.
Мы от дома вдали, от любимой семьи,
В том повинны *сяньюнь*[9], беды все из-за них.
Мы не помним привалов на нашем пути,
В том повинны *сяньюнь*, беды все из-за них.

2

Щиплем дикий горох, щиплем дикий горох,
Уж горошины в толстых стручках налились.
О, скорей бы домой! – сердца тягостный вздох,
И печаль, и тоска в горьком стоне сплелись,
Душу жгут – то судьбины безрадостный рок,
Жажда мучит, гнёт голод к земле, валит с ног.
Срока нет нашей службе, мы там – в днях былых,
Не с кем весть о себе передать для родных.

鹿鳴之什

3

Щиплем дикий горох, щиплем дикий горох,
Уж горошины ссохлись в стручках и тверды.
О, скорей бы домой! – сердца тягостный вздох,

Но как долго ещё до десятой луны!
Служба царская – хлыст, никого не щадит,
Ни присесть, ни прилечь, в мыслях горесть и хлад.
Душу гложет унынье, тоска грудь теснит,
Мы уходим, не чая вернуться назад.

4

Кроны чьих же дерев пышно так расцвели?
Сливы то при дороге вскормила земля.
Пыль густую клубя, что там мчится вдали?
Да не спутать с другой – колесница царя.
Преисполнена силы четвёрка коней,
Кони резво бегут, трудно пыл их унять.
Кто посмеет взять отдых? Дела есть важней,
Три победы мы в месяц должны одержать.

小雅

5

Впряжена в колесницу четвёрка коней,
Кто быть может с их мощью былинной сравним!?
В колеснице – сам царь, выше всех и мудрей,
Мы, ничтожные, вслед поспешаем за ним.
Мерным шагом ступают четыре коня,
Лук в оправе из кости, из кожи колчан.
Как не быть начеку ныне войску царя,
Если стали *сяньюнь* досаждать часто нам.

6

Днём, когда уходили в далёкий поход,

Нам махали вослед на ветру ветви ив.
А теперь о семье думы груз нас гнетёт,
Хлещет дождь,
каждый счастлив лишь тем, что он жив.
По дороге бредём, выбиваясь из сил,
Мучит жажда и голод, урывками спим.
Острый меч тихой скорби нам сердце пронзил,
Только наша печаль неизвестна другим.

Вывожу колесницу

(II, I, 8)

小雅

1

Свою колесницу на сбор вывожу,
Пропел над страною походный рожок.
Приказ Сына Неба[10] – оставить межу,
Прибыть, как предписано,
к месту и в срок.
С постоя возниц созывают, велят
Скорее собраться под шёлком знамён.
Служить у царя – тяжкий труд, без наград,
Здесь каждый обязан быть скор на подъём.

2

На сбор вывожу колесницу, нужны
Для ратного дела мы, бойтесь враги!
Значки черепах, змей на флагах видны,
Свисают с полотнищ, пестря, бунчуки.
И с соколом стяги блистают – да как
Не реять им гордо, не славить поход?!
Сжимается сердце в предчувствии драк,
Томятся возницы, ждут взмаха – вперёд!

3

Нань Чжуном[11] получен приказ от царя,
Чтоб в Фане он выстроил град, вырыл ров.

Летят колесницы; на солнце горя,
Над ратью колышутся стяги полков.
Сын Неба приказом своим повелел
В Шо Фане[12] град-крепость быстрей возвести,
Нань Чжун – полководец, величествен, смел,
Изгнал он *сяньюнь*, нет сюда им пути.

4

Когда уходили мы в дальний поход,
В цвету было просо, и цвёл гаолян.
Теперь каждый думой о прошлом живёт,
И хлещет нас дождь, и бьёт снег по щекам.
Нелёгкая царская служба, покой
Неведом душе, служба – труд без прикрас.
И как не мечтать о возврате домой,
Но страх в наше сердце вселяет приказ.

鹿鳴之什

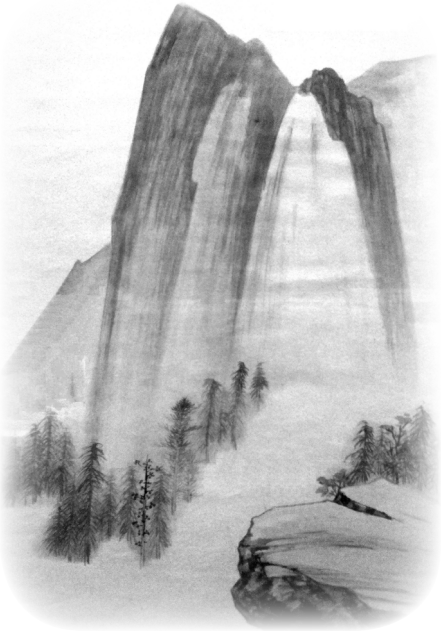
5

Рои насекомых жужжат, высоко
Кузнечики прыгают в нежной траве.
А где ж благороднейший муж, далеко? –
Не видно, тоскливо и горестно мне.
Завижу его вдалеке, в тот же миг
Льнёт радость к душе,
день пригож мне и мил.
Преславен Нань Чжун, благороден, велик,
Походом на запад врагов устрашил.

6

Весенние дни всё длинней и длинней,
И кроны деревьев пышнее растут,
А иволги песня звончей и звончей,
Уже артемизию горькую рвут.
Пленили врагов мы и их главарей,
Из далей к родному порогу спешим.
Преславен Нань Чжун, есть ли воин храбрей?
Сяньюнь покорил он, победа за ним!

小雅



Груша дарит прохладу
(II, I, 9)

Стоит одинокая груша, прохладу даря,
Плодами душистыми пышная крона полна.
Найдётся ли служба суровее, чем у царя,
Все дни без остатка у нас отбирает она.
Десятый уж месяц по Солнцу с Луной наступил,
Но нет утешенья, и ждать не осталось уж сил.
Изранено женское сердце глубокой тоской,
Когда же мой воин вернётся на отдых домой?

Стоит одинокая груша, прохладу даря,
Густа её крона, смягчает полуденный зной.
Найдётся ли служба суровее, чем у царя,
Изранено сердце моё безысходной тоской.
Деревья и травы, куда взор не бросить, пышны́,
Свет тает, сочась с высоты, под густою листвой.
В унынии женское сердце, и думы темны,
Когда же мой воин бесстрашный вернётся домой?

鹿鳴之什

На Южную гору иду с первым проблеском дня,
В пучки дерезу собираю из гибких ветвей.
Вам выпала тяжкая доля – служить у царя,
Отцы опечалены, грусть на лице матерей.
Скрипят колесницы на маршах
протяжней, сильней,

У них износился сандал в этот долгий поход.
Стоят на ногах еле-еле четвёрки коней,
Да как можно вам продолжать продвигаться вперёд?

Кто сборов не знает, у тех нет дороги назад,
Изранено женское сердце глубокой тоской.
Страдает душа, думы горькие грудь мне теснят –
Они не вернулись к обещанным срокам домой.
В мучениях сердце, его зимний холод сковал,
Гадали на панцирях мы черепах: «Их поход,
Уже к завершению близок», – оракул сказал.
Неужто прибудет мой воин, покой мне вернёт?

小雅

II, II. Цикл Байхуа

Рыбы немало

(II, II, 3)

Сколь рыбы в мерёже! Улов превосходный –
Касатка с шипами, карась золотой.
Вином угощает сей муж благородный,
Как много вина, вкус отменный какой!

Сколь рыбы в мерёже! Улов превосходный –
И лещ белобокий, и змееголов.
Вином угощает сей муж благородный,
Как много вина, вкус и запах каков!

Сколь рыбы в мерёже! Улов превосходный –
И сом длинноусый, и карп икряной.
Вином угощает сей муж благородный,
Как вкусен напиток и льётся рекой!

Одно за другим носят яства к столу,
Да как не воспеть им – превкусным – хвалу!

Прекрасные яства к столу подают,
Не счесть их и за́ день – бессмысленный труд.

Несут разносолы – еду и питьё –
Для каждого время подачи своё.

小雅

В Янцзы прекрасная рыба
(II, II, 5)

Прекрасной рыбою река Янцзы полна,
Как там вольготно рыбьим косякам!
У благородного запасы есть вина,
Оно на радость дорогим гостям.

Прекрасной рыбою река Янцзы полна,
Вода кипит от рыб у берегов.
У благородного запасы есть вина,
И он на пир собрать гостей готов.

На юге древо есть плакучее, оно
Обвито стеблем – это тыквы плеть.
У благородного вино припасено
Гостям на радость, как сердцам не петь!

Взмывают голуби стремительно, легко,
Слетаются, кружатся стаей всей.
У благородного вино припасено,
Налиты чаши с верхом у гостей.

На южной горе растёт осока
(II, II, 7)

1
На южной горе зеленеют осока и сныть,
На северной – стелется марь, её листья красны.
Да будут мужи благородные в радости жить –
Опора державного дома и мощи страны!
Да будут мужи благородные в радости жить,
Пусть будет судьба веки вечные годы их длить!

2
На южной горе тут растёт, пёстролистая сныть,
На северной – тополь,
что смотрит на дол с вышины.
Да будут мужи благородные в радости жить –
Величие царского дома и слава страны!
Да будут мужи благородные в радости жить,
И тысячи лет повелителю верно служить!

3
На южной горе дереза зеленеет и сныть,
На северной – слива пчёл манит
на запах пыльцы.
Да будут мужи благородные в радости жить –
Народов радетели, матери им и отцы!
Да будут мужи благородные в радости жить,
И их добродетели вечно, как солнце, светить!

4

На южной горе и айлант зеленеет, и сныть,
На северной – кряжистый дуб: вековой исполин.
Да будут мужи благородные в радости жить,
Ужель не дождаться своих им почтенных[1] морщин!
Да будут мужи благородные в радости жить,
Цвести добродетелям их, людям счастье дарить!

5

На южной горе зеленеет и финик, и сныть,
На северной – куст бирючины лианой обвит.
Да будут мужи благородные в радости жить,
Неужто глубокая старость от них убежит!
Да будут мужи благородные в радости жить,
Пусть будет потомков их Небо, лелея, хранить!

小雅

Высоко полынь поднялась

(II, II, 9)

Полынь пахучая высоко поднялась,
Роса рассыпанная, словно жемчуга.
Муж благородный навестил меня, мой князь,
На сердце стало так легко, печаль ушла.
Острот и шуток милых каждый приберёг,
Нашли для отдыха укромный уголок.

Полынь пахучая высоко поднялась,
Блестит роса в рассветный час, как жемчуга.
Муж благородный навестил меня, мой князь,
В нём много милости, рука его легка.
Как безупречны добродетели его,
Их не забудут, как и князя самого.

Полынь пахучая высоко поднялась,
Цветастых трав ковёр покрыт густой росой.
Муж благородный навестил меня, мой князь,
Сегодня радости и счастья пир большой.
Ты братской крепости пример, на до́лги дни
Несут всем благо добродетели твои.

Полынь пахучая высоко поднялась,
Роса тяжёлая, туман на дол упал.
Муж благородный навестил меня, мой князь…

Но вот возница уж поводья в руки взял,
Коснулся слуха бубенцов прощальный звон,
Удачи, радости тебе, мой князь, во всём!

Обильно выпала роса

(II, II, 10)

小雅

Роса обильная крупна и холодна,
С восходом солнца только высохнет она.
Пьём вволю в эту ночь, вино рекой течёт,
Никто с веселья, не упившись, не уйдёт.

Роса обильная крупна и холодна,
Покрыла густо травы пышные она.
Друзей застолье в эту ночь, смеёмся, пьём,
Пир завершим свой
в Храме Предков торжеством.

Роса обильная крупна и холодна,
Жужубы с ивами обсыпала она.
Мужи достойные, вы долгу все верны
И совершенных добродетелей полны.

Вокруг павлония с идезией растут,
Плоды созревшие к земле их ветви гнут.
Мужи достойные, вы – доблести пример
И преисполнены изысканных манер.

II, III. Цикл Тунгун

Красный лук
(II, III, 1)

Красный лук без тетивы – сей дар ценю,
Получил его и бережно храню.
Ныне гость ко мне приедет дорогой.
Одарю его от сердца; звон густой
Колокольный с барабанным поплывёт
И с утра на пир он гостя позовёт.

Красный лук без тетивы – сей дар ценю,
Получил его и бережно храню.
Ныне гость ко мне приедет дорогой.
Одарю его весельем; звон густой
Колокольный с барабанным поплывёт –
Пир откроет, гость вкусит с утра почёт.

Красный лук без тетивы – сей дар ценю,
Я его в колчане бережно храню.
Ныне гость ко мне приедет дорогой,
Сердцем всем его люблю я; звон густой
Колокольный с барабанным будет звать –
Пир откроет, буду гостя угощать.

形弓之什

小雅

Буйно разрослась полынь
(II, III, 2)

Как разрослась полынь степная на холме!
Её метёлки в жёлтом облаченьи.
Завижу мужа благородного… и мне –
Так радостно, готовлю угощенье.

На острове речном полынь в златых тонах
Заполонила остров без остатка.
Завижу мужа благородного… и, ах! –
Так радостно на сердце и так сладко.

Полынь высокая в метёлок желтизне.
Цвет трав других на склонах гор неярок.
Как мужа милого завижу… будто мне –
Сто драгоценных раковин в подарок.

Чёлн деревянный по речной воде несёт,
То вверх, то вниз он по волнам ныряет.
Завижу мужа благородного… и вот –
Покой желанный сердце обретает.

В шестую луну[1]

(II, III, 3)

1

В шестую луну смотр устроили нашим войскам,
Бок о бок стоят колесницы, готовы к боям.
Четвёрки коней запряжённых крепки и сильны,
Одежды походные собраны, умещены.
Лютуют *сяньюнь*[2], наши земли в крови и огне,
Нам надо спешить и пресечь злодеянья в стране.
Издал царь приказ – отправляться в военный поход,
Чтоб царство своё защитить, уберечь от невзгод.

2

По стати подобраны кони в четвёрках и в масть,
Приучены к упряжи, с ними в бою не пропасть.
В шестую луну осмотрели шлем, латы, копьё,
Усердно готовили мы снаряженье своё
И так подготовить его к дальним маршам смогли,
Что махом одним
мы способны пройти тридцать *ли*[3].
Получен приказ от царя – нам в поход выступать:
Сын Неба не должен владенья свои потерять.

形弓之什

3

Четвёрки коней богатырских сражения ждут,
Могучи, выносливы кони, копытами бьют!

Походом пошли на *сяньюнь*, сила в наших мечах,
Добыли заслуги, признание в грозных боях.
Почтительность, верность являли мы, нам суждено
По воле небесной быть в ратных делах заодно.
Мы в ратных делах неделимы – костяк боевой,
Царёвы достоинства, мощь утверждали собой.

4

Сяньюнь нападали во гневе на земли царя,
И Цзяо[4] и Хо[5] захватили, бесчинства творя,
Отторгли владение Фан[6], Хао[7] тут же заняв,
На северный берег Цзиншуй[8]
вышли войском стремглав.
Взметнулись тут флаги с узорами сокола ввысь,
И белые вымпелы наши победно взвились,
И десять в ряду колесниц, пыль вздымая с земли,
Могучие рати вперёд за собой увлекли.

小雅

5

Промазали ступицы мы колесниц боевых,
Передний и задний борта укрепили у них.
В четвёрки впрягли жеребцов – сила, натиск в строю,
Искусно обучены кони манёврам в бою.
Походом пошли на *сяньюнь*, обошли их посты,
Отбросили до Тайюань[9], смяли вражьи щиты.
Цзифу[10] и в правленье страной, и в военных делах
Для сотен владений – пример, что у всех на устах.

6

Цзифу торжествует, дни сечи смертельной вдали,
Великая радость – тревоги со скорбью прошли.
Из Хао с войны возвращаются рати домой,
Казалось нам, эта разлука была вековой.
Пируем, вина ныне много и яств на столах:
Карп мелко нарезанный, мясо морских черепах.
А кто представляет здесь *хоу*?[11] –
конечно, Чжан Чжун[12],
Почтенье сыновнее в ком, верность дружбе и ум!

Собираем салат
(II, III, 4)

小雅

1

Рвём да рвём у предгорий, сбираем салат
В новом поле и в том, где всего год назад
Мы пахали сохой, нарезали межу.
Здесь с войсками пристал полководец Фан Шу[13].
Боевых колесниц сотен тридцать при нём,
В бранном деле они служат крепким щитом.
В бой ведёт рать Фан Шу против варваров злых
Впереди на четвёрке коней вороных.
Мерна поступь коней полководца, плавна́,
Колесница его боевая красна.
Верх её из бамбука, из кожи колчан,
Повод даден вознице, нагрудник – коням.

2

Рвём да рвём у предгорий, сбираем салат
Как и в новых полях, так и в тех, что лежат
Меж селений; тут путь войск Фан Шу пролегал,
Воевода велел здесь устроить привал.
Тыщи три боевых колесниц по́днял он,
Реют гордо над ними полотна знамён.
В бой ведёт рать Фан Шу, в коже втулки колёс,
А в ярмо вороных герб-узор словно врос.
Цзинь – звенят бубенцы, их по два у коня,
Сам Фан Шу восседает в одежде вождя.

Князя фартук – из кожи – затянут в обхват,
И на поясе княжьем подвески звенят.

3

Сокол быстрый, как ветер, лишь миг – и исчез,
Взмыв, касается крыльями края небес,
Но садится и он, коль в полёте устал,
Полководец Фан Шу здесь с войсками пристал.
Боевых колесниц сотен тридцать при нём,
В бранном деле они служат крепким щитом.
Обратился с призывом к воякам Фан Шу,
Он отечеству верен, а войско – ему.
Бух … – гремят барабаны из кожи тугой,
Барабаны грохочут, зовут в ратный бой.

形弓之什

4

Цзинцы[14], вы непокорны, коварства полны,
Стали злейшим врагом для великой страны.
Воевода Фан Шу – мудрый в ратных делах,
Сила замыслов князя – в победных боях.
К схватке он подготовил отряды свои,
Вот уж схвачены варвары, их главари.
Как волна за волной колесницы идут,
Храп коней, лязг мечей, стоны… ярости зуд.
Столкновение ратей – раскат громовой…
Князь отечеству верен, преславен собой.
Алтари от набегов *сяньюнь* защитил,
Цзинцев-варваров он, усмирив, покорил.

Крепки колесницы

(II, III, 5)

1

Крепки колесницы, и радуют взор
Прекрасные кони – любой на подбор!
Впрягайте коней, что быстры и сильны,
Восточной дорогой отправимся мы.

小雅

2

Стоят колесницы, найти ли прочней,
Четвёрки отобраны рослых коней.
В угодья охотничьи нам – на восток,
Впрягайте коней, вот уж слышен рожок.

3

Охота – погоня и выбор засад,
Загонщики пешие шумно кричат.
Взметнулись бунчук,
флаг с узором-змеёй,
Пошла травля зверя под Ао[15] горой.

4

Несут колесницы четвёрки коней,
Как кони могучи, найти ли сильней!
Ал фартук, злачён сапожок; радость для,
Сбираются гости, ранг строго блюдя.

5

Наперстник, наплечник не слаб и не туг,
Друг к другу подобраны стрелы и лук.
Бьют залпом стрелки,
в небе стрел колкий дым,
Укладывать в груды трофеи спешим.

6

В упряжках четвёрки буланых коней,
Бегут пристяжные – куда уж резвей!
Возницы посыл – коренные храпят,
Разящею молнией стрелы летят.

7

Ржут кони, храпят; над спиной рысаков
Стяг реет, блестят острия бунчуков.
Возницы, носильщики, к пиру быстрей!
Гостей будут потчевать мясом зверей.

8

Все гости вкусили азарта сполна,
Разъехались с пира, вокруг тишина.
Ты – муж благородный и званью под стать,
На всём твоих славных свершений печать.

形弓之什

Счастливый день
(II, III, 6)

小雅

Настал счастливый *моу*-день[16] – день поклоненья,
Возносим Предку лошадей свои моленья.
Прочны, исправны колесницы для охоты,
И кони лучшие – в походе нет заботы.
По склону взгорья рысаки, храпя, несутся,
Стада преследуем, что в травах здесь пасутся.

Счастливый день *гэн-у*[17] сошёл с небес лучистых,
Себе мы выбрали коней, как ветер быстрых.
Отыщет егерь для охотников мишени,
Он знает, где в стада сбиваются олени.
Вдоль рек Цзюй[18], Ци[19] пойдём мы,
в милость духов веря,
Сын Неба будет здесь охотиться на зверя.

Пред взором стелется срединная равнина,
О, сколько дичи тут! Пространство как обширно!
Одни снуют, другие медленно ступают,
Кто парой держится, и есть, кто сбился в стаю.
Сюда доставлена для Сына Неба свита,
Чтоб веселить его, чтоб грусть была забыта!

Сжимает лук рука, остры глаза-прицелы,
Летят без промаха заточенные стрелы.
Двухгодовалых поросят бьём у отрогов
И валим с ног из луков залпом носорогов.
На пир зовём, сегодня все здесь – гости наши!
Вином игристым молодым мы полним чаши.

形弓之什

Дикие гуси
(II, III, 7)

小雅

В южную сторону – диких гусей вереницы,
Крылья свистят их, в полёте стремительны птицы.
В дальний поход сыновья отправляются ныне,
Им уготован судьбой ратный труд на чужбине.
Сын на щите, иль под ним – выбор бойни двуликой,
Вдовий народ преисполнен печали великой.

Тянутся с севера к югу гусей вереницы,
Шумно садятся средь озера дикие птицы.
Дочери стены возводят, сердца скорбь им гложет,
Делу нелёгкому все помогают, кто может.
Хоть непосилен сей труд –
многодневный, упорный,
Наши жилища объемлет покой животворный.

В южную сторону – диких гусей вереницы,
Дол оглашая, прощально кричат в небе птицы.
Умный будь здесь человек, не съязвит по-пустому,
Труд назовёт наш во благо и в помощь другому.
Глупый будь путник, обмолвится словом пустяшным,
Труд непростой наш презрит и сочтёт его зряшным.

Двор светом факелов залит
(II, III, 8)

А много ль ночи миновало? На исходе
Лишь половина, звёзд не счесть на небосводе.
Охвачен светом двор, то факелы горят.
Мужи достойные съезжаются сюда,
Динь-динь луани-колокольчики[20] звенят.

Ну, как там ночь? Пока царит, и сумрак длится,
Ещё восточный край небес не золотится.
Владыки двор сияньем факелов объят.
Мужи достойные съезжаются сюда.
Цин-цин луани-колокольчики бренчат.

А много ль ночи миновало? Уж светлеет,
Заря всё ярче на вершинах гор алеет.
Двор в бликах факелов, курятся их дымы.
Мужи достойные съезжаются сюда,
Уже и княжеские вымпелы видны.

Полноводный поток

(II, III, 9)

小雅

Поток могучий вешних вод брега теснит,
Впадает в Море[21] и его как Предка чтит.
О, быстрый сокол! То стремит в небес простор,
То камнем падает с высот к подножью гор.
Ах, и за что такая нам судьбы стезя,
Собратья милые, сограждане, друзья?
Нет дум о смуте, суета лишь напоказ,
Неужто нет отца и матери у вас?

Река несёт поток могучий вешних вод,
Валы вздымаются, бурлит водоворот.
О, быстрый сокол! – мчится пущенной стрелой,
То взмоет к небу, то несётся над землёй.
О тех, кто путь теряет, бремя дум моих,
Кто вбок шагая, тянет в омут и других.
Тоской усталая душа изъязвлена,
Не отыскать покоя ей – так боль сильна.

Молниеносен сокол, он – быстрей ветров,
Едва ль узришь, когда летит среди холмов.
Как языкаста ты, людская клевета!
Укоротить тебя – то помыслов тщета.
Будь осторожен, не всегда молва верна,
Злословье хлещет, как тяжёлая волна.

Курлычут журавли
(II, III, 10)

Птиц говор слышен с Девяти болот,[22]
То полнят криком поле журавли.
Рыбёшки то шныряют в толще вод,
То плещутся шумливо на мели.
Приятен взору в красках лета сад:
На верхнем ярусе – сандала ряд,
Терновник – ниже ярусом растёт.
А камни той горы, где сад цветёт,
Пригодны для огранки самоцветов.

形弓之什

Птиц говор слышен с Девяти болот,
То полнят криком небо журавли.
Рыбёшки то шныряют в толще вод,
То плещутся шумливо на мели.
Как сладок взору многолетний сад,
На верхнем ярусе – сандала ряд,
На нижнем – *тут* раскидистый растёт.
А камни той горы, где сад цветёт,
Пригодны, чтобы шлифовать нефрит.

II, IV. Цикл Цифу

Столичный воевода
(II, IV, 1)

О, воевода стражи столичной! Мы – меченосцы-стрелки,
Гвардии царской главная сила, когти её и клыки.
Что же ты мукой стражу изводишь?
Тяготы сброс с наших плеч,
Мы передышек сроду не помним,
нам ни присесть, ни прилечь.

小雅

О, воевода стражи столичной!
Мы – копьеносцы-стрелки,
Гвардии царской главная сила, когти её и клыки.
Что же на муки нас обрекаешь?
Тягот, лишений – не счесть,
Мы передышек вовсе не знаем,
нам ни прилечь, ни присесть.

О, воевода стражи столичной! Важен твой чин и велик,
Только разумным тебя называть не повернётся язык.
Что ж изнуряешь ты службою нас,
души стегаешь кнутом?
Нам пропитанье матери носят, их лишь заботой живём.

Чисто-белый жеребёнок

(II, IV, 2)

祈父之什

Чисто-белый жеребёнок, я тебя не потревожу,
Будешь есть в моей усадьбе всходы –
Здесь, в обители садовой, привяжу тебя, стреножу,
Будет это утро длится годы.
Тот, о ком сейчас пою, вдыхает
Аромат блаженства, в неге тает.

Чисто-белый жеребёнок, я тебя не потревожу,
Всходы будешь есть, но не в долине –
Здесь, в обители садовой, привяжу тебя, стреножу,
Как и утро, вечер будет длинен.
Тот, о ком мой слог благоуханный,
Для меня в усадьбе гость желанный.

Чисто-белый жеребёнок, жду тебя я в лоне сада,
Прибегай в красе неповторимой.
Ты мой князь и повелитель, ты души моей услада,
Радости тебе неизмеримой.
Загуляешь?! – сердца стук пугливый,
Всё отдам, чтоб ты остался, милый!

Чисто-белый жеребёнок на хлебах в широком поле,
Не нужна тебе узда тугая!

Для тебя пучок душистых
сочных трав на вольной воле,
Что для девы яшма дорогая.
Голос твой не слышен – в доле тает…
Душу жало горести пронзает.

小雅

Иволга

(II, IV, 3)

Иволга, иволга, певчая птица,
На шелковицу мою не садись.
Собраны зёрна к крупице крупица,
Ты их не клюй, над зерном не кружись.
В этой стране все живут по-иному,
Счастье найти мне они не дают.
Что же, обратной дорогою к дому
Я возвращусь и найду там приют.

Иволга, иволга, певчая птица,
В тутовых зарослях не хоронись.
Собрано сорго к крупице крупица,
Жито не клюй, над зерном не кружись.
В этой стране все объяты тревогой,
С ними достичь понимания тщусь.
Что же поделать, обратной дорогой
В дом к старшим братьям с поклоном вернусь.

Иволга, иволга, певчая птица,
Ты на раскидистый дуб не садись.
Собрано просо к крупице крупица,
Жито не клюй, над зерном не кружись.
В этой стране – мне чужой, непонятной –
Как ни усердствую, не приживусь.
Что же поделать, дорогой обратной
В племя родное к дядьям возвращусь.

小雅

Ехала я среди диких полей
(II, IV, 4)

Я ехала долго по диким местам –
Средь кущей айланта, по тёмным лесам.
Так встречи ждала, чтоб побыть нам вдвоём,
Мечтала женою вступить я в твой дом.
Но ты отказался лелеять меня,
Назад, в дом родимый, дорога моя.

Я ехала долго средь диких полей,
В пути собирала щавель и кипрей.
Так встречи ждала, чтоб побыть нам вдвоём,
Мечтала вступить я хозяйкой в твой дом.
Но ты отказался лелеять меня,
Печальна дорога туда, где родня.

Я ехала долго средь диких полей,
В пути собирала вьюнок и кипрей.
Ты сватанье наше забвенью предáл,
Другую подругу себе отыскал.
Но беды цепляются к судьбам лжецов,
Ты сам уготовил несчастиям кров.

Горный ручей
(II, IV, 5)

1

Журчит ручей меж круч, льёт песнь земли,
Синеет Южная гора вдали.
Встал дом, он прочен, как бамбука ствол,
Как пышная сосна украсил дол.
Здесь братья встретятся, пусть дружба вас
Навеки вечные соединит,
Убережёт от козней и обид.

2

Наследуя отцам и матерям,
Стостенный дом воздвиг –
просторный храм.
Врата на запад смотрят и на юг.
Здесь будет день за днём он жить без бед,
В веселье, в задушевности бесед.

3

Каркасы закрепили меж собой,
Утрамбовали землю и стеной
Загородились от ветров с дождём,
Мышам и птицам не проникнуть в дом.
Найдёт свой кров муж благородный здесь,
Как бы на цыпочках, воздушный весь,

Как мчащаяся молнией стрела,
Как птица, распростёршая крыла,
И как фазана яркого полёт –
Так благородный муж сюда войдёт.

4

Чист двор, пригож, соринки не найти,
Прямы колонны дома, высоки.
Наполненный весельем, светом днём,
Он тёмен и безмолвен в час ночной,
Находит благородный здесь покой.

小雅

5

Из камыша циновки сплетены,
В опочивальне – царство тишины.
Когда встаёт он рано поутру,
Разгадывать велит, не медля, сны:
– Пророчит счастье мне из них какой:
  Медведи – чёрный с бурым; иль другой,
  Где змей клубок? Ответить, кто горазд?
Гадатель главный толкованье даст:
«Медведи – чёрный с бурым –
добрый сон,
Рожденье сыновей пророчит он.
А если выпал сон – клубок из змей,
Знамение к рожденью дочерей».

6

Родится сын, обычаи блюдут,
В покоях на кровать его кладут.
Наряды надевают на него,
Играться малым скипетром дают[1].
Младенца крик, что звуков торжество,
Владыки фартук ждёт его, потом
Родов подвластных будет он царём.

7

Родится дочь, и тут обычай чтут,
На землю, а не на кровать кладут.
В пелёнки кутают, ей в две руки
Забаву – от посуды черепки.
Как вырастет, на кухне место ей,
Её забота о еде с вином,
Не должно ей печалить мать с отцом.

Неужто нет овец

(II, IV, 6)

小雅

Кто скажет,
что овец твоих по пальцам можно счесть?
В любой отаре триста их! Сомнений нет во взгляде.
Кто знает всех наперечёт коров твоих? Как есть:
Лишь с тёмной мордой девяносто –
это в каждом стаде!
Твои отары подошли, накрыла пыль дорогу,
Толкутся возле вожаков, теснятся рогом к рогу.
Твои коровы подошли с округлыми боками,
Стоит скотина, бьёт хвостом и дёргает ушами.

Меняя выпас, вниз с холма идёт одно из стад,
Бредёт другое не спеша тропою к водопою,
Те сочную траву жуют, поодаль те лежат.
И пастухи твои же здесь, встающие с зарёю,
Кто в травяном плаще из них,
кто в шляпе из бамбука,
Тот пищу на плечах несёт... а скот вот ждёт разлука
С земною жизнью – тридцать их отобраны по масти,
Ты жертву предкам принесёшь,
чтишь духов силу власти.

Там пастухи твои идут, для жертвенных костров
Собрали хворост, на растопку – стебельки сухие,

Да птицу битую несут – и кур, и петухов.
Твои отары подошли,
есть средь овец хромые?
Конечно нет – здоровы все,
с густою шерстью, сыты,
Из года в год растут отары, самки плодовиты.
Послушны жестам пастуха,
не крутят головою,
А дружно все идут в загон,
лишь он взмахнёт рукою.

Короткий сон у пастухов, уже близка заря,
Мерёжи, рыбой что полны, им снятся...
и знамёна:
На стягах – сокол, черепаха, вкруг неё змея.
Гадатель главный сны толкует,
вот что им речёно:
«Сон – рыбой полные мерёжи –
значится не тайным,
Счастливым обернётся год,
он будет урожайным.
Сон – черепаха со змеёй и сокол на знамёнах –
То в семьях будет прибавленье,
жди новорождённых».

祈父之什

Высока Южная гора
(II, IV, 7)

小雅

1

На светлой лазури за Южной горой
Чернеют утёсы высокой грядой.
О, Инь[2], ты наставник, ты посох царя,
С надеждой взирает народ на тебя.
Сердца обжигает и гложет тоска,
Не шутим мы, шутка для слуха горька.
Дни мира Отчизны почти сочтены,
Но ты безучастен к судьбине страны.

2

Утёсы за Южной горой тмят закат,
Тушуют горы́ изумрудный наряд.
О, Инь, ты наставник, велик, знаменит,
Так что же твоя справедливость молчит?
Нам Небо шлёт мор, скорбь рекою течёт,
И ширится хаос, и смута растёт.
Звук радостных слов средь народа угас,
Никто не спасёт от страдания нас!

3

О, знатнейший Инь, в Чжоу ждут перемен,
Поведай народам – труд мирный священ!
Так властвуй, себя не держи взаперти,
Все царства, что нас окружают, сплоти.

Надёжей будь Сыну Небес и избавь
Народ от мороки – взлелей и направь.
О, Небо жестокое, ты не карай
Наставника царского, сил не лишай!

4

К делам равнодушен, тем губишь царя
А с ним и народ, он не верит в тебя.
Ты службы не ищешь, как заперся в клеть,
В тебе благородного не разглядеть.
Блюди строго нравы, в отставку уйти
Должны все мерзавцы, сметай их с пути!
К тебе зачастят ходоки из родов,
Не жалуй им, клянчащим, хлебных постов.

5

Великое Небо, где правда твоя? –
Несчастья да бедствия день изо дня.
О, Небо! Чем край наш тебе не пригож,
За что ты нам кары великие шлёшь?
Да будь благородный муж тем, кто терпим,
Тогда бы народ был покоем храним.
Да будь благородный муж миролюбив,
Пришли бы и радости, злобу смирив.

6

Жестокое Небо, мы в путах обид,
По-прежнему смута клокочет, кипит.
Бездолье и пагуба с каждой луной,

Людские сердца потеряли покой.
Застыла душа, словно лёд холодна,
Под чьими же стягами встанет страна?
Ты сам уж не правишь, и в вихрях невзгод
Истерзан, измучен угрюмый народ.

7

Четвёрки все в упряжи ветра резвей,
И выи дрожат у могучих коней!
На царства пределы наш взор устремлён,
Сомкнулись в кольцо тучи вражьих знамён.

小雅

8

Дыханием злобы границы полны,
У недругов копья остры и длинны.
А ты всем доволен, как будто с врагом
Испил чашу мира за праздным столом.

9

Великое Небо! Тяжёл твой оброк –
Отнял передышку у царских тревог.
Боль, горечь в душе, в немоте мудрецы,
И правду на кривду меняют лжецы.

10

Слагаются песни отцами, чтоб вся
Вражда опочила, сплотились князья.
Желают, чтоб помыслы ты изменил
И царств мириады вспоил и вскормил.

В первой луне
(II, IV, 8)

1

В первой луне выпал иней обильный,
Сердцу тоскливо, не мил свет очам.
О, клевета, душ губитель всесильный!
Злостные слухи ползут по углам.
Память гнетёт одиночество стылое,
Разум немеет от горьких обид.
Грусть безысходная – песня унылая –
Сердце щемящею болью язвит.

2

Мать и отец дали жизнь мне в надежде –
Буду счастливым, продолжу наш род.
Так почему не рождён я ни прежде
И ни поздней этих тяжких невзгод?
Слово радушное с уст ли сорвётся,
Брань ли окатит меня, как волна,
Эхом горючим душа отзовётся –
Всё, как издёвку, воспримет она.

3

Вспомню лишь только о нашей юдоли, –
Сердце в смятеньи под спудом оков.
Нет за народом вины, но в неволе

Жить нас заставят, презренных рабов[3].
Ворох превратностей людям дарован,
Где же путь к счастью? –
так ждут эту весть,
Только над ними завис чёрный ворон,
Целит, на чьё бы жилище присесть?

4

Взор обращаю на лес пред собою,
Вижу – всё хворост один да щепа.
Гибнет народ, умываясь слезою,
К Небу взывает, но милость скупа.
Если б унять оно смуту решило,
Все б подчинились, не сеяли тьму.
О, Государь, превеликая сила,
Ненависть, злобу питаешь к кому!?

小雅

5

Низким гора – господин всемогущий,
Властный правитель буграм да холмам.
Ложь для души,
словно камень гнетущий,
Кто же от лжи даст спасение нам?
Сны разъяснять просят старцев веками,
Всякий из них – предсказатель, мудрец,
Только вот ворон, что кружит над нами,
Кто угадает … он самка, самец?

6

Небо, внушают – владыка высотам,
Спину нельзя не согнуть пред царём.
Увещевают: Земля – царь щедротам,
Думай сначала, шаг делай потом.
Эти слова на слуху повсеместно,
Правдою стали, обычной из нош.
Как не сказать люду прямо и честно –
Что ж ты, как червь,
извиваясь, ползёшь?

7

Горное поле мой взор привлекает,
Радует пышным цветеньем своим,
Небо на прочность меня проверяет,
Но я незыблем и неодолим.
Душат законом, моей же свободы
Им не отнять, как рассвета черёд.
Путами вяжут неистовой злобы,
Сил на меня всё ж им недостаёт.

8

Сердце моё в глубочайшей печали,
Стонет, как зверь в коготках западни.
Эти, что ныне к рукам власть прибрали,
Что ж так свирепы, коварны они!
Ширится, высится пламя пожара,

Где он, кто б вынес страну из огня?!
Чжоу! – Во блеске величья держава,
Род Сы из Бао[4] разрушил тебя.

9

Ноет душа, думы всё о кончине,
Дождь моросящий в сердечной пустыне.
Если воз доверху кладью нагружен,
А у его боковин скрепы нет,
Валится наземь поклажа, и нужен
Ты как помощник лишь в этот момент.

小雅

10

Коль при извозных делах не ленивцы –
Скрепы осмотрят, проверят и спицы
Да на возницу глаз вперят колючий –
Грузу при этом надёжно лежать.
При переправе тяжёлой, на круче
Думать не надо, что свалится кладь.

11

Пусть в полноводный пруд рыба попала,
Всё-таки плыть в нём ей радости мало:
В толще воды, хоть у донного ила
Луч её высветит там, в глубине.
Мается сердце, на сердце немило,
Думы терзают его о стране.

12

Вина у них льются нощно и денно,
В яствах заставленный стол неизменно.
Дружат с соседями, родичей стаю
Тешат пирами – им можно, изволь.
Я ж в одиночестве заперт, страдаю,
В сердце моём нестерпимая боль.

13

Храм – у ничтожных, все подлые – сыты,
Их закрома выше крыши набиты.
Только народ без жилья и без пищи,
Кары небесной бичом поражён.
Всласть богачам жить,
хоть в гроб ложись нищим,
«Жаль, горемычных!» – не вздох мой, а стон.

小雅

Началась десятая луна[5]
(II, IV, 9)

1

То первый день луны десятой был –
Синь-мао[6] день, над тихими полями
Нависла тьма, мрак солнце поглотил,
Зловещий знак ниспослан Небесами.
И растворился лунный свет во мгле,
И солнечный – в зияющем провале,
Пришли ко всем народам на земле
Злосчастия, невзгоды и печали.

2

Беду пророчат Солнце и Луна,
Меж звёзд дороги выбрали иные.
В разлад, хаóс страна погружена,
На службе не «прямые», а «кривые».
То, что луны затмился бледный круг,
Не невидаль, случалось, пережито,
Но чтоб Луна погасла с Солнцем вдруг!
Не пагуба ли в том для нас сокрыта?

3

Сверкают молнии, грохочет гром,
В сердцах ни мира, ни добра – руины.
И воды рек в неистовстве своём
Кипят, бурлят; в разломах – скал вершины.

Где брег высокий был, теперь там лог,
Где лог тянулся, появилось взгорье.
О, бедный люд! За что так рок жесток,
Да где же тот, кто выкорчует горе?

4

Вот Хуан Фу[7] – советник, мыслит быстро;
Фань[8] ведает делами просвещенья;
Цзя-бо[9] на службе в должности министра;
Чжун Юнь[10] – ответственный за угощенья
К столу владыки; Цзоу-цзы[11] – как уши,
Так и глаза царя, а Гуй[12] – конюший;
Наставник юных – Цзюй[13]; интриг полна
Наложница[14] – на трон возведена.

祈父之什

5

О, этот Хуан Фу, приказ отдаст,
И выполняй его без промедленья.
От важных дел нас отвлекать горазд,
Его волнует разве наше мненье?
Гнезда не свить в селеньи журавлю –
Дома разрушены, сорняк на поле.
А Хуан Фу одно: «Не я гублю,
Так ритуал вменяет, и не боле!»

6

О, Хуан Фу, мудрец из мудрецов!
Возвёл столицу в Сян[15], стратег глубокий –

К себе на службу взял троих дельцов,
Богатством одарил, дал чин высокий.
Они теперь ему других верней,
Им запретил в охрану вана влиться,
В повозки приказал запрячь коней
И в Сян отправил всех – свою столицу.

小雅

7

Хотя все силы службе отдаёшь,
Не жалуйся, усталость одинока.
Нет за тобой вины, но в сердце дрожь –
Злых языков молва, ох, как жестока!
Народ – страдалец, с горестной судьбой,
Вина в том чья, не воля Неба это!
О карах свыше – спор наперебой,
Но люди мир творят: мир мглы и света.

8

С печалью вспоминаю дом родной,
Гнетёт его великое страданье.
Достаток вижу в стороне чужой,
И душу жжёт несносное терзанье.
У всех есть отдых, я лишь не могу
Сыскать его, вздыхаю обречённо.
Не угадать небесную судьбу:
Я подражать не смею никому,
Мои ж друзья живут непринуждённо.

Дождь неправедный
(II, IV, 10)

1

Небо великое, чисто-высокое,
Как коротка добродетель твоя.
Шлёшь ты нам голод,
страданья жестокие,
Розни меж царствами, смерть от копья.
Небо грозит, в тучи страха нас кутая,
Думой не маясь о нашем житье.
Пусть же повинных во зле кара лютая
Свыше постигнет, пусть слёзы льют те.
Кто же злодейств не чинил никаких,
Разве обязан страдать за других?

2

В Чжоу пришли времена неспокойные,
Рухнули связи с былым, нищ приют.
Бросили службу особы достойные,
Знал бы хоть кто-то, как горек наш труд.
Трёх главных служб люди все именитые
Трудятся ревностно лишь напоказ.
Главы уделов, князья родовитые –
Не на приёмах в положенный час.
Толпы взывают к добру, но ко дну
Зло, своеволие тащат страну.

3

Всё ж почему, молви, Небо Великое,
Нет веры слову, в душе сто прорех?!
Так и с пути мы свернём, горе мыкая,
И не дойдём до намеченных вех.
Вон сколько строгих мужей благороднейших,
Только не терпят суждений чужих,
Каждый тут мнит – он достойней достойнейших,
Нет поклоненья пред Небом у них.

小雅

4

Войны ведёшь ты, назад путь неведанный,
Глад же творя, не ступаешь вперёд.
Я приближённый твой, истово преданный,
Скорбь дни и ночи мне сердце гнетёт.
Все тут мужи благородные, властные,
Лишь для себя их совет припасён,
Не возражают царю, с ним согласные,
Он их порочит – бегут тут же вон.

5

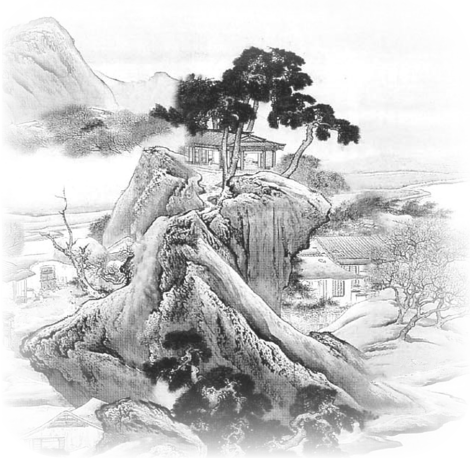
Плохо тому, чьё реченье «нелепица»:
Словом таким не увлечь, не зажечь,
Беды и зло от него не отцепятся.
Тем хорошо, чья поставлена речь:
Лесть льют легко и плывут по течению –
Так избирают свой путь к повышению.

6

Кличешь служить, дело то благородное,
Только шипы и подвохи кругом:
Вымолвим слово в сердцах неугодное,
Сына Небесного в гнев приведём;
Станем угодничать – ждёт нас забвение,
Близких друзей завоюем презрение.

7

Прибыть в столицу зову тебя ныне я,
Ты же в ответ – не построен, мол, дом.
Слёзы кровавые лью я в унынии,
Боль и страдание в слове моём.
Ты нас отправил, не мы ль в сем краю
Соорудили обитель твою?!



II, V. Цикл Сяоминь

С милостью к малым
(II, V, 1)

小雅

1

Благое Небо пагубу и страх
Ниспосылает вниз на землю.
Ох, сколько лжи в словах совета,
Когда же прекратится это!
Подсказки слушать не желают,
К пустым посулам прибегают.
Бескрылы эти замыслы – они
Лишь скорбь великую рождают.

2

Как льнут к властителю клеветники,
Как сердце жалят ложью языки!
Когда идут с советом добрым,
Вы тут же все противитесь тому.
А коль дают совет недобрый,
Его вы чтите выше всех щедрот.
Смотрю на эти измышленья –
И душу мука гложет: что нас ждёт?

3

На панцирях устали мы гадать[1],
Но о грядущем не узнали.

Советчиков полно – не сосчитать,
Но речи их плодят печали.
Двор полон жаждущими прорицать,
Но кто за промахи ответит?
Кто только рассуждает, как идти,
Не сможет никогда начать пути.

4

Лишь горести от ваших планов –
Не взяли предков вы за образец!
Их промысел не стал законом,
Вы оглушаете слух звоном –
Ведёте спор немолчный о словах.
Коль, строя дом, судачить с кем-то,
Не будет проку в начатых делах.

小旻之什

5

Пусть небольшое ваше царство,
Глупцы и мудрецы найдутся в нём;
Хотя народ не многочислен,
Но есть немало тех, кто одарён,
Позёры и кто мог бы стать вождём.
Когда прильнём мы к чистым родникам,
Дыхание бессмертья обретём.

6

В бой безоружным с тигром не вступай,
Не зная броду, в воду не влезай.

Обычно ведают лишь об одном,
Но ничего не знают о другом.
Будь сдержан, осторожность не вредит,
Как будто ты стоишь у края бездны,
Как будто под ногами лёд трещит.

小雅

Маленькая горлица

(II, V, 2)

小旻之什

1

Воркует горлица, хоть и мала,
Но до небес лазоревых взмывает.
Печаль на сердце тяжестью легла:
То память к предкам рода возвращает.
Мне до рассвета не забыться сном,
Всё думаю о матери с отцом.

2

Кто ровен, мудр –
своим страстям не раб,
Достоинства, напившись, не теряет.
Кто мягкотелый и рассудком слаб,
Пьёт так, что ночь от дня не отличает.
Честь смолоду храни и не теряй,
Жизнь не начнёшь сначала, так и знай!

3

Уже горох созрел, и люд простой
Идёт в поля, разбившись на цепочки.
Потомство шелкопряда – под листвой,
Его таскают пчёлы-одиночки.
Детей учите доблестным делам,
Пусть следуют за вами по стопам.

4

Вон трясогузка, в радость ей червяк,
Поёт хвалебный гимн родному краю.
Я продвигаюсь каждый день на шаг,
За месяц длинный путь одолеваю.
Ложусь я за полночь, встаю с зарёй,
Позор и стыд не приношу домой.

小雅

5

Пичуги носятся туда-сюда,
Таскают с тока зёрна проса птицы.
Голодным – горе, страждущим – беда:
Их поджидает смерть в стенах темницы.
Беру зерно, дарю, но что затем,
Доставить благо в силах ли я всем?

6

Будь ласковым и помни о других –
Так птицы в стае дружны и едины.
Будь чуток, осторожен за двоих,
Как будто рядом самый край стремнины.
Расчётлив будь и ведай страха гнёт,
Как будто под ногами тонкий лёд.

Безрадостно
(II, V, 3)

1
В холодной синеве курлычут птицы,
Они летят в родимые края.
Все люди, что вокруг меня, счастливцы,
Мне ж от забот нет отдыха и дня.
О, Небо! В чём вина моя, не мучай,
Скажи, как дальше эту боль сносить?
Печаль лежит на сердце чёрной тучей,
Как чувство безнадёжности изжить?

小旻之什

2
Пряма, ровна широкая дорога,
Но сорною травою заросла.
В душе тоска, щемящая тревога,
Как будто я придавлен гнётом зла.
Во сне лью слёзы, грусть неисцелима:
Старик согбенный – вот ярмо моё!
Сердечной муки боль невыносима,
Пылает жаром огненным чело.

3
Катальпа с тутом, выросшие рядом,
Стоят в почтеньи строгом у брегов.
Не ловим ли отца послушным взглядом,
Не мать ли и опора нам, и кров!

И разве не от них мы – волос в волос,
Не крови ли одной и не родня!
Мне Небом жизнь дарована, но голос
Из сердца слышу: разве счастлив я?

4

Роскошна мягкость ивы золотистой,
Поёт вся крона стрёкотом цикад.
Над гладью омута в тиши тенистой,
Стеной тростник да камыши стоят.
Я словно чёлн, подхваченный теченьем,
Не ведаю, куда прибьёт волна,
Моя душа истерзана мученьем,
Не отыщу спокойствия и сна.

小雅

5

Олень, умерив бег свой, спозаранок
Копытом землю бьёт, взор огневой.
Фазаны весело токуют, самок
Сзывают посмотреть на брачный бой.
А я – без кроны дерево гнилое,
Чей ствол точит незримый пильщик-жук.
И плачет сердце, горестью больное,
Что ж так бездушны, чёрствы все вокруг!

6

Бежит от стрел летящих заяц в логе,

К спасенью всё ж укажет кто-то путь.
И если труп бросают у дороги,
Зарыть его найдётся кто-нибудь.
А царь лишь чувству своему подвластен,
Жестокостью, как панцирем оброс.
Так ноет сердце, как же я несчастен,
Сил не найти сдержать потоки слёз!

7

Ты, царь, поверил наговору сытых,
Как величанью чашею вина.
Ты не увидел чувств моих сокрытых,
Тебе и правда стала не нужна.
Деревья валят в сторону наклона,
Дрова коль рубят, то по волокну.
Ты, царь, мерзавцев прячешь от закона
И возлагаешь на меня вину.

8

Что выше гор? – нет ничего другого!
Нет ничего, что глубже родника!
Не будь так лёгок, государь, на слово:
У стен есть слух и память на века.
Ты, царь, не посещай мою запруду,
Там вершу не снимай[2], зло не в чести.
И если грош цена мне, что ж я буду
О жалости к себе-то речь вести.

Смутьянов клевета

(II, V, 4)

小雅

1

Великое Небо простёрто над нами,
Отцом его, матерью нашей зовём.
Чисты мы как дети, открыты сердцами,
А смута растёт и растёт с каждым днём.
Великое Небо пугает расправой,
А я не злодей, я – покорности брат.
Великое Небо грозится мне карой,
Ни в чём я, воистину, не виноват.

2

Едва лишь проклюнуться смута готова,
Безмерную пагубу кроет в себе
И слух оглушает неправедным словом,
Как только доверится царь клевете.
О, если б ты, царь,
гнев явил, прекратилось
Безумство смутьянов, их пыл бы угас.
О, если б ты, царь, проявил свою милость,
Смутьяны в стране истощились бы враз.

3

Великие клятвы[3] даёшь, царь, а рядом
Ползучая смута шипит и растёт.

Поверил ты, царь, подлецам, казнокрадам,
А бунта волна всех накроет вот-вот.
Сладка речь воров, облепивших власть роем,
Питают мощь смуты вещанья ворья,
И коль сообща мы её не поборем,
К погибели выберем путь для царя.

4

Воздушен Храм Предков,
высок и прекрасен,
По воле правителя он возведён.
Величествен замысел, строен и ясен,
Умом мудрецов предначертан был он.
Есть те, кто мне планы свои предлагает,
Извечен на замыслы добрые спрос.
Проворно бежит хитрый заяц, петляет,
Но сможет его ухватить гончий пёс.

小旻之什

5

Деревья всё лето в наряде зелёном,
Взрастить царь велел их, далёки те дни.
Расхожие истины – в слове знакомом,
Ты сердцем проверь, столь ли прочны они.
Звучат восхвалений немолчные трели,
Как настежь ворота – распахнуты рты.
Елейная ложь схожа с песней свирели,
Под маскою прячет злодейства черты.

6

А этот-то кто, чьи так речи красивы?
Из тех он краёв, где прогнившая гать.
В нём мужества нет, не сыскать в нём и силы,
Призванье его – к смуте путь указать.
С надутыми, словно у жабы, щеками,
Да разве отвага даётся таким?
Насыпал ты ворохи планов пред нами,
Но кто же сторонником станет твоим?

小雅

Что он за человек?

(II, V, 5)

1

Что он за человек? Не знаю, люди,
Коварной лжи полны его уста.
Зачем он подходил к моей запруде,
Но так и не вошёл в мои врата?
Неужто рядом с ним ещё был кто-то?
Как он со мною поступил жестоко.

2

Они вдвоём шли вместе, пересуды
Болезни злей – кто молвил, что я плох?
Он был так близко от моей запруды,
Что ж не зашёл утешить?
Стон – мой вздох!
Ещё недавно был он не таким,
А ныне стал я для него чужим.

3

Что он за человек? Вон на аллею
Ступил в моём саду, я лишь успел
Его услышать голос, сожалею,
Что самого его не разглядел.
Перед людьми не ведает стыда,
Пред Небом не страшится никогда.

4

Что он за человек? Там, в небосводе,
Кружа́т уж вихри, ширя гул весны.
Не знаю, почему он не приходит
Ни с севера, ни с южной стороны?
Зачем он подошёл к моей запруде?
Теперь тревожно сердце биться будет!

小雅

5

Вот мимо дома моего неспешно
Ты едешь, задержаться недосуг.
Вот мчишься мимо, не зайдёшь, конечно,
Но время есть чинить колёсный круг.
Хоть раз бы ты меня один наведал,
Так ноет сердце, что ж ты дружбу предал?

6

Когда вернёшься, предо мной предстанешь,
Мне сердце песней возвестит тот час.
А коль, вернувшись, в дом мой не заглянешь,
Понять мне трудно будет твой отказ.
Хоть раз приди один, тоски сброс ь иго,
Я жду, как чуда, этой встречи, мига!

7

На *сюне*[4] старший брат играет; трели
На флейте выдувает средний брат.

Как бусинки с тобой мы в ожерелье,
Но говорит: «чужак ты мне», – твой взгляд.
Три жертвы[5] нужные хочу воздать я,
Тем на тебя и наложу заклятья.

8

Был демоном бы ты иль привиденьем,
Тебя бы распознать не удалось.
Но вот пристыжен ты, объято рденьем
Твоё лицо, и виден ты насквозь.
Сложил я песню, что тебе не лестна,
Теперь твоя двуличность всем известна.

Дворцовый евнух
(II, V, 6)

小雅

1

Роскошен, чуден сотканный узор,
Витком к витку лежит на шёлке штор.
Язык клеветников острей меча,
В плетеньи козней вы – ловчей ткача.

2

О, как прекрасны звёзды и ярки́
В созвездьи Цзи[6] – живые огоньки.
А вы, клеветники, обвиты злом,
Кто вам глава, живёте чьим умом?

3

Порхаете, и как вас не держи,
Затащите любого в сети лжи.
Попасть к вам на язык – не пустячок,
Сродни то рыбе заглотить крючок.

4

Проворна, лицемерна ваша рать,
Стараетесь унизить, оболгать.
А не боитесь, что придёт тот час,
И эта ложь ужалит больно вас?!

5

Надменны гордецы во все лета.
Для тех, чей день в трудах, жизнь – маета.
О, Небо! Как чиста твоя лазурь!
Пошли на гордецов ненастье бурь,
Но милосердным будь к сынам труда.

6

Эй вы, лжецы с поганым языком,
Кто вам глава, живёте чьим умом?
Хватал бы этих я клеветников,
Бросал бы в пасти тигров и волков.
Не стали б есть зверьё такой отброс,
Лжецов бы гнал на север, на мороз.
А север бы отверг их телеса,
Забросил бы лгунов на небеса.

小旻之什

7

Из парка, где вольготно тополям,
Бежит дорожка меж полей к холмам.
Я, евнух Мэн-цзы[7], вырос при дворцах,
Сложил я песню о клеветниках.
Вы, благородные, других мудрей,
Своё внимание явите к ней.

小雅

Восточный ветер
(II, V, 7)

Веял уветливый ветер с востока,
Землю поил благодатным дождём.
Ты так боялся, ждал словно упрёка,
Но от кого… мы же были вдвоём.
Рад ты теперь, я же – горести сын,
Бросил меня, я остался один.

Веял уветливый ветер с востока,
Вихри резвились, затишье дразня.
Ты так боялся, ждал словно упрёка,
Но всей душой был открыт для меня.
Только теперь ты – спокойно зловещ,
Бросил меня как ненужную вещь.

Веял уветливый ветер с востока,
Вихрем кружился над горной грядой.
Нет той травы, что не вянет; без срока
И дерева не колышат листвой.
Ты совершенства не помнишь мои,
Носишь пустые обиды в груди.

Дух скорби неизбывной
(II, V, 8)

1
Полынь заполонила пустыри,
То не полынь, то духа скорби лик.
О, бедные родители мои!
Взрастили вы меня, ваш труд велик.

2
Полынь заполонила пустыри,
То дух печали, не полынь-трава.
Вам, бедные родители мои,
Взрастить меня хватило сил едва!

小旻之什

3
Коль чаша для вина стоит пуста,
Позор кувшину винному и стыд.
Что прозябать среди людей? – тщета,
Что ж смерть меня упрятать не спешит?
Коль нет отца, опору в ком найду?
Нет матери, с кем грусть развеять мне?
Вне стен родных таю свою беду,
А дома слёзы лью наедине.

4
Отец, ты даровал мне счастье жить!
О, мать моя, взлелеян я тобой!

Вам доля выпала меня вскормить
И воспитать по мудрости людской.
Мне жаловали нежность, благодать,
Заботу ваши чуткие сердца.
За добродетель вам хочу воздать,
Она, как Неба ширь, ей нет конца.

5

Нет выше Южных гор в округе всей,
Там облачные клочья у вершин.
Несчастных не найдёшь среди людей,
За что же так страдаю я один?!

6

На кручах Южных гор и ветер злей,
Меж пиков вихрь могуч, неудержим.
Несчастных не найдёшь среди людей,
Лишь я один невзгодами томим.

Великий Восток[8]

(II, V, 9)

小旻之什

1

Для жертв поминальных был щедрым Восток,
Черпак полный проса – примета тех лет.
Как ровен путь предков, велик и широк,
Прямой, как лучи золотистых комет.
Мужи шли достойные этим путём,
Взирали им все с восхищением вслед.
Теперь на него, занесённым песком,
Смотрю я, и слёзы мне тмят белый свет.

2

О, малый Восток! О, великий Восток!
Безмолвствуют ткацких станков челноки.
На утреннем инее жёлтых дорог
Темнеют следы башмаков из пеньки.
Былое величие, гордость храня,
Потомки князей по дорогам пешком
Бредут, вёрсты меряя, день изо дня,
И боль неуёмная в сердце моём.

3

Бьёт ключ из земли, в нём вода холодна,
Под хворост пусть струи её не текут.
Я мучаюсь, плачу, очнувшись от сна,
Так больно глядеть на измученный люд.

Вязанками хворост уложен во двор,
Увязанный хворост сподручней нести.
Дать людям бы, видевшим голод и мор,
Возможность на время покой обрести.

4

Востока сыны с незавидной судьбой,
Вы рангом не вышли, вы не при чинах.
Сыны, что на Западе, в неге земной
Купаются: ходят в парче и шелках.
Лишь лодочник он, но стрижёт барыши –
Сын в шубу одет на медвежьем меху.
И сын у слуги не слюнявит гроши –
На важном посту он, не тянет соху.

小雅

5

Такие ведут себя, словно цари,
Вином угостишь – вкус вина им пустой.
Подвески на пояс ты им подари,
Не будут довольны они их длиной.
Как высветлен Млечной рекой небосвод –
Из россыпи звёзд наткала полотна
Ткачиха[9], что в Небе степенно плывёт,
Неспешно семь «смен» в день проходит она.

6

Пусть даже семь «смен» и пройдёт, но шелка́
С узорной отделкой она не соткёт.

На Небе сияет созвездье Быка,
Вот только Бык тяжести не повезёт.
Она на востоке с рассветом – Цимин[10],
На западе в небе вечернем – Чангэн[11].
Би[12] смотрит на Землю из звёздных глубин,
Не знает его яркий блеск перемен.

7

Цзи светит на юге, но сор от зерна
Нельзя им отсеять; на север взглянуть –
Там Ковш в небе светит, вот только вина
И капли одной им нельзя зачерпнуть.
Где юг, ночью скрыт горизонта обрез,
Там вытянул Цзи серебристый язык.
Ковш виден на северной части небес,
На запад своей рукоятью поник.

小旻之什

В четвёртую луну
(II, V, 10)

小雅

1
Начинается лето с чётвёртой луны,
А с шестою – приходит сжигающий зной.
Что же предки так мра́чны, ко мне холодны́,
Бессердечны, как будто обижены мной?

2
Осень тучи лохматые в небе несёт,
Растекается ржавью по стылым полям.
Стужей в душу дохнули смятенье, разброд,
И за кем мне идти, я не знаю и сам.

3
Пристань мыслей унылых, печалей – дни зим,
Вихри кружат, сгущая вечернюю тьму.
Средь людей нет таких, кто несчастьем томим,
И за что все страдания мне одному?

4
Дерева взор пленят, вгрызлись в горный откос,
Ниже – слива, каштан свежей силы полны.
Только здесь неурядица, правит хао́с,
Но никто за собою не знает вины.

5
На родник сквозь листву бьёт рассеянный свет,

Я смотрю, а вода то мутна, то чиста.
Дни мои – вереница из скорбей и бед,
Где же счастье моё, или жизнь прожита?

6

Цзян и Хань – величавые реки в краю,
Южным странам – цари, покровители им.
Я на службе все силы свои отдаю,
Но для всех я никчёмный, никем не любим.

7

Я не беркут, не коршун с широким хвостом,
Чтоб на крыльях взлететь до небесных высот.
Не тунец я и стать не могу осетром,
Чтоб нырнуть и исчезнуть под толщею вод.

8

Чистоус и орляк приютились в горах,
Кастано́псисы, ивы – в прохладе низин.
Благородный я, песню сложил, а в словах
Грусть излил, что извлёк из сердечных глубин.

II, VI. Цикл Бэйшань

Северная гора
(II, VI, 1)

小雅

1

По склону горы, что на севере, вверх шли, взвалив
На плечи большие вязанки с побегами ив.
Крепки́ мы, могучи и помним свой долг пред царём,
С утра до темна верно трудную службу несём.
В раздумьях я, нет государевой службе конца,
О, горести матери, тяжкая доля отца!

2

Просторы под чашею Неба – на тысячи *ли*,
Но здесь не отыщешь и пяди нецарской земли.
Пройди хоть до берега моря – и что? всё зазря:
Не встретишь того, кто бы не был слугою царя.
Вельможи работой своею наносят лишь вред,
Мои же дела безупречны, изъянов в них нет.

3

Быстра и стожильна четвёрка коней у меня,
Опора на службе, где много забот, у царя.
Себя я хвалю, не прельщаясь – не стар и умён,
Да молодость славлю – здоровьем сполна наделён.

Все силы, что есть, отдаю, не храню на потом,
Чтоб промысел царский
везде утверждать и во всём.

4

Одни проживают в усладе от бед в стороне,
Другие всецело себя посвящают стране.
Одни утром в мягких постелях лежат в забытьи,
Другие без отдыха и остановок в пути.

5

Одни даже вскрика не знают, покой – их страда,
Другие же долгие годы под игом труда.
Одни над разгадкой колдуют видений во сне,
Другие на службе при царском дворе, как в ярме.

北山之什

6

Одни веселятся, пир праздный им радует взгляд,
Другие под бременем страха, что их обвинят.
Одни всех клянут принародно и из-за угла,
Другие торопятся, чтобы закончить дела.

小雅

Не правь большою колесницей
(II, VI, 2)

Не правь большою колесницей,
Иначе будешь весь в пыли.
Не дай печалям в сердце влиться –
Умножишь скорбь родной земли.

Не правь большою колесницей –
Закроет пыль дороги след.
Не дай печалям в сердце влиться –
Не сможешь выехать на свет.

Не правь большою колесницей –
Себя под пылью погребёшь.
Не дай печалям в сердце влиться,
Иначе душу надорвёшь.

Проблеск надежды

(II, VI, 3)

1

Блистает в немой вышине голубой небосвод,
Льёт свет, не скупясь, на долины,
как щедрый хозяин.
Ходили на запад мы в трудный и долгий поход,
Вели нас дороги до самых далёких окраин.
Был тягостен путь, как явилась вторая луна:
Нещадной жары, холодов жернова нас мололи;
Сердца обдавала великой печали волна,
И в горестном плаче они заходились от боли.
Как вспомню о тех,
с кем был связан военной судьбой,
Так сами собой по щекам льются слёзы ручьями.
Не жили мы разве мечтой возвратиться домой,
Да только страшились закона карающей длани.

北山之什

2

Когда в прошлый раз уходили мы в дальний поход,
Четвёртый уж месяц явился по солнцу с луною[1].
Вернусь – не вернусь? Мог ли я загадать наперёд?
Год быстро промчался, как ветра порыв над волною.
Подумаю лишь о себе, так мне жизнь свою жаль,
Заботы мои бесконечны, но кто их отсрочит?!
На сердце истерзанном – камнем могильным печаль,

Точит безнадёжности червь душу мне дни и ночи.
Как вспомню о тех, с кем был связан военной судьбой,
Так внемлю желанью помочь им, облегчить страданья.
Не жили мы разве мечтой возвратиться домой,
Да только мучителен слишком был страх поруганья.

3

小雅

Когда уходили другой раз в далёкий поход,
По солнцу с луною уж время тепла наступило.
Вернусь – не вернусь? Мог ли я загадать наперёд,
Забот государевых бремя меня придавило.
Год быстро прошёл, дни его догорели дотла,
Настала пора собирать чернобыльник с бобами.
На сердце изнывшее гнётом печаль возлегла,
В наследство себе оставляю я скорбь со слезами.
Как вспомню о тех, с кем был связан военной судьбой,
Так с ложа ночного встаю я, слетает сон махом.
Не жили мы разве мечтой возвратиться домой,
Да только прослыть ненадёжными мучились страхом.

4

Ты, муж благородный, ты пользу постиг и тщету,
Не полно ль в покое скучать средь прохлады садовой!
Порядок в делах наведи, ты ж на важном посту,
Прямых отыщи, им быть надо твоею опорой.
И духи прослышав, что ты справедливый в деяньях,
Дарами осыплют тебя за труды и старанья.

5

Ты, муж благородный, ты пользу постиг и тщету,
Не полно ль покоем дышать средь прохлады садовой!
Порядок в делах наведи, ты ж на важном посту,
С прямыми дружи, избери их своею опорой.
И духи прослышав, что ты справедливый в деяньях,
Великое счастье тебе ниспошлют за старанья.

北山之什

Звонит колокол

(II, VI, 4)

小雅

Колокол плачет, плывёт его стон над рекой,
Воды Хуай высоки, катят пенной волной.
Боль одинокого сердца от всех я таю.
Муж благородный надёжным и верным мне был,
Добрую память о нём навсегда сохраню.

Колокол стонет надрывно, гудит, звон далёк,
Катит Хуай свои воды, бурлит их поток.
Сердце печалью великою истомлено.
Муж благородный надёжным и верным мне был,
Вечно в душе будет жить добродетель его.

Колокол бьёт и гремит барабан на весь край,
Вот уж намыли три острова воды Хуай.
Гложет печаль моё сердце, не жду перемен.
Муж благородный надёжным и верным мне был,
И добродетель его несравнима ни с чем.

Колокол громко поёт, звуки в небо летят,
Звонкие *сэны* и *цини* играют с ним в лад,
Шэны и *цины* друг с другом в согласьи звучат.
Вширь разливается музыка песен и од,
Чистых мелодий торжественность флейта ведёт.

Густой терновник
(II, VI, 5)

1

Разросся колючий терновник в полях, не пройти,
Сорняк надо с корнем выдёргивать, чтоб извести.
Так предки уж делали с давних времён для чего?
Чтоб просо моё с гаоляном сегодня росло.
Созрело уж просо на поле, жнецов ждёт с серпом,
И у гаоляна колосья налиты зерном.
Заполнен мой закром, в нём жита до самых краёв,
Амбары[2] трещат от зерна у речных берегов.
Стол яствами полон, и гости спешат ко двору,
Чтоб предкам достойную жертву воздать на пиру.
Усадим удобно мы предков, начнём угощать,
Нам счастье подарят они и свою благодать.

北山之什

2

Весь ход ритуала отлажен с далёких веков,
Берём только чистых барашков и чистых быков[3],
Чтоб жертвы воздать и осенней, и зимней порой.
Кто туши свежует, кто варит – все в деле – другой
Разделкою мяса загружен, а кто подаёт.
Жрец громко молитву возносит у главных ворот[4].
И вот уж блистает величием пир, там и тут
Всем предкам ушедшим хвалебную речь воздают
И духохранителя[5] яствами благодарят,
Душою ликует достойных потомков парад:

Достатка и счастья им предки желают, побед
И жалуют их долголетьем на тысячи лет.

3

Очаг почитают: готовя, обычай блюдут,
Разделочный стол не пустеет, для жертвенных блюд
И тушат, и жарят, и варят мясные куски,
Всем правит взор старшей жены
с властным жестом руки.
Кладут угощения вдоволь – на зависть глазам –
И поочерёдно подносят зятьям и гостям.
Ударились чаши, ответные тосты звучат,
То значит уже к завершению близок обряд,
Где строгие речи велись, что сердцам дарят свет.
Торжественно духохранитель, блюдя этикет,
Желает хозяину счастья, добра и похвал,
Чтоб тысячи лет он прожил и коварства не знал.

小雅

4

Мы благоговейны, и каждый свершённому рад,
Минýл без заминок, как должно, священный обряд.
Гадатель явился, гадателю время вещать:
«Потомки, за преданность Небо воздаст благодать!
От жертвенных блюд – ароматов приятных волна,
И вина понравились духам, и снедь вся вкусна.
Гаданье тебе прорицает, хозяин, сто благ,
Коль сыплется много щедрот, то судьбы добрый знак!
Ты чистое просо принёс на алтарь, ты был прям,

Ты был безупречен, как быть подобает вождям.
Даруется счастье тебе, то ль не лучшая весть!
На долгие-долгие годы тебе благ не счесть!»

5

Исполнен обряд приношения жертвы, потом
И бой барабанный, и звон колокольный как гром
Взметнутся над пиром, пока же – покоя черёд.
Хозяин садится на место, гадатель речёт:
«Все духи насытились яствами и польщены».
Встал предков посланник, и грянули средь тишины
И бой барабанный, и звон колокольный как гром.
А предков посланец и духохранитель вдвоём
Гостей покидают; смотритель с царёвой женой
Порядок велят навести: двор пригож чистотой.

北山之什

6

Игра музыкантов отточена, звуки парят,
Спокойствие, лёгкость веселья над пиром царят.
Подали мясные закуски, кувшины вина,
Здесь нет недовольных, все рады застолью сполна.
Насытились, вин ароматных вкусили из чар,
Отвесили в пояс поклоны кто млад и кто стар:
«Понравились духам мясные закуски с вином,
Тебе, государь, – долголетия, радости в дом.
Величат дары, прославляют дары времена,
Громада великих свершений твоих всем видна.
Чреда поколений – сынов, внуков мощная рать –
Твои начинания будут в веках продолжать».

Далёко простёрлись Южные горы[6]
(II, VI, 6)

小雅

1

Уткнулись в свод небесный Южных гор вершины.
Великий Юй[7] воздвиг их, труд большой вложил –
Вспахал он подле гор долины и низины.
Я, правнук князя, ныне здесь провёл межи,
Устав земельный ввёл; легли полей просторы
С востока к югу, красотой пленяя взоры.

2

Закрыли тучи Небо плотной пеленою,
Поля укутал белой шубой снегопад.
Дожди умножат влагу раннею весною,
Равнины пашен плодородных напоят.
Наполнят корни всходов силою целебной,
И жадно жизнь вдохнёт в себя мой колос хлебный.

3

В порядке должном содержу полей квадраты,
Ячмень как пышно колосится, гаолян!
Подарит осень урожай зерна богатый.
Сготовлю яства я и предкам, и гостям,
Всех, не скупясь, я угощу и пожелаю
Столетней жизни, благоденствия без краю.

4

Стоят у поля шалаши; на радость нашу
Устлали тыквы межевую полосу,
Я оботру их, срежу кожицу, заквашу,
Державным предкам с уваженьем поднесу.
Мне ниспошлют они здоровье, долголетье,
А Небо мне подарит счастья многоцветье.

5

Я возолью вино – для духов угощенье,
Потом намечу в жертву рыжего быка,
Свершу в честь прадеда я жертвоприношенье:
Нож с колокольчиком возьму, моя рука
Точна в движеньи –
бык не будет мучим болью,
Наполню чаши жиром я и жаркой кровью.

北山之什

6

В достатке мяса! Приготовлены нарезки,
Плывёт над яствами душистый аромат.
Великолепен ритуальный пир, во блеске!
Воспеты деды – строго выполнен обряд.
На каждый день удачи предки мне желают,
Тысячелетним долголетьем награждают.

小雅

Большое поле
(II, VI, 7)

1

Большого поля дали необъятны,
Оно богатый урожай приносит нам.
Возьму зерно из прошлогодней жатвы,
На пропитанье земледельцам передам –
Так в урожайный год и поступают.
Сегодня в южные наделы поспешил,
Рыхлят здесь землю, полют, подсыпают…
Как всходы проса с гаоляном хороши!
Поля, что под парáми, не забыты –
Их жаловал мужам я даровитым.

2

Сам просо отобрал – не рушу правил,
Барана жертвенного выбрал, а потом
Я духов четырёх сторон[8] восславил
И духов недр, отозвались поля добром.
Ликует земледелец с земледельцем,
Играет музыка, и мы в своих речах
Тебя величим, Дух полей[9], Владельцем
Даров земли и молим о дождях.
Чтоб были благодатными посевы,
Чтоб жили в счастьи юноши и девы.

3

Пришёл сюда, как раньше мои деды
Бывали здесь, и вижу – жёны и юнцы
В наделы южные несут обеды.
Полей надсмотрщики проворны, как гонцы,
Спешат, еду подносят свите, чтобы та
На вкус отведала бы угощений.
В порядке должном колосистые хлеба,
Богатым будет урожай осенний.
Ущерба нет ни в чём, все земледельцы,
Что трудятся в полях моих, умельцы.

4

Хлебов созревших колос позолочен,
Налился тяжестью пред жатвою сполна.
Вот хлеб в полях уж убран, обмолочен,
Холмами жёлтыми стоят гурты зерна.
Амбаров нужно тыщи, вот забота!
Повозок тыща тыщ – и ждут погрузки все.
Свезли хлеба, окончена работа,
Пируют те, кто отдаёт свой труд земле.
Звучат богатства, счастья пожеланья
И долголетья – так велят преданья.

北山之什

Широкие поля
(II, VI, 8)

小雅

1

Поля широкие опять посева ждут,
Готовы мы к работе, нам привычен труд:
Зерно просеяли – отброшена труха,
Как должно, остро наточили лемеха.
С угодий южных мы за пахоту взялись,
Зерном засеяли, земля ему даст жизнь.
Взойдут хлеба благодаря заботе рук,
Доволен будет урожаем княжий внук.

2

Хлеба взросли уж и стоят стеной густой,
Под солнцем копит силы колос золотой.
Мы с корнем вырвали всю сорную траву,
Собрали гусениц, дырявящих листву,
Червей, что могут корни злаков подъедать
И тем вредить колосьям спелость набирать.
Ты, Предок поля, мощь духовную яви,
Всё вредоносное сожги, испепели.

3

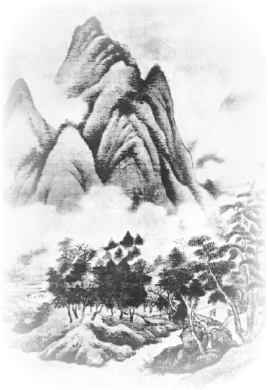
Сгущайтесь в Небе облака ещё тесней,
Ты, туча чёрная, плыви в наш край быстрей,
На поле общее[10] сперва пролей дожди,
Делянки личные уж после напои.

Как повелось, там позднеспелый хлеб не жнём,
Здесь раннеспелый оставляем на потом.
В пучках колосья там бросаем в полосе,
Не подбираем здесь колосья на стерне –
То помощь вдовам, что с бедой наедине.

4

Я государев правнук, я сегодня здесь,
Смотрю, как жёны и юнцы – дол виден весь –
В наделы южные с обедами спешат.
Полей надсмотрщики чинными стоят.
Заклали духам четырёх сторон быка,
Животных чёрных; с налитого колоска
Ячмень – отборный, свой –
для жертвы поднесли,
Чтоб духи счастьем одарили и спасли.

北山之什



Пред взором Ло[11] могучая течёт
(II, VI, 9)

小雅

Могучая Ло перед взором, под брегом высоким
Несёт величавые воды потоком широким.
Вот наш государь! Образец для людей, не иначе,
Сияют на царском челе благородство с удачей.
На нём длинный фартук червонного цвета; на дело –
Для ратных свершений –
поднял он шесть армий умело.

Могучая Ло перед взором, под брегом высоким
Несёт величавые воды потоком широким.
Вот наш государь! Волей Неба он стал именитым,
Сверкают на ножнах правителя яшма с нефритом.
Да здравствует наш государь, его промысел божий,
Домам он и семьям,
всем подданным верным – надёжа!

Могучая Ло перед взором, под брегом высоким
Несёт величавые воды потоком широким.
Вот наш государь! Не допустит разброда, бесчинства,
Он доблести, чести, удачи и силы единство.
Да здравствует наш государь, его промысел божий,
Он мудрый правитель, отечеству – щит и надёжа!

Прекрасны яркие цветы

(II, VI, 10)

北山之什

Прекрасны яркие цветы
На пышной зелени листвы.
На мужа этого смотрю –
На сердце лёгкость и покой,
На сердце лёгкость и покой,
И радуюсь я всей душой.

Прекрасны яркие цветы,
Как солнце вешнее желты.
На мужа этого смотрю –
Талантами он одарён,
Талантами он одарён,
Тем полнит счастьем жизнь мою.

Прекрасные цветы растут,
Головки белых к жёлтым льнут.
На мужа этого смотрю –
В его четвёрке лошадей,
В его четвёрке лошадей
Блестят, как шёлк, шесть лент вожжей.

Пусть слева встанет меж чинов[12] –
Он благородный муж на вид.
Пусть справа встанет меж чинов –
В нём благородный муж сокрыт.
Его заслуги люди чтут,
За ним с доверием пойдут.

II, VII. Цикл Санху

Пичуги
(II, VII, 1)

小雅

Порхают пичуги средь тутов, галдят,
Их яркие крылья – узора свеченье.
Мужи благородные радуют взгляд,
Пусть Небо подарит им благословенье!

Порхают пичуги средь тутов, галдят,
Их шеи блестят, как узором расшиты.
Мужи благородные радуют взгляд,
Державам опора они и защита.

Они и защита, они и столпы,
Царям образец, сберегут от напасти.
Не видно в них чванства, безволья толпы,
Ниспослано им безграничное счастье.

В изогнутый рог носорога нальём
Вино молодое – в нём пыл и отвага.
Мы друг перед другом с открытым челом,
Ударим же в чаши за вечные блага!

Мандаринки-уточки[1]

(II, VII, 2)

桑扈之什

Мандаринки-уточки парою летают,
Их в силки хотят завлечь, сети расставляют.
Мужу благородному здравия вовеки,
На его челе лучи почестей блистают.

Селезень без уточки дня пробыть не сможет,
Плавают крылом к крылу, гладь пруда тревожат.
Мужу благородному здравия вовеки,
Каждый миг да будет им только в счастье про́жит!

На конюшне царевой лошади ретивы,
Кормим вдоволь их зерном, чешем гребнем гривы.
Мужу благородному здравия вовеки,
Слава и почёт его долго будут живы!

На конюшне царевой лошади холёны,
Кормим вдоволь их зерном, сечкою зелёной.
Мужу благородному здравия вовеки,
Радости ему большой, славою рождённой!

В одеждах нарядных вошли
(II, VII, 3)

小雅

В одеждах нарядных вошли церемонно,
Да кто же они!? – известить поспеши.
По вкусу вино твоё так превосходно,
Закуски к нему, как всегда, хороши.
Да разве чужие они? – их наделы
Близ наших, то братья, судьбы мы одной.
Так плети плюща или ветви омелы
Доверчиво льнут к кипарису с сосной.
Пока благородный вне нашего взора,
На сердце печаль тяжело превозмочь,
А явится он, нам – спасенье, опора,
И радость из сердца тоску гонит прочь.

Вошли церемонно в одеждах нарядных,
Кто ж прибыл сюда, потеснив тишину?
Отведаем вин твоих сладких, прохладных
И яств, что по времени года, к вину.
Да разве чужие они? – их наделы
Близ наших, мы братья в единой семье.
Так плети плюща или стебли омелы
Извивами тянутся вверх по сосне.
Пока благородный вне нашего взора,
Печалимся мы, на душе тяжело,

А явится он, нам – спасенье, опора,
И радость на сердце, и сердцу светло!

В одеждах нарядных вошли церемонно,
И встали пред всеми без слов впереди.
Вино твоё сладко, оно превосходно,
Обильны как прежде и яства твои.
А кто эти люди, нам разве чужие?
То братья, дядья – все семьи мы одной.
Как дождь тот, что сыплется в дни грозовые,
Что был в облаках ледяною крупой.
Не знаем с погибелью мы мига встречи,
Как долго прожить Небеса предрекут.
Себя веселим мы вином в этот вечер,
Наш пир с благородным – душевный приют!

四月

Под скрипы колёс
(II, VII, 4)

1

Под скрипы колёс колесницы летящей
О деве прекрасной лелею мечты.
Что голод и жажда пред тайной манящей?
Ждёт дева меня – плод земной чистоты.
Пусть с нами друзей нет, стол сами накроем
Наполним день радостью, пляски устроим.

小雅

2

Равнинный лес пышен, фазаны пугливо
Мелькают вдали, блеск их перьев цветаст.
О, юности время, в нём дева счастли́ва,
Урок добродетели мне преподаст.
Устроим пирушку, весельем сам стану:
«Люблю тебя, деву, любить не устану!»

3

Пусть будет вино в наших чашах простое,
Мы выпьем, вкушая хмельной аромат.
Пусть яства не те, что на царском застолье,
Обычной еде, как и ты, буду рад.
Пускай, нет во мне добродетелей девы,
Станцуем вдвоём под родные напевы.

4

Взберусь на вершину холма: лес тенистый,
Охапку дубовых ветвей нарублю,
Охапку дубовых ветвей нарублю,
Лист дуба чуть влажный, резной, бархатистый...
Тебя повстречал я, мне выпало счастье,
И сердце запело в груди в одночасье.

5

Я горы высокие преодолею,
Осилить смогу сто дорог, сто морей.
Четвёрка летит – удержаться сумею,
Как струны на цине три пары вожжей.
Все радости встречи, наполненной лаской,
На сердце прольются доверчивой сказкой.

小雅

Рой синих мух
(II, VII, 5)

Назойлив синих мух жужжащий рой
И там и сям садится на плетни.
В чести ты, государь, правитель мой,
Не верь злословью, прочь его гони.

Назойлив синих мух жужжащий рой,
Садится на жужубы там и сям.
Злых языков бездонье – смуты вой,
Страну подводит к гибельным вратам.

Назойлив синих мух жужжащий рой,
Садится на орешник там и сям.
Язык злой жалит сердце клеветой,
Жизнь ссорой отравить стремится нам.

Вот снова гости собрались на пир
(II, VII, 6)

1

Вновь пир гостей собрал, ох, пир богат!
Расселись все по чину слева, справа.
Пред ними вазы с яствами стоят,
По вкусу к блюдам соус и приправа.
Изысканные вина подают,
Наполненные кубки, пляски ярой
Колокола и барабаны ждут,
Обносят всех гостей заздравной чарой.
Мишень большую ставят на траву,
Вот стрелы – в луках, выгнутых дугою,
Два лучника спускают тетиву.
«Вы, сударь, как владеете стрельбою?»
«Цель точно поражу, вы мне не пара,
В награду, сударь, вам – штрафная[2] чара!»

桑扈之什

2

Запели *шэны*, барабаны бьют,
Танцоры в пляс пошли гостям в усладу.
Преславным предкам жертвы воздают,
Как принято по древнему обряду.
Есть в череде обрядов красота –
Парит, плывёт по кругу величавость.
Тебе в дар будут долгие лета,

Что внукам и сынам твоим лишь в радость –
Она и полнит музыкою день! –
Бьют в бубен, флейта в их руках играет.
Вновь гости к стрельбищу идут, в мишень
Хозяин целит и стрелу пускает.
Опять заздравный кубок наполняют,
И гости состязанье продолжают.

小雅

3

Пир, пир идёт! Гудит весёлый шум,
Довольны все, текут беседы живо.
Хмель бременем пока не лёг на ум,
Любезны гости, держатся учтиво.
А перепьют – с собою не в ладах,
Их чинность превращается в ужимку,
То в пляс пойдут на гнущихся ногах,
То там и сям усядутся в обнимку.
Пока не опьянели, строг и нрав,
Достоинство блюдут по этикету,
А как напьются, меру потеряв,
Достоинств в них – на мелкую монету.
Кто пьян, рассудка в том наполовину,
Не помнит место он своё по чину.

4

От перепоя – все манеры вон:
Разинув рты, орут в угаре пьяном,
Бьют вазы, чаши, лезут на рожон,

Руками машут в плясе ураганном.
Недаром говорят, уж если пьян,
Намелет вздору он такую кучу...
Шаг – шапка набекрень, он сам не сам,
И ноги волокут в хмельную бучу.
Когда напьёшься – да и со двора,
Хозяевам то благо: дом в покое.
Коль пьян и колобродишь до утра,
Ты «вытираешь ноги об устои».
Испить вина – не радость разве это!
Но только без попранья этикета.

5

Где пьют, там льют, гульба рождает спесь,
Одни пригубят, те же так упьются,
Что ползают; стоит смотритель здесь,
Послушники в помощники даются.
Кто пьян, имеет тошнотворный вид,
Тот, кто не пьян, к его стыду взывает.
Но кто напился, слух его закрыт,
Его невыдержанность лишь крепчает.
Останови напившегося речь,
Прерви её поток на полуслоге,
Толкового не скажет он, сиречь –
Из слов его лишь выйдет чёрт безрогий.
Три чарки выпьет – память вмиг хиреет,
И как же наливать опять он смеет?

桑扈之什

Рыба в водорослях обитает
(II, VII, 7)

小雅

Средь водорослей рыба обитает,
Сребристая с большою головой.
Наш князь великий в Хао пребывает,
Он пьёт вино, весёлый, молодой.

Средь водорослей рыба обитает,
Скрыт длинный хвост её под рябью вод.
Наш князь великий в Хао пребывает,
Он пьёт вино, свободен от забот.

Средь водорослей рыба обитает,
Над нею ветер шепчет в тростнике.
Наш князь великий в Хао пребывает
В своём дворце от шума вдалеке.

Собираем бобы
(II, VII, 8)

桑扈之什

1

Бобы сбираем в поле за селом,
В квадратные корзины их кладём.
Мужи достойные вот-вот должны явиться,
Не знаю даже, что им в дар вручить.
Достойных разве нечем одарить?
Коней упряжки есть и колесницы,
А что ещё? – Звук колокольных звонов,
В узорах платья с вышивкой драконов[3].

2

Бьют из земли у рощи родники,
Омежника сбираем стебельки.
Мужи достойные в пути пока,
Знамёна их видны издалека.
Полощется шёлк флагов на ветру,
Всё звонче колокольчики звенят.
Съезжаются четвёрки ко двору
И тройки – благородные спешат.

3

На бёдрах – алый фартук, на ногах
Повязки в ярко-красочных тонах.
Опрятны все на встречах у царей,

Сын Неба я, встречаю их речами.
Я благородных радую мужей,
Сын Неба я, их жалую чинами.
Я благородных радую мужей –
Плачу на содержание семей[4].

4

Вот дуб стоит – величье естества,
Пышна и зелена его листва.
Я благородных радую мужей,
Крепки владенья Сына Неба вами.
Я благородных радую мужей –
Я щедро осыпаю вас дарами.
И те, кто слева, да и те, кто справа –
Все покорились, тем сильна держава!

小雅

5

Качают воды тополиный чёлн,
Не унесёт его теченье волн.
Я благородных радую мужей,
Сын Неба я, и буду ими править.
Я благородных радую мужей –
Чины дарю, не им ли царство славить.
Прекрасно, что на службу, сердцу внемля,
Они пришли сюда – на эту землю!

Рогом украшенный лук
(II, VII, 9)

1

Рогом украшенный лук сделан ладно, достоин хвалы,
Быстро расходятся лука концы после пуска стрелы.
Свёкры и тести, и братья в роду друг для друга родня,
Не позволяй им чуждаться –
ведь в том прозорливость царя.

2

Если допустишь такое, то следом утрата придёт:
Точно вот так же, не медля, с тобою поступит народ.
Если разумное дашь наставленье, то ты и мудрец,
Тут же воспримет народ поучение за образец.

桑扈之什

3

Если добры меж собой будут братья, не мечены злом,
Щедрость душевная всех окропит благодатным дождём.
Если пролягут меж братьями чёрные тени вражды,
Каждый другому соперником станет – рукой до беды.

4

Если народ не сживётся с добром и его оттеснит,
Злиться один на другого начнут и копить груз обид.
Если бесчестно чины получают, свершится и суд:
Сами с того же большие потери затем понесут.

5

С виду коняга и старый, и дохлый, а мчит рысаком,
Разве так важно, имеет значенье, что будет потом?
Каждый, кто ест непомерно, объесться тому суждено,
Тот обопьётся, кто хлещет без меры –
в три глотки – вино.

6

Лазить учить по деревьям мартышку, себя не стыдясь, –
Это пустому усердью сродни: вымывать грязью грязь.
Если у мужа достойного в замыслах есть красота,
Простолюдины пойдут за таким без удара хлыста.

小雅

7

Снег выпадает обильный, и в белом покрове земля,
Солнце появится в небе, снег тает, а влага – в поля.
Выжечь изъяны, развеять по ветру не жаждет толпа,
За образец выбирают гордыню, гордыня слепа.

8

Густо валит снег на землю, но вряд ли придут холода,
Глянет лишь солнце, едва припечёт –
нет от снега следа.
Стали как варвары мы – так похожи на *мао* и *мань*[5],
Платит великой печалью душа: тяжела эта дань.

Пышная ива

(II, VII, 10)

Вот ива растёт, с пышной кроной из нежных ветвей,
Да разве не чудно присесть, сил набраться под ней!
Великий владыка неровного нрава, крутого,
Подальше бы быть от него до скончания дней.
Но если не сближусь я с ним,
дня дождусь грозового –
Боюсь, что тогда мне придётся ещё тяжелей.

Вот ива растёт, с пышной кроной из нежных ветвей,
Да разве не мило прилечь, сил набраться под ней!
Владыка весьма переменчив и в гневе горячий,
Себе наврежу, коль я с ним на сближенье пойду.
Но как не пойти, не такой уж умом я незрячий:
Боюсь, хуже будет – в немилость к нему попаду.

桑扈之什

Вон птицы летают, за облаком клин их исчез,
Взмывают они высоко – до лазурных небес.
А сердце людское мечтою живёт многоликой,
И где залегает его устремлений предел?
Зачем избегать мне сближенья с великим владыкой?
Лишь зло наживу – вот упрямой гордыни удел.

II, VIII. Цикл Дужэньши

Столичные учёные мужи
(II, VIII, 1)

小雅

1

Жили когда-то служилые люди[1] в столице,
Рыжие шубы носили из меха лисицы.
Их благородство незыблемо, прочно в основе,
Честь соблюдали они и в поступках, и в слове.
Вот бы вернуться им – стала светлей бы столица,
Людям они помогли бы от бед оградиться.

2

Помнит служилых людей ещё Чжоу-столица,
Шляпы[2] на них, чтоб от солнца с дождём защититься.
А благородных мужей тех красавицы-жёны
С пышной причёской ходили, меняя фасоны.
Только теперь их не встретишь, те годы умчали,
Вот оттого-то и сердце в глубокой печали.

3

Жили служилые люди в столице да были
И самоцветы в подвесках на шапках носили.
У благородных мужей дней тех, что отдалённы,
Были из Инь и из Цзи[3] раскрасавицы-жёны.

Только теперь их увидеть уже невозможно,
Вот потому так на сердце моём и тревожно.

4

Жили в столице служилые люди меж нами,
Пояс носили с висящими с боку концами,
Чтили мужья благородные силу закона,
Локоны ви́лись у жён их, как хвост скорпиона.
Только в столице не встретишься ныне с такими,
Я бы иначе, не медля, пошёл вслед за ними.

5

И пояса удлиняли не то чтоб хвалиться,
Было с избытком материи всякой в столице,
Да и не то чтобы волос тогда завивали,
Локоны кольцами сами на плечи спадали.
Нет, не увидеть таких уж на улицах ныне,
Ох, как же гложет тоска, словно я на чужбине!

小雅

Собирала люй-траву
(II, VIII, 2)

Всё утро в поле люй-траву рвала,
Но даже и пучка не набрала.
Простым узлом уложен волос мой,
Омою пряди, как вернусь домой.

Рвала горец всё утро под горой,
Никак подол не полнился травой.
Сказал – вернусь, когда пять дней пройдёт,
Но нет тебя... пошёл шестому счёт.

Решишь охотой скрасить отдых свой –
Я уложу в чехол твой лук тугой.
Рыбачить пожелаешь – принесу
Тебе я на удилище лесу.

Пойдёт с удой за рыбою какой?
Лещей наудит, линей... знает кто?
Лещей наловит, линей, и толпой
Обступят тут же зрители его.

Всходы проса

(II, VIII, 3)

Дружны, густы весною этой всходы проса,
Земля дождалась от дождей щедрот.
Далёко мы пойдём на юг, приказ – наш посох,
Князь Шао[4] ныне нас призвал в поход.

Свою поклажу на рогульку я повесил
И своего вола в повозку впряг.
Как завершим поход успехом – буду весел,
Вернусь туда, где мой родной очаг.

都人士之什

Идём мы пешими и едем в колесницах,
Вся наша рать – отряды и полки[5].
И если наш поход удачно завершится,
Мы – по домам, забросим бунчуки.

Возведены постройки в Се[6], форпост наш прочен,
Вкруг их князь Шао вал соорудил.
Был долгожданен этот день – поход закончен,
Наш князь его победой завершил!

Вспахали земли мы и топи осушили,
Поля вспоили чистою водой.
В походе князю Небеса благоволили,
И в сердце Вана[7] вновь живёт покой.

Прекрасный *тут* растёт в низине
(II, VIII, 4)

小雅

Растёт прекрасный *тут* в низине луговой,
К лазури тянется он пышною листвой.
Коль с благородным мне случится повстречаться,
То долго радостной я буду оставаться.

Растёт прекрасный *тут* в низине луговой,
К лазури тянется он влажною листвой.
Коль с благородным мне случится повстречаться,
То буду рада я, могу ль не восторгаться!

Растёт прекрасный *тут* в низине луговой,
К лазури тянется он тёмною листвой.
Как с благородным мне случится повстречаться,
В душе взволнованной слова добра теснятся.

Всем сердцем я его люблю, всем существом,
Так почему же не могу признаться в том?
В себе упрячу я любовь к нему глубóко,
И будет жить она во мне всегда... без срока!

Белый цветок

(II, VIII, 5)

1

Как бел и изысканно строг орхидеи цветок,
С колючим пыреем его увязали в пучок.
Уехал супруг далеко, стих бубенчиков звон,
Надолго оставил меня в одиночестве он.

2

Вон облако в небе, черпнуло воды из морей,
Оно орхидею вспоит и колючий пырей.
Бег времени тягостен мне, я полна пустотой,
Супругу нет дел до меня, уманён он другой.

都人士之什

3

Вода из проточного пруда на север течёт,
Там риса поля – урожайным предвидится год.
Горюю и тихо печальную песню пою,
О знатном супруге не выброшу думу мою.

4

Я с тута ветвей наломала, сожгла в очаге,
Чтоб отблеск надежды увидеть на миг хоть во мгле.
Приятен на вид мой супруг, но постыло мне всё,
И душу он гложет, и сердце терзает моё.

5

Гремят во дворце барабаны и колокол бьёт,
Звук, вширь растекаясь по долу, летит в небосвод.
Тоскую по мужу, замкнулась одна в тишине,
Как сердце сжимает его безразличье ко мне!

6

Свил аист гнездо у запруды, обитель свою
Приходится в зарослях леса искать журавлю.
Приятен на вид мой супруг, но постыло мне всё,
И душу он гложет, и сердце терзает моё.

7

小雅

Вон уточка с селезнем в заводь укрылись вдвоём,
Друг к другу прильнули доверчиво левым крылом.
Нет качеств достойных в супруге, хоть он и пригож,
И чувства его постоянными не назовёшь.

8

Лежит низкий камень, ступить на него так легко,
И всяк тоже низок, кто вздумает встать на него.
Далёким-далёким мне стал и чужим мой супруг,
Оставил мне ворох страданий и горестных мук.

Песня иволги

(II, VIII, 6)

都人士之什

Песню иволга льёт, звуки грусти полны,
Села с боку холма на вершину сосны.
Путь далёк по извилистым лентам дорог,
Как же я обессилел, как я изнемог!
Напоите меня, накормите меня,
Посоветуйте и укрепите,
Да обозным, как только займётся заря,
Взять в повозку с собой прикажите.

Песню иволга льёт, звуки грусти полны,
Села с краю холма в зелень пышной сосны.
Разве страшен мне путь, что ещё впереди?
Я боюсь – не смогу быстрым шагом идти.
Напоите меня, накормите меня,
Посоветуйте и укрепите,
Да обозным, как только займётся заря,
Взять в повозку с собой прикажите.

Песню иволга льёт, звуки грусти полны,
Села с боку холма на вершину сосны.
Разве страшен поход мне, что ждёт впереди?
Я боюсь одного – не осилю пути.
Напоите меня, накормите меня,
Посоветуйте и укрепите,
Да обозным, как только займётся заря,
Взять в повозку с собой прикажите.

Листья тыквы
(II, VIII, 7)

小雅

Широки листья тыквы, колышутся от дуновенья,
Срежут сочные листья, сготовят из них угощенья.
У достойного мужа – отменного вкуса вино,
Полный кубок ему поднесут, он осушит его.

Подадут из зайчатины блюда, закуску поставят,
Прежде нежное мясо натушат, на масле обжарят.
У достойного мужа – прекрасного вкуса вино,
Будет званым гостям подаваться к застолью оно.

Подадут из зайчатины блюда, «Вкусите!» – промолвят,
Мясо в луковый сок обмакнут, на углях приготовят.
У достойного мужа прелестного вкуса вино,
Вот уж кубки полны, гости тост вознесут в честь его.

Подадут из зайчатины блюда, закуску поставят,
Прежде нежное мясо натушат, на масле обжарят.
С терпким вкусом вино у достойного мужа к столу,
Гости кубки осушат, приемлет муж честь и хвалу.

Громоздятся отвесные скалы
(II, VIII, 8)

都人士之什

Камни, ущелья, отвесные скальные плиты,
Пики вершин над полями седых облаков,
Дымкою реки и дальние кряжи укрыты.
Как тяжело, мы родимый оставили кров!
Долог, опасен поход на восток, труден путь,
Воинам и поутру не дают отдохнуть.

Камни, ущелья, отвесные скальные плиты,
Глыбы, которых коснулся столетий резец,
Дымкою реки и горные кряжи укрыты.
Будет ли этим обрывистым далям конец?
Долог поход на восток, не отступится рать –
Ей повеления царского не избежать.

Белокопытные есть средь кабаньей породы,
Вброд переходят реку, взбаламутили ил.
Месяц в созвездии Би[9], знать, поднимутся воды,
Он возвещает, что ливней сезон наступил.
Воинов путь на восток – между каменных гряд,
Думать нельзя о другом, нет дороги назад.

Распустились текомы цветы
(II, VIII, 9)

小雅

Распустились на ветках текомы соцветья,
Лепестки их желты, к свету тянутся жадно.
Грусть-печаль – с нею, видимо, встречу и смерть я –
Гложет сердце моё день и ночь беспощадно.

Распустились на ветках соцветья текомы,
Листья пышные зе́лены, с тёмным отливом.
Если б знал я судьбы безотрадной изломы,
Лучше б я не родился и был бы счастливым.

У овец вот уж головы стали большими[10],
На запруде трёх звёзд отраженье в мерёже[11].
Людям надобно есть, чтоб остаться живыми,
Только мало таких, кто насытиться может.

Какая трава не желтеет
(II, VIII, 10)

都人士之什

А есть ли травы те, что не желтеют?
Есть день ли без войны? Есть ли мужи,
Что защищать отчизну не умеют?
Страну всю обойди и расскажи.

А есть ли травы те, что не буреют?
И есть ли старый воин не бобыль?
Скорбим, вояки мы, нас не жалеют,
Не видим мы в себе людей – мы пыль.

Не злые тигры мы, не носороги,
Что в страхе держат весь звериный род.
Вояки мы и в кровь сбиваем ноги:
Не знает передышек наш поход.

Лиса вдали хвостом пушистым машет,
Мышкует, прячась в зарослях травы.
Скрипят гружёные повозки наши,
Кочуют меж морей, и с ними – мы.

III. БОЛЬШИЕ ОДЫ

III, I. Цикл Вэнь-ван

Вэнь-ван[1]

(III, I, 1)

大雅

1

Вэнь-ван в вышине, он владетель небесных палат,
Из высей сиянье струит светозарный Вэнь-ван.
Хоть Чжоу и древнее царство, но новый Мандат –
Жезл власти – на вечные веки ему Небом дан[2].
А что же сейчас, разве Чжоу не в славе земной!?
И что – Первопредка веленье не к нужному дню!?
Восходит Вэнь-ван и заходит лучистой звездой,
Всегда с Первопредком он рядом, как должно царю.

2

Усерден Вэнь-ван был, деянья его так мудры,
Величье его не подвластно грядущим годам.
На раннее Чжоу ниспосланы были дары,
И внукам Вэнь-вана достались они, и сынам.
Вэнь-вана потомки – и внуки его, и сыны –
Извечно жить вашему роду – корням и ветвям!
Служилые люди из Чжоу – опора страны,
На все времена слава громкая разве не Вам?!

3

Не тем разве слава, кто предан державе своей,
Кто свято чтит долг, пред правителем держит ответ!
И этих достойных и чистосердечных мужей
Могучее царство Вэнь-вана явило на свет.
На свет породило их Чжоу, взрастило и вот –
И гордость они, и опора чжоуским родам,
Людьми справедливыми полон чжоуский народ,
И их прямотой успокоен на Небе Вэнь-ван.

4

Вэнь-вана могуществу вечно сиять суждено,
Глубоким почтеньем и славою он утверждён.
Веление Неба величием озарено,
Для шанского царства[3] небесная воля – закон.
Как много сынов в царстве Шан, внуков тоже не счесть,
Припали к земле, будто в храме родном к алтарю:
Веленье Владыки для них – судьбоносная весть,
И Чжоу покорность они изъявили свою.

文王之什

5

И Чжоу покорность они изъявили свою,
Для них оказался не вечен Небесный Мандат.
Мужи, что проворней из иньцев[4], в угоду царю
В престольной Столице[5] уже возлиянья вершат.
Вершат, облачив в ритуальные платья себя
И иньский убор головной в украшеньях надев.

А верность царю своему? Вы же слуги царя!
Неужто живёте вы, память о предках презрев?!

6

Коль пращуров вы позабыли – лишились корней,
Теперь добродетели пестуйте, вырастет плод:
Чтоб Неба веленья исполнить, сплотитесь тесней,
И милость прольётся – обрящете много щедрот.

Пред тем, как утратила мощь свою иньская рать,
Была Инь угодна Владыке, но время прошло...
Всё рухнуло, надо всмотреться бы в Инь, чтоб понять,
Насколько Великий Мандат сохранить тяжело.

大雅

7

Дар Неба – Великий Мандат – удержать нелегко,
Смиренье храни, но не будь на деянья скупым.
Что есть справедливость, что есть вероломство и зло,
За что иньцам кара от Неба – поведай другим.
Пророчества Высшего Неба – велений венец,
Ни звуком, ни запахом не проявляют себя.
Прими ты Вэнь-вана великого за образец,
И стран мириады доверьем одарят тебя.

Великие светила

(III, I, 2)

1

Свет добродетели разлился по земле,
Блистает доблесть в высях, ясен небосклон.
Тяжёл труд Неба – дать избранника стране,
И трудно вану будет, севшему на трон.
Наследник Инь от Неба принял дар – престол,
Но не сберёг его, и власть другой обрёл[6].

文王之什

2

Дочь Жэнь[7] в семье у князя Чжи[8] второй была,
Из рода знатного она, что процветал.
Чтоб выйти замуж, в царство Чжоу прибыла.
В столице Чжоу совершили ритуал.
Союз Ван Цзи[9] с великой Жэнь скрепил венец,
Их добродетели – опора двух сердец.

3

Жэнь от любимого супруга понесла,
Их сын, их первенец для славных дел рождён.
Вэнь-ван оставил память – добрые дела,
Он был почтителен, заботлив и умён.
Владыке преданно служил и дал обет:
Лишь радость людям приносить, покой в жильё,
Вливать в державу неустанно счастья свет
И добродетелью одаривать её.

4

Взгляд Неба пристален, на царство обращён,
Вот беспристрастное свидетельство тому –
Когда Вэнь-ван взошёл торжественно на трон,
Оно уж пару уготовило ему
Меж брегом северным широкой Хэ[10] реки
И южным брегом Вэй[11], чьи воды глубоки.

大雅

5

Здесь царь Вэнь-ван, чья власть сильна, в рассвете сил,
Там дева царства, что величия полна.
Там дева царства, что величия полна,
Как Неба младшая сестра, чей облик мил.
Быть счастью прочному – рекут узоры звёзд,
У брега Вэй с невестой встреча ждёт его.
Соорудил чрез реку он из лодок мост,
Сиянье славы государя велико.

6

Дарует Небо на правление Мандат,
Вэнь-вану жалован он – мудрому царю.
Прошёл в столице Чжоу свадебный обряд –
Связал царь с девою из Шэнь[12] судьбу свою.
Уж дочерей был полон дом, и наконец
На свет явился долгожданный сын У-ван[13].
Ему поможет Небо – судеб всех творец –
Пойти походом, верховенство взять над Шан.

7

Взор не окинет иньских, шанских ратей тьму,
Мечами, копьями топорщатся они.
Полки несметные идут в край дикий Му[14],
Нам уготовить жаждут гибельные дни.
Но рядом он, Владыка – доблесть во плоти,
Ты все сомнения из сердца отпусти!

8

Бескрайна пустошь Му, ярится суховей.
На колесницах брызжет красками сандал,
Сильны-крепки четвёрки резвых лошадей,
Пред войском вождь Шан-фу[15] в величии предстал.
Пора орлу расправить крылья, ураган
Крыл взмахом взвихренный – от вражьих сил заслон:
По шанским полчищам нанёс удар У-ван,
К утру затихло всё, бой ратей завершён.

文王之什

Вьются плети тыквы

(III, I, 3)

大雅

1

Лианы тыкв змеятся, вызрели плоды,
Уже издревле обитает здесь наш люд –
С брегов Ду[16], Цзюй[17] и Ци[18] пришёл, на зов судьбы,
Правитель, князь Даньфу[19], давал указы тут:
Землянки строить, ниши рыть в местах сухих,
В ту пору не было ещё жилищ у них.

2

Однажды князь Даньфу, вещают старики,
Запряг коней, лишь солнца выкатился лик.
Поехал берегом он западной реки
И вскоре Ци-горы[20] подножия достиг.
С супругой Цзян[21] –
с кем мог сужденья разделять –
Для поселенья князь стал место выбирать.

3

Богата, Чжоу, и щедра земля твоя!
Здесь даже горькая трава сладка, как мёд.
Рядили долго, чинно, день не торопя,
Щит черепаший обожгли затем, и вот
Оракул молвил: здесь быть нашим алтарям,
На этом месте возводить жилища нам.

4

Князь расселял людей, успех в делах суля,
Собой являл для всех он бодрости пример.
Размежевать велел под пахоту поля
И огласил землевладения размер.
С восточных, с западных границ на Чжоу глянь –
Над всей страной Даньфу властительная длань.

5

Призвал к делам главу общественных работ
И стража нравов тут же к этому привлёк.
Велел закладывать дома и брать в расчёт,
Что надо строить по шнуру, не на глазок.
Каркас готов, набили меж досóк земли,
Трудясь с усердием, Храм Предков возвели.

6

Копают, грузят и ворочают – ух-ах,
Срубают, режут, тащат волоком – эх-пых,
Ссыпают, валят и трамбуют – бух-бум-бах,
Скоблят, счищают и ровняют – их-жах-жих,
Работа спорится, кипит, гремит – ать-ать...
Её и бою барабанов не догнать.

7

Ворота выстроили – им служить щитом,
Как велика дворцовых створов высота!

Ворота главные поставили потом,
В великолепии сверкают ворота.
Алтарь земной великий духам возведён,
К нему стекается народ со всех сторон.

8

Суров князь, в речи не влагал он слов хвальбы,
Спрос за дела неукоснителен и строг.
С корнями вырвали столетние дубы,
В чащобах просеки пробили для дорог.
Бежали *кунь*[22], как должно битому врагу,
Своё оружие бросая на бегу.

大雅

9

Закончен спор меж Юй и Жуй[23], мир воцарён,
Вэнь-ван, чья доблесть без границ,
всесильным стал.
Скажу, бывало, покорял внушеньем он,
Скажу, бывало, и влияньем подавлял,
Скажу, бывало, собирал всех за столом,
Скажу, бывало, всех на битву вёл с врагом.

Дубовая роща
(III, I, 4)

1
Торжественна пышность зелёных дубрав!
Готовят дрова, предают их огню.
Владыка-правитель красив, величав,
И справа и слева подходят к царю.

2
Осанист владыка, нет краше царей,
Подносят наполненный жертвенный ковш.
Плывёт по рукам он служилых людей,
Что долгу верны – тяжелейшей из нош.

文王之什

3
Стремят караваны ладей токи вод,
В них воины в латах, в чехлах лук тугой.
Правителя Чжоу ждёт дальний поход,
Шесть ратей на битву ведёт за собой.

4
Блестит Млечный путь, он дугою-мостом
Завис, украшая ночной небосвод.
Трон прочен давно под чжоуским царём,
Ужель не ему вдохновлять свой народ!

5

Устав безупречен царя, отгранён,
Как яшма и злато его свита вся,
Усердьем благим преисполненный он,
И стороны света под властью царя.

大雅

Подножие Ханьской горы[24]

(III, I, 5)

1

Взгляни на подножие Ханьской горы,
Терновник здесь густ и орешник здесь пышен.
Как добр государь наш, не скуп на дары,
Он молит о благе и радости свыше.

2

Изяществом блещет нефритовый ковш[25],
Вино из него льётся жёлтой рекою.
Как добр государь наш, степенен, пригож,
Для славы рождён под счастливой звездою.

文王之什

3

Там коршун парит высоко в небесах,
Там рыба ныряет в морские глубины.
Как добр государь наш, находчив в делах,
Да разве не будут с ним люди едины!

4

Уж чаши наполнены чистым вином,
Уж гонят быка рыжей масти к закланью…
Вот жертвенный дар завершён, и царём
Задобрены духи обильною данью.

5

Из рощи дубовой несут сухостой,
Растопкой из веток костёр разжигают.
Как добр государь наш, как ладен собой,
От духов награды его ожидают.

6

Густые лианы пустил виноград,
Ползут по ветвям, вьются, свежестью дышат.
Почтителен царь наш, на милость богат,
О благе моленья его духи слышат.

大雅

Почтительна циская Тай Жэнь[26]

(III, I, 6)

1

Была Тай Жэнь благоговения полна,
На свет явила достославного Вэнь-вана.
С любовью чтила Цзян чжоускую[27] – она
Жена достойная владыческого клана.
Тай Сы[28] прияла славу добрую в кровях,
Она продолжила род царский в сыновьях.

2

Вэнь-ван был верен делу пращуров-князей,
Не отягчал он духов горечью и гневом[29],
Скрывал печаль от них, унынье от людей,
Своей супруге он как муж служил примером.
Для братьев был в одном лице отец и мать
И наставлял, как надо царством управлять.

文王之什

3

Был во дворце приветлив, мягкостью пленял,
Но в Храме Предков – строг,
не вёл бесед со свитой.
То, что незримо было, вмиг распознавал,
Что не оформилось, уж было под защитой.

4

Хранил от бедствий, усмирял злосчастий шквал,
Весомы были, велики его успехи.
Ещё до слуха не дошло, а он уж знал,
Лишь зрел совет, а он уж видел в нём огрехи.

5

Все добродетели завещаны мужам,
А юным вверены пути для созиданья.
Не рушил древний человек наследства храм:
Что предки сделали – достойно почитанья.

大雅

思齊

О, Преславный!
(III, I, 7)

1

О, досточтимый, преславный Верховный Владыка,
Сверху взирает, слепит всевеличьем сиянья!
Веет покоем его чудотворное лико,
Ищет он тех, кто под гнётом нужды и страданья.
Чтили когда-то два царства в делах управленья[30]
Опыт отцов, но пришёл за расцветом упадок.
Вот и не лучше другие четыре владенья:[31]
Много в законах прорех, правит всем беспорядок.
Метит Верховный Владыка их вечным позором,
То, что в пример ими выбрано, он не приемлет.
Пристально смотрит на запад заботливым взором,
Здесь в поселение людям дарует он земли.

文王之什

2

К пахоте земли готовят, бурьян выдирают,
Там, где скопился сушняк, убирают завалы,
Поле приводят в порядок, приямки ровняют,
С краю сажают каштаны и роют каналы.
Поле затем расширяют, по новой границе
Дзелькву сажают, кусты тамарикса попутно,
Следом отводят участки – как то завершится,

Их окружают кудранией и горным тутом.
Как добродетель Владыки приспела! С испугу
Кинулись варвары в бегство, не видя дороги.
Небо тебе, государь, подарило супругу,
Небом вручённый Мандат стал щитом от тревоги.

3

Бросил на гору Владыка свой взгляд величавый,
Вырван терновник,
разверзся простор дивных далей –
Чащи прорежены, полнятся светом дубравы.
Царство Владыка воздвиг, дал ему государей:
Братьям – Тай Бо[32] и Ван Цзи –
мощь всевластья оставил.
Мудрый Ван Цзи! Для него верность племени свята,
В сердце своём он хранил золотое из правил:
Так же любить, как родителей, старшего брата.
Счастье своё укреплял вопреки злу и смутам,
Славы сияньем, почётом Ван Цзи был окутан.

大雅

4

Неба щедроты он принял; и влево и вправо –
Сила его на все стороны равновелика.
Мудрый Ван Цзи, он достоин небесного дара!
Должные меры вложил в его сердце Владыка,
Место отвёл в его Дэ чистоте и покою,
И обрела Дэ-обитель способность к прозренью,

А прозревая, не стала рассвет путать с тьмою:
Истина власти – в добре,
а не в склонности к мщенью.
Так, воцарившись над этой великой страною,
Верностью был награждён он, любовью людскою.
Время Вэнь-вана пришло, с ним – правленья заботы,
Дэ у него гармонично, сродни *циня* звукам.
Принял с покорностью он от Владыки щедроты,
И передал их потомкам – и детям, и внукам.

5

Высший Владыка напутствовал строго Вэнь-вана:
«Лютым не будь,
справедливым будь к простолюдинам,
Алчным не будь и распутным, крепи силу клана –
Коли ступил на стезю, устремляйся к вершинам».
Миские люди[33] явить отказались почтенье,
Выступить против великой державы посмели,
Вторглись в Жуань[34], наползли и на Гун[35] чёрной тенью,
Гневные чувства в груди у Вэнь-вана вскипели.
Вывел войска государь на священную битву,
Путь преградил вражьим силам, для них стал завесой.
Благо, что Чжоу ниспослано, он, как молитву,
Сердцем впитал и покой воцарил в Поднебесной.

6

В граде-столице воссел царь, изгнал он с позором
Полчища вражеских орд за пределы Жуани.

Горные выси прикрыли надёжным дозором
Царские рати – здесь наши холмы и курганы.
Больше не суйтесь сюда, хватит сил для отпора,
Из родников наших воду пить боле не смейте,
Наши источники это и наши озёра.
Ван заселил Сянь-равнину[36],
рёк людям: «Владейте!»

Циской горы плодородные южные склоны
Он под жилища отдал, рядом рощи и воды.
Ван всем уделам пример, как и Вана законы,
И государем назвали его все народы.

7

大雅

Мудрый Вэнь-ван не чурался Владыки совета:
«Дорого Дэ мне, должно быть оно просветлённым,
Чтоб приукрасить, не выгляди эхом стозвонным,
Для перемен не пытайся растягивать лето.
Встретишься с тем, что неведомо, что затемнённо,
Следуй завету Владыки во всём неуклонно».
Было, Владыка напутствовал Вана, как сына:
«Царства, что рядом с твоим, позови для совета,
Силы всех братьев своих собери воедино.
Лестницы, крючья для штурма возьми, арбалеты,
Башни осадные двинь с катапультами вместе
И по Чун-граду[37] ударь –
твой закон царской чести!»

8

Катим осадные башни неспешно, без клича
Стены Чун-града штурмуем, пошла заваруха…
Чунцев хватаем, пленим, *чунцы* – наша добыча,
Скор взмах ножа – отсекаем им левое ухо.
Небу приносим мы должную жертву в походе.
К нам все стекайтесь! сплотившись, мы неуязвимы!
И чужаки не нарушат покой в нашем роде.
Башни осадные мощны и неутомимы,
Стены Чун-града стоят неприступной скалою,
Пятиться нам ли? – лишь вверх по преграде отвесной,
И под лязг копий бьём орды победной рукою,
Чтобы нам впредь не перечил никто в Поднебесной!

文王之什

Духовная башня

(III, I, 8)

大雅

Духовную башню воздвигнуть намерился ван,
На шелковом свитке в размерах он вычертил план.
«Построим без спешки», – ван рёк, но духовный порыв
Людьми овладел, что явились на этот призыв.
Как дети доверились царскому замыслу все,
И дня не прошло – башня высится в полной красе.

Заходит достойнейший ван в сад духовных красот,
Вон там олениха к оленю доверчиво льнёт,
Их шерсть отливает в лучах, словно гладь позолот.
Здесь белые птицы скользят по зеркальности вод.
Вот вану открылся на пруд восхитительный вид,
Там плещутся рыбки, брызг веер свет дня серебрит.

Зубчатый узор перекладин – венец ремесла!
Гремят барабаны большие, бьют колокола.
Как ладны их громы! Так предкам хвалу воздают!
Торжествененой радости звуки над школой плывут.

Как ладны их громы! Так предкам хвалу воздают!
Торжествененой радости звуки над школой плывут.
Гремят барабаны из кож крокодилов – бум-бум,
Слепцы о геройстве и доблести песни поют.

Вступил У-ван в правленье Чжоу
(III, I, 9)

1

У-ван вступил в правленье Чжоу, славя
Величье предков, мудрость их царей.
На Небо вознеслись три государя[38],
У-ван в столице – царь наш, свет очей.

2

У-ван воссел на царский трон в столице
И доблесть предков по́днял до высот,
Веленьям Неба дал он проявиться –
Тем царской веры выстроил оплот.

文王之什

3

Он веру обратил в благоговенье,
Подвластным землям стал светилом он,
Радел и за сыновнее почтенье,
Увещевания облёк в закон.

4

Снискал он и любовь, и восхищенье,
И послушанье – вот людей ответ.
Радел он за сыновнее почтенье –
Тем славен, предков выполнил завет.

5

Во блеске он, грядущим поколеньям
У-ван – пример, державной власти стать,
И десять тысяч лет они с рожденья
Дары от Неба будут получать.

6

От Неба им дарованы щедроты,
К ним будут взоры царств обращены,
Они и благ, защиты и заботы
На сто веков не будут лишены.

大雅

Слава Вэнь-вану
(III, I, 10)

1

Вэнь-ван лучами славы озарён,
Во блеске власти дни его правленья.
Добился мира в Поднебесной он
И зрел величье своего свершенья.
О, как прекрасен наш Вэнь-ван!

2

Вэнь-ван веленьем Неба защищён,
Водил он рать в поход на север дикий.

2

Вэнь-ван веленьем Неба защищён,
Водил он рать в поход на север дикий.
Чун покорил мечом он и огнём,
У Фэн-реки[39] воздвигнул град великий.
О, как прекрасен наш Вэнь-ван!

3

Возвёл ван стены, рвом их окружил,
С брегами Фэн сроднил своё творенье.
Страстям дорогу к сердцу преградил,
И предкам воздавал как сын почтенье.
О, как прекрасен государь!

文王之什

4

Деяния царя вознесены
Стенами града Фэн, их мощью славной.
Четыре стороны сильны, дружны,
Великий ван – опора, жезл державный.
О, как прекрасен государь!

5

Потоки Фэн стремятся на восток,
Деянья Юя – вот где их исток.
Четыре стороны признали – равный
Закону высшему наш царь державный.
О, как прекрасен царь всеславный!

6

Возвёл в столице Хао школу он.
На юг и север дали убегают,
На запад и восток – со всех сторон
Покорность царству люди проявляют.
О, как прекрасен царь всесветлый!

7

Столице Хао быть? «Пусть прояснит
Гадание!» – указ царём был дан.
И рёк оракул – черепаший щит:
«Столицу может основать У-ван!»
О, как прекрасен наш У-ван!

大雅

8

Полна благоуханья Фэн-река –
Заслуга в том У-вана на века!
Он внукам замыслы свои открыл –
Усердное потомство окрылил.
О, как прекрасен наш У-ван!

III, II. Цикл Шэнминь

Рождение народа
(III, II, 1)

1

Древнего рода чжоуского кто основатель?
Ведает люд: Цзян Юань[1] – всех чжоусцев Праматерь!
Как же народа древнейшего шло сотворенье?
Прежде она совершила обряд очищенья,
Чтобы бесплодие Цзян стороной миновало.
В след Первопредка вступила она, задрожала,
Счастье предчувствуя; в душу ликующий лепет
Тут же проник, охватил её благостный трепет,
Радость зачатья наполнила сердца обитель.
Так Хоу Цзи[2] зародился – Великий правитель.

生民之什

2

Должное время пришло, родила Цзян ребёнка
Так же легко, как овца в травном поле ягнёнка:
Болей не ведая, и без потуг, и без муки.
Приняли плод – повитухи проворные руки.
Всех удивил так явившийся новорождённый,
Неравнодушным остался сам Предок Верховный.
Видно, откликнулись жертвы и жрец-прорицатель,
Коль так легко разрешилась младенцем Праматерь!

3

В утлый загон для скота положили младенца –
Грели коровы и овцы дитя-поселенца.
Был он оставлен в дремучем лесу на поляне –
Вышло уж так, там деревья рубили селяне.
Брошен он был на запруде, закованной льдами –
Птицы его укрывали своими крылами.
Птицы умчались за дальние горные пики,
Заголосил тут младенец, зашёлся он в крике.
Громок, протяжен был звук под небесным чертогом,
Ввысь он разнёсся и вширь, полетел по дорогам.

4

На четвереньках освоив секреты движенья,
Тут же смышлёность дитя проявил и уменье.
Вскоре он сам стал еду добывать, семенами
Поле засеял – и вот уж большими стручками
Густо усыпаны плети бобовых растений,
Риса рядки колосятся, а там в отдаленьи
Пышной стеною стоят конопля и пшеница,
Красит взор тыква – осенних угодий царица.

大雅

5

Чтоб все года урожайными были, кормили,
От Хоу Цзи люди дельный совет получили:
Землю очистить – все сорные травы с корнями
Выдернуть, только потом уж засеять хлебами.

Вот с каждым днём тяжелеет зерно, набухает,
Вот из него уж побег хохолком прорастает.
Всходы растут, всё длиннее зелёные стрелы,
Силу от влаги и солнца вбирают посевы.
Твёрдо зерно, в нём таится земной дух и горний,
В Тай дом нашёл Хоу Цзи и пустил рода корни.

6

Много он роздал семян, не устраивал торга:
Просо с двойчаткой-зерном, просо чёрное, сорго.
Щедро и белое просо раздаривал люду,
Чёрное просо, с двойчаткой-зерном спеет всюду,
Жнут и молотят его, в поле в груды ссыпают,
В просе любом недостатка селяне не чают.
Носят в охапках его на плечах и на спинах,
Часть урожая для жертв оставляют в кувшинах.

文王之什

7

Как подношенье для жертвы готовим? – трудами:
Сушим снопы мы, молотим их – топчем ногами,
После зерно шелушим, веем, пересыпаем,
В нескольких водах отобранный рис промываем.
Ставим котлы на огонь, варим рис – пар клубится,
Вес отмеряем, объём – тут нельзя ошибиться.
В жир добавляем полынь, чтоб еда была пряна,
Духу дорог преподносим мы в жертву барана.
Мясо коптим, запекаем на вертеле, жарим,
Пусть будет радостным будущий год – урожайным!

8

Вот и сготовлено мясо; обряд соблюдая,
Доу и *дэны*[3] наполнили мясом до края.
Густ аромат из сосудов с едой нескоромной,
Щедрою жертвой доволен наш Предок Верховный.
Благоуханий черёд Хоу Цзи сам составил,
Он положил и начало всех жертвенных правил.
Древний обычай нарушить никто не решился,
Он неизменным до нынешних дней сохранился.

大雅

生民

Придорожный тростник
(III, II, 2)

文王之什

1

Пышен тростник, где тропа пролегла вдоль реки,
Не потоптали бараны его и быки.
Стебель льнёт к стеблю, их корни переплетены,
А тростниковые листья густы и сочны́.
Старший и младший – два брата теперь у меня,
Не разлучайтесь, пусть крепкою будет семья!
Близится пир, постелили циновки, и брат
С братом уселись, им столики ставить спешат.

2

Гости сидят перед пиром с немым торжеством,
Сзади прислуга застыла с послушным лицом.
Вот и вино полилось; здравиц, тостов – река,
Чуть опустевшую чару вмиг полнит слуга.
Соусы к блюдам, салаты, напитки несут,
Мясо пекут на углях, ароматы плывут,
Рыбу к вину подают; кто уж шумен и пьян…
Песни над пиром взвились, загремел барабан.

3

Луки тугие, резные – с них сняты чехлы,
К каждому луку даются четыре стрелы –
Их выбирать поручают с утра мастерам.

Вот по достоинствам ставят стрелков по местам,
Луки в руках... кто заслужит потом похвалы?
Сбоку у гостя колчан, там четыре стрелы.
Пущены стрелы, чья – в цель, чья – в подножье холмов,
Только за промах никто не уколет стрелков.

4

Пира хозяин – преславных родителей сын,
Пир пребогат, здесь премного изысканных вин.
Черпают вина ковшами и шепчут под нос,
Как бы дожить без болезней до жёлтых волос[4],
Как бы без хвори дожить до пятнистой спины,
Чтоб миновали их беды и лихо войны,
Чтобы до старости дом был удачей согрет,
Чтобы великого счастья – на тысячи лет!

大雅

Хмельны мы пиршества вином

(III, II, 3)

1

Хмельны мы пиршества вином; как предки встарь,
Вкушаем яства, разносолы – стол богат.
Живи во здравии великий государь,
Пусть духи добрые тебя вовек хранят!

2

Хмельны мы пиршества вином; как предки встарь,
Вкушаем яства с пряным вкусом имбиря.
Живи во здравии великий государь,
Пусть пуще прежней слава ширится твоя!

3

Сиянье славы – лучезарный блеск с высот,
А в нём знамение достойного конца:
Вслед за кончиной возрождение грядёт –
Наместник мёртвых[5] весть принёс от Праотца.

4

文王之什

О чём же весть его? Послушайте, князья:
Красивы вазы, в кубках сладкое вино,
Среди помощников надёжные друзья,
Не вянет жертвоприношений торжество.

5

Течёт размеренно и строго торжество,
Яви сыновнее почтенье, государь,
Не истощится, не развеется оно,
И блага вечные сойдут на твой алтарь.

6

Какие блага для тебя? Благослови
В своих покоях тишину – царицу чар.

Наш государь, века во здравии живи,
Тебе достойное потомство будет в дар!

7

А что потомство ожидает впереди? –
От Неба милость! Да, услышится мольба:
Наш государь – наш свет, во здравии живи,
Счастливой будет пусть вовек твоя судьба!

8

Что, государь, тебе судьба преподнесёт?
Тебя одарит счастьем верная жена.
Тебя одарит счастьем верная жена,
В сынах и внуках продолжаться будет род!

大雅

Утки и чайки

(III, II, 4)

1

Утки, чайки над рекой, шум крыльев распростёртых,
Ныне к нам пожаловал на пир наместник мёртвых.
Вкус отменен вин прозрачных на пиру богатом,
Яств изысканных обилье с пряным ароматом.
Держит тост наместник мёртвых: всем добра, почёта,
Чтоб судьбою отмерялись радости без счёта.

2

Чайки с утками на отмель сели, стих их гомон,
На пиру – наместник мёртвых, он величья полон.
Вин прекрасных изобилье – белых и янтарных,
Рыбных блюд, мясных – избыток, нет по вкусу равных.
Держит тост наместник мёртвых, чару поднимает,
Неизбывного добра и счастья всем желает.

3

Чайки с утками на остров сели, стих их гомон,
На пиру – наместник мёртвых, он величья полон.
Брызги чистых вин блестят, как камни ожерелья,
Ломятся столы от яств, поёт-гудит веселье.
Держит тост наместник мёртвых, чару поднимает,
Счастья и добра навеки он гостям желает.

4

Чайки, утки на протоку сели, стих их гомон,
На пиру – наместник мёртвых, он величья полон.
В Храме Предков чинность бдит, вкушает подношенья,
И у Неба молит он гостям благословенья.
Держит тост наместник мёртвых, чару поднимает,
Счастья и достатка в доме он гостям желает.

5

Чайки с утками в ущелье сели, стих их гомон,
На пиру – наместник мёртвых, радости он полон.

Льётся, веселит вино – густое, колдовское,
Ароматы источает сочное жаркое.
Держит тост наместник мёртвых: мир и слава царству,
Пусть не будет в нём ненастья, горя и коварства!

Величествен и радостен
(III, II, 5)

大雅

Наш благородный муж осанист, величав,
Печать пресветлой добродетели на нём.
Приятен каждому и всем за добрый нрав,
Он тайной силою от Неба наделён.
Ему защита обеспечена судьбой,
С Небес ниспосланной верховною рукой.

Небес богатствами он щедро одарён,
Нельзя сынов его и внуков перечесть.
На вид прекрасен он и славой озарён,
Счастливый мудрый царь – благая люду весть.
Не ошибается и помнит дел черёд,
Во всём старинные законы он блюдёт.

Имеет строгий вид – вне суеты мирской,
Песнь добродетели торжественно-стройна,
Печаль со злом его обходят стороной,
Друзей подмога и сановников прочна.

В неиссякаемом потоке счастья он
И не позволит нанести стране урон.

Опора всем, обласкан он молвой людской,
Несёт содружеству земному мир, покой.
Сановник, князь ли, полководец ли, солдат
На Сына Неба с восхищением глядят.
Неутомим в делах, под ним устойчив трон,
Народ с ним радостью и счастьем окружён.

文王之什

Князь Лю[6]

(III, II, 6)

1

Наш Лю, пресветлый князь, неутомим,
Ни отдыха не знает он, ни сна,
Проведены межи, границы им.
Стоят амбары, полные зерна –
Его заслуга, впрок в мешки кладёт
В дорогу дальнюю кульки с едой.
Замыслил всех сплотить, прославить род:
«Должны быть луки, стрелы под рукой,
Берите копья и клевцы с собой!» –
И двинулся князь Лю в поход большой.

2

Наш Лю, пресветлый князь, неутомим,
Взор величавый бросил он на дол.
Народ, что поднял князь, предстал пред ним,
Все замерли, сам Лю речёт глагол!
Ни вздоха и ни возгласа – люд нем.
Поднялся князь на гору высоко,
В долину вновь спустился он затем.
На поясе что видно у него?
Сверкают самоцветы и нефрит,
А в ножнах золочёных меч лежит.

大雅

3

В трудах упорных счастье князь обрёл.
Где бьют истоки рек – сто родников,
Туда пришёл, ему открылся дол,
Пик южный одолел – приют орлов,
Оттуда холм-столицу он узрел,
Вокруг холма свободная земля,
И в том краю народ его осел.
Хватило всем – и путникам – жилья,
Покой полей сменил там шум людской,
И радость жизни потекла рекой.

4

Наш Лю, пресветлый князь, неутомим,
В своей столице он дворец воздвиг.

Почтенные мужи стоят пред ним,
Пришли на пир, радушьем князь велик.
Столы накрыл, позвал зайти мужей,
А слугам верным повелел кивком,
Свинью чтоб закололи для гостей,
Сосуды чтоб наполнили вином.
Вкушают гости яства, вина пьют,
Лю князя как царя, как предка чтут[7].

文王之什

5

Неутомим князь Лю в делах своих,
Размах владений княжеских широк,
Он по теням холма отмерил их,
Что стелются на запад и восток.
К истокам рек прошёл по их брегам.
Три легиона – это князя рать,
Он ей назначил, где в долинах встать,
Ввёл подати – довольствие войскам.
Он рассчитал движение светил,
Границы царства Бинь[8] определил.

6

В трудах упорных счастье князь обрёл,
Дом в Бинь построил, чтоб дела вершить:
Он переправу через Вэй возвёл,
Железо с камнем стал перевозить.
Общенье основал по нормам-*ли* –

Чтоб в сердце жили, а не вдалеке,
Он обуздал поток Хуан-реки[9],
Движенье вверх открыл по Го-реке[10].
Расставил вдоль своих границ силки –
Дозоры до излучин Жуй-реки[11].

大雅

Далеко берут воду
(III, II, 7)

Далеко берут воду в ручье под горой,
Принесите сюда той воды ключевой.
Будем яства готовить, гостей ожидать.
Государь полон милости, светел душой,
Благодетель народа, отец всем и мать.

Далеко берут воду в ручье под горой,
Принесите сюда той воды ключевой.
После пира омоем кувшины водой.
Государь полон милости, светел душой,
Он дарует народу приют и покой.

Далеко берут воду в ручье под горой,
Принесите сюда той воды ключевой.
Мы омоем ей утварь, как кончится пир.
Государь полон милости, светел душой,
Передышку дарует народу и мир.

Высокий холм стоит

(III, II, 8)

1

Высокий холм стоит, на нём следы веков –
Изрезан склон его дыханием ветров.
Наш царь преславный, ты даруешь счастье нам,
Приехал песни петь сюда – к своим князьям,
Дивит твой голос, не найти хвалебных слов.

文王之什

2

Пусть будет шумным пир, беседы веселей,
И в сердце пусть твоё вольют они елей.
Наш государь, богаты милости твои,
Пусть будут благостными царствованья дни,
И да уйдёшь-почишь, как прежние цари!

3

Твои угодья дичи, рыбы, птиц полны,
Поля обильны, широки, стада тучны́.
Наш государь, богаты милости твои,
Покоен будь, моленья духам возноси,
И да почтут тебя хозяином они!

4

Тебе дарован по веленью Неба трон,
Ты – мощь всевластная, застава и закон.

Наш государь, ты даришь милости свои,
Пусть будут благостными царствованья дни,
Пусть светом радости ты будешь окружён!

5

Твоя опора, государь – дружина-рать,
Вокруг сыновнее почтенье, благодать,
Всем по пути с тобой, ты – доблести венец.
Четыре сто́роны умеешь восхищать:
Юг, север, запад и восток – всем образец.

大雅

6

Достойный почестей, могуч, к добру открыт,
Ты справедлив и чист как скипетра нефрит[12].
Стяжал ты славу, дух взлелеял старины,
Наш царь, защитник наш, щедры твои дары,
Хранитель веры ты, устоев для страны.

7

Летят росистым утром фениксы четой,
Свистят их крылья, споря с вязкой тишиной,
И фениксов к пристанищу несут.
К тебе учёные мужи, властитель, льнут,
Приказы жаждут исполнять – лишь помани,
Любовь питают к Сыну Неба все они.

8

Летят росистым утром фениксы четой,
Свистят их крылья, споря с вязкой тишиной,
Птиц горделивых устремляя в небосвод.
К тебе, наш царь, мужей учёных племя льнёт,
Твои веленья исполнять спешат мужи,
Любовью к люду все проникнуты они.

9

То песня фениксов слышна издалека,
Её с холма приносят южные ветра.
Растёт утун там, возвышаясь над холмом,
Блестит листва его под солнечным лучом.
Из кроны дерева, где цвета торжество,
Струится в дол напев – созвучий волшебство.

文王之什

10

Вот боевые колесницы на подбор,
В войсках царя не счесть их, радуется взор.
Есть боевые кони – чёсаны хвосты,
Промчат сто вёрст, пока другие – три версты.
Расскажешь разве всё об этом – речь бледна,
Лишь песня выразит восторженность сполна!

Народ страждет
(III, II, 9)

大雅

1

Народ измотан, про покой забыл,
Пришла пора ему и отдохнуть.
Так будь же добр и будь же мил,
Прибавь Стране Срединной[13] сил,
Чтоб царствам рядом с нею мир вернуть.
Сумей распутников, лжецов изобличить,
Чтоб всех, затеявших злодейства, упредить.
Смири законами насильников, воров,
Кто и поныне не страшится царских слов.
Будь мягок с дальними, даруй и ближним счастье,
И да упрочится наш ван в священной власти.

2

Народ измотан, про покой забыл,
Пора ему бы и передохнуть.
Так будь же добр и будь же мил,
Прибавь Стране Срединной сил,
Чтоб был в неё для встреч распахнут путь.
Сумей распутников, лжецов изобличить,
Чтоб скандалистов и смутьянов упредить.
Смири законами насильников, воров,
Чтоб в горе горьком не клонил народ голов.
Не оставляй усилий, труд свой неустанный,
Тогда он вану принесёт покой желанный.

3

Народ измотан, про покой забыл,
Пора ему бы и чуть-чуть вздохнуть.
Так будь же добр и будь же мил,
Прибавь Столице этой сил,
Чтоб мир уделам, что вокруг, вернуть.
Сумей распутников, лжецов изобличить,
Чтоб всех людей, забывших меру, упредить.
Смири законами насильников, воров,
Не дай, чтоб выплеснулось зло из берегов.
Держись с достоинством,
будь строг, как подобает,
Чтоб те пришли, кто добродетель почитает!

4

Народ измотан, про покой забыл,
Пора бы дух ему перевести.
Так будь же добр и будь же мил,
Прибавь Стране Срединной сил,
Чтоб не была людская скорбь в чести.
Сумей распутников, лжецов изобличить,
Чтоб негодяев и злодеев упредить.
Смири законами насильников, воров,
Не дай погибнуть прямоте в плену оков.
Хотя слуга ты, всё же замыслы серьёзны –
Твои дела и велики, и грандиозны.

5

Народ измотан, про покой забыл,
Пора бы людям передышку взять,
Так будь же добр и будь же мил,
Прибавь Стране Срединной сил,
Чтоб царству от набегов устоять.
Сумей распутников, лжецов изобличить,
Чтоб лебезящих блюдолизов упредить.
Смири законами насильников, воров,
Не дай скривиться прямоте в руках глупцов.
Тебя желает совершенным сделать ван –
Таким как яшма, следуй праведным словам.

大雅

От нас отвернулся Верховный Владыка
(III, II, 10)

1

От нас отвернулся Верховный Владыка,
Страдает народ, скорбь – на тысячи *ли*.
Кривы, царь, поступки твои, речь безлика
И замыслы все недалёки твои.
Затёрли мудрейших, сломали опоры
И искренность выгнали вон – за порог,
Расчёты неясные, сеются вздоры,
Да разве могу я скрыть горький упрёк!

2

Когда Небо в гневе, шлёт беды, мученья,
Нельзя пить вино, позволять разум красть.
Когда Небо горести шлёт, потрясенья,
Не может беспечной быть, ветреной власть.
Вот если бы, царь, слово к дружбе взывало,
Тогда бы согласьем сплочён был народ,
И если бы радости слово вселяло,
То в душах людских растопился бы лёд.

文王之什

3

Пусть разные службы у нас, но что в этом?
С тобой сослуживцев мы полним ряды.
Явился к тебе во дворец я с советом,

Меня же с презрением слушаешь ты.
Тебе говорю всё как есть и что будет,
Кривишься в ответ, как от скрипа телег.
Давно уж известно, подметили люди:
«Поможет, подскажет простой человек».

4

Когда Небо бедствия шлёт, над страною –
Погибели меч, веселиться ль царю?!
Я искренен, я убелён сединою,
«Ты молод, заносчив», – тебе говорю.
Не думай, слова старика – не брюзжанье,
Печаль обратил ты в забаву, кутёж.
Когда полыхнёт всё, напрасно старанье:
Лекарства не сыщешь, страну не спасёшь.

大雅

5

Коль Небо сердито, негоже приманки
Из лести готовить, сквернить дух отцов,
Достоинства гибнут, стираются ранги,
И добрые люди – что сонм мертвецов.
Задавлен народ, полон злобы и мести,
Не смеем сказать, кто несчастия ткёт.
Кругом смерть и подкуп, хаóс и бесчестье,
Нет сил отогреть и утешить народ.

6

Как Небо нас учит, чтоб сгинула смута? –

Так флейта созвучно свирели поёт,
Так жезл из яшмы слагают, так будто
Родитель, взяв за руку, чадо ведёт.
Ведёт, что добавишь? Спасибо за милость,
Народ просвещает – как счастье прими.
И так слишком много пороков скопилось,
Негоже свои выставлять пред людьми.

7

Все слуги – ограда и слева, и справа,
Войска как стена – сдержат натиск толпы.
А сильные княжества – это застава[14],
Роды именитые – это столпы.
Несёт добродетель умиротворенье,
Сородичи – это столица, твой град.
Свой город не смей доводить до крушенья,
Не смей отворять перед страхами врат.

8

Храни к гневу Неба святое почтенье,
Своим развлечениям не потакай,
Изменчиво, помни, его настроенье,
Ты игрищам воли большой не давай.
Великое Небо – великая Сила,
Повсюду отыщет, судьбу предрешит.
Великое Небо – луч ясный светила,
Куда б ни пошёл ты, повсюду узрит.

III, III. Цикл Дан

О, колеблющий шири!
(III, III, 1)

大雅

1

О, колеблющий шири Верховный Владыка,
Все народы под ним, власти в нём торжество!
Зол он, страшен, как эхо звериного рыка,
Много ярости, гнева в веленьях его.
Небо сонмы людей по земле разбросало,
От велений его снисхожденья не жди.
Нет таких, кто бы жил, не имея начала,
До конца же доходят счастливцы одни.

2

«Горе, горе! – воскликнул Вэнь-ван, – О, несчастье!
Зыбкий путь и опасный избрал ты Инь-Шан!
Вот они – при деньгах, при чинах и при власти,
Вот они – там роятся, где злата дурман,
Вот они – лижут трон, ядовито их жало,
Вот они – кто хорош, да для дела не гож.
Небо в царство безумцев тебе ниспослало,
Ты ж их славишь и чтишь, силу им придаёшь».

3

«Горе, горе! Нет, это не вздорные толки,
Ты, Инь-Шан, безрассуден! – воскликнул Вэнь-ван, –

У тебя под рукой, кто радеет о долге,
А во власти чины сеют рознь да обман.
И оружием служит облыжное слово,
Грабежи и вблизи, и вдали от дворца.
Судят здесь ни за что, там карают сурово,
Ни начала тому не найти, ни конца».

4

«Горе в царство явилось злодеем всесильным!
Ты, Инь-Шан, безрассуден! – воскликнул Вэнь-ван, –
Бранный рык твой несётся
по царствам Срединным,
Добродетелью стали жестокость, обман.
Без сияния доблесть твоя – истощилась,
Нет ни сзади опор у тебя, ни с боков.
Твоя доблесть угасла, утратил ты милость,
Ни советников рядом, ни умных чинов».

蕩之什

5

«Горе, горе! – воскликнул Вэнь-ван, – Всё постыло,
Ты обрушил на царство, Инь-Шан, зла поток.
Нет, не Небо к разгулам тебя пристрастило,
Ты за теми идёшь, кто попрал честь и долг.
Воз ошибок плодишь, указания – дики,
Мрак тебе заменяет сиянье светил.
Заглушают всё громкие вопли и крики,
До чего ж ты дошёл – в ночи дни обратил».

6

«Горе, горе! – воскликнул Вэнь-ван, – Все уклады
Ты презрел, царь Инь-Шан, всё погрязло во зле!
Шум и гам – так немолчно стрекочут цикады,
Всё бурлит, как похлёбка в огромном котле.
И большое и малое – в топях глубинных
Схоронил ты, но следуешь тем же путём.
Ненавистен стал всем ты – и в царствах Срединных,
И на варварских землях[1] тебя ждут с мечом».

大雅

7

«Горе, горе! – воскликнул Вэнь-ван, – Ты виновный,
Царь Инь-Шан, что спокойствия все лишены.
А безвременье шлёт не Владыка Верховный:
Не внимает заветам седой старины
Царство Инь; и хоть нет в нём мужей совершенных,
Память в Шан о древнейших законах жива.
Ты ж забвенью предáл своды правил священных,
И готова великая рухнуть судьба[2]».

8

«Горе, горе! Несчастье!– воскликнул Вэнь-ван, –
Зыбкий путь и опасный избрал ты, Инь-Шан!
На слуху поговорка с такими словами:
– Если рухнуло древо, лежит вверх корнями,
  А листва зелена, ветви не повредились,
  Прежде, стало быть, корни его подломились.
Есть для Инь и примеры, как править нельзя:
То последние годы династии Ся[3]».

Строгость манер
(III, III, 2)

1

Строгость манер и суровый значительный вид –
Признаки доблести, но не всегда это так.
Память людская прочна, поговорку хранит:
– Коль есть мудрец, то найдётся всегда и дурак.
Глупость, однако, уж если дана простаку –
Этот порок не исправит ни слово, ни плеть.
Мудрого глупость – навек погрузиться в тоску,
Душу свою на тяжёлый засов запереть.

2

Нет Человека сильнее, к нему и взывай,
Делать иное все царства считают тщетой.
Ты добродетели поступь почувствовать дай,
Тут же послушно и царства пойдут за тобой.
Планы достойные строй – Небо выправит путь,
Да и со временем замыслы соотнеси.
К внешнему виду, манерам внимательным будь,
Станешь примером народам вдали и вблизи.

蕩之什

3

Ныне же рухнуло царство, страх мысли сковал,
Смута свирепствует, голод, кто верует в нас?
Напрочь свои добродетели ты растерял,

Род свой позоришь, в похмельном угаре погряз.
В омут утех ненасытных нырнул с головой,
Нет за спиною приемников, как ты бесстыж!
Преждерождённые ваны забыты тобой,
Мудрость великую светлых законов не чтишь.

4

Небо отринуло нас, дух во мрак заточён,
Мы как родник тот, слабеющий день ото дня:
Лишь истощится исток, канем в бездне времён.
Позже ложись, а вставай – лишь забрезжит заря.
Двор поливай, подметай, на боку не лежи,
Сделай дарами деянья свои для людей,
Копья, клевцы, луки, стрелы в порядке держи,
И колесницы, и упряжь, и резвых коней.
Планы врагов упреждай, да не дрогнет пусть длань –
Долг исполняя, наотмашь рази южных *мань*[4].

大雅

5

Будь для народа опорой, от бед огради,
Помни, указы – нить пряжи в умелых руках.
Милость не вечна – коварства, предательства жди,
Будь осмотрительным, сдержанным, точным в словах.
Вид и манеры блюди, отвергай лень и ложь,
Так одобренье и благоговенье пожнёшь.
Если изъян портит белую яшму жезла,

Мастер шлифовкой ей блеск первозданный вернёт,
Если же в слово, что молвил, ошибка вползла,
Слово уже не вернуть, как и вёсен черёд.

6

Слово всесильно – людей за собою ведёт.
Не говори льстивых фраз и слова почитай,
Кто за язык тебя тянет? – слова любят счёт,
Не тараторь и на ветер слова не бросай.
Верно, что каждому слову найдётся ответ,
И добродетели без воздаяния нет.
Щедрым на милость к друзьям будь и в меру суров,
С простолюдинами будь, как с детьми, и твой род
В правнуках, внуках продлится на веки веков,
Дело твоё, что вершил ты, продолжит народ.

7

Видно, как ты с благородными дружбу ведёшь,
Кроток и мягок твой взор, голос властен, но тих.
Ты отвергаешь в общении подлость и ложь,
Будь и таким же смиренным в покоях своих.
Даже один оставаясь в укромном углу,
Не говори, что не виден ты здесь никому,
Что с одиночеством тут породнён навсегда.
Светлые духи бывают в палатах земных,
Ты ж, не предвидя, что явятся духи сюда,
Разве не вызовешь тем отвращения в них?!

8

Ты воплощением доблести будь, государь,
К добрым поступкам взывай, утверждай красоту.
Будь целомудренным, чутким, чти предков алтарь
И соблюдай этикет – ты на важном посту.
Не преступай, не гнети, будь державным отцом,
Разве не станешь тогда, государь, образцом?
Персик тебе принесут, не смотри свысока,
Сливой в ответ одари, будь на милости скор.
Если же ты у безрогого ищешь рога,
Тот лишь несчастья притянешь, посеешь раздор.

大雅

9

Если гибка ветвь, упруга, умелой рукой
Можно концы её шёлковой нитью связать.
Кто отличается скромностью и добротой,
Тем благородства и доблести не занимать.
Тот, кто мудрец, сеет радость и дарит тепло,
Слову безмолвно внимает он, и у него
Будет веление доблести дел всех творцом.
Тот, кто глупец, рассуждает, как знающий всё,
Он и отринет тебя, как ударит хлыстом,
Ведь в Поднебесной у каждого сердце своё.

10

Сын мой! Послушай! Ты ныне не знаешь ещё,
Не разобрался, что плохо, а что хорошо.

Я как отец тебя за руку крепко возьму
И поведу за собой через хлад и жару.
Буду не только тебя обучать я всему,
Но если надо, и уши тебе надеру.
Мол, непостижно, ты скажешь, лукавя душой,
Но и тебе ведь пришлось сына нежить и бить.
Правило мёртво, коль люд не идёт за тобой:
«Утром постигнуть, а к вечеру уж сотворить».

11

Небо сияет, а я же по жизни иду
Мукой унынья томимый, под спудом обид.
С болью смотрю я, что ты – в полусонном бреду,
Сердце моё острым жалом кручина язвит.
Я обучаю тебя, твои ж думы вдали –
С пренебрежением слушаешь речи мои.
Я не Учитель тебе – истязатель я твой,
Мыслить взываю, а ты размышлять не привык.
Мол, непостижно, ты молвишь, лукавя душой,
Кто ж ты тогда?! Как не скажешь,
что дряхлый старик.

12

Сын мой! Пусть гордость тебе не затмит свет очам!
Истины я говорю, не красуюсь умом,
Внемли советам, прислушайся к мудрым речам,
И сожалеть не придётся тогда ни о чём.

Небо шлёт горе, лишенья – выносит вердикт:
«Царство порушено, царству погибель грозит!»
Рядом примеры тому – не за две-три версты,
Небо ошибок не делает, знай наперёд.
Кривдой покроешь свои добродетели ты
И неизбежно в страдания ввергнешь народ.

大雅

Раскидистая шелковица
(III, III, 3)

1

Раскидиста, роскошна шелковица,
Дарует тень, спасительный уют.
Сорви листву – и древо оголится,
Под ним прохлады люди не найдут.
Душа моя в капкане мук поникла,
На растерзанье брошена лжецам.
О, Небо, ты всесильно и вели́ко!
Ужель не будешь милосердно к нам?

2

Летят четвёрки лошадей, над ними –
Знамёна боевые со змеёй.
Растёт хао́с, поля стоят пустыми,
Царств не сыскать, где правил бы покой.

Среди людей уж нет черноволосых[5],
И зло истёрло всё в ничтожный прах.
Печаль в восходе дня, в вечерних росах,
От гибели Отчизна в двух шагах.

3

И ближе, ближе к бешеной стремнине –
Там смерть… не помогает Небо нам.
Мы не нашли пристанища поныне,
Сумеем ли приткнуться к берегам?
Коль благородные мы в самом деле,
Коль не знавал враждебности наш род,
Кто ж приготовил этой злобы зелье,
Что души разъедает и гнетёт?

4

Как больно сердцу, не унять кручину,
Молюсь о доме, руки простерев.
Родился я в недобрую годину,
Коль Неба встретил жесточайший гнев.
От запада к востоку – путь исканий
Прошёл, не повстречав весёлых лиц.
Я много видел горя и страданий –
Ранимей те, что у родных границ.

5

Ты строишь планы, вкладываешь душу,

Что ж смута вширь, куда ни погляжу?
Как сглаживать печаль – меня послушай,
Как ранги выправлять – я подскажу.
Есть те, кто раскалённое хватает,
Другие – прежде в воду окунут.
Как добродетели растить, кто чает,
Коль в царстве оскорблён служилый люд?

6

Как будто бы от вихря дуновенья
Дыханье потерял ты, дать взаймы?
Есть средь народа те, кто полон рвенья,
Цедить их нудят: «Не сумеем мы!»
Работать на земле самозабвенно –
Вот их любовь, ей силы отдают.
Им и посев, и жатва – вот что ценно,
Они взамен оклада – вот что чтут.

大雅

7

Шлёт Небо смерть, а у царя в хоромах
Живёт смятенье – в нём опоры нет.
Ниспосылает Небо насекомых,
Они наносят урожаю вред.
Срединная Страна от горя стонет,
В разрухе всё, куда ни погляди.
Народ не трудится, народ – в загоне,
По небосводу не сверяет дни.

8

Коль милостива власть – на государя
Народ взирает, долг чтит и закон,
А царь дела вершит, душе внимая,
С подручных строго взыскивает он.
Коль царские поступки неразумны,
Царя дары волнуют да почёт,
И только о нутре своём все думы –
Тогда дичает, буйствует народ.

9

Взгляни на лес: олени там веками
Гуляют парами, траву жуют.
Здесь же друзья себя порочат сами,
Другим добром платить – им тяжкий труд.
Как водится, в народе молвят так:
«Куда не ступишь – яма да овраг!»

10

Вот совершенномудрый – свет во взгляде,
Слова его пронзают сотни *ли*.
Вот глупый человек – блаженства ради
Безумствам предаётся до зари.
Я ж не могу не говорить, хоть страх
Тревогою застыл в моих глазах!

11

Вот добрый человек и не беспечный,

И всё ж его на службу не берут.
А этот чванства полон, бессердечный,
Ему потворствуют, чины дают.
Народ на перепутье, смуте рад,
Стал для него пристрастьем кривды яд.

12

Своя дорога у большого ветра,
По долам веет, нет ему препон.
Вот добрый человек: его примета –
В своих делах долинам впору он.
Кто не идёт по этому пути,
Валяется в пороках, как в грязи.

大雅

13

Большому ветру выстлана дорога,
Друзей, как кость швыряет алчный псу.
Ты, царь, меня б послушал хоть немного,
А так, я будто пьян и бред несу.
К себе не призываешь добрый люд,
Мне чувства ярости и гнева душу рвут.

14

Мой властный друг, меня снедает мука,
О чём вещаю – знаю, скорбью сыт.
Моё прицельно слово – так из лука
Стрелой сбивают мошку, что жужжит.

Тебя спасая, истощаюсь я,
Встречают же презрением меня.

15

Народ утратил чувство меры – это
Искусных захребетников дела.
Народ – без благ, и горше нет ответа,
Что участь лучшую сожгли дотла.
Толкают на бесчестный путь людей
Чинуши – зло их цепко, как репей.

16

Народ покой утратил, виновата
Чинуш-воров несметная орда.
Жульё вопит: «Вы что?!
Их честность свята!»
И торг ведут келейный без стыда.
Хоть Ты мне скажешь:
«Я при чём тут? Кыш!»
Но это песня о Тебе! Услышь!

桑柔

大雅

Млечный путь
(III, III, 4)

1

Млечный путь – Юнь-река[6],
не пристать к берегам,
Светлой лентой легла на ночной небосклон.
Царь воскликнул: «Увы! Горе тяжкое нам!
В чём виновен народ и за что не прощён?
Небо шлёт испытания – смуту и мор,
Недород, муки, голод со скорбной слезой.
Духа нет – мне не могут поставить в укор –
Чтобы не был одарен он жертвой большой.
Яшмы нет, поиссякла царёва казна,
Неужели не слышат меня Небеса?!

2

Беспощадная засуха, как ты страшна,
Опустился на землю сжигающий зной,
Жертвы я возношу неустанно, сполна,
Во дворце, в храмах Небо молю всей душой.
Жертвы Небу с Землёй воздаём, духов чтим
Передышек не ведая в дней череде,
И не в силах помочь Хоу Цзи нам в беде,
И Верховный Владыка не слышен, незрим.
Так зачем же бросать всех в пучину огня,
Лучше б карам подвергли не люд, а меня.

3

Беспощадная сушь снизошла роком злым,
Не повергнуть её ни копьём, ни мечом.
Ужас всех охватил, мы трепещем, дрожим,
Будто нас поразил огнедышащий гром.
Что с народом твоим стало, Чжоу? – исчез
В бездне тьмы? Здесь калек-то едва ли найдёшь!
О, Верховный Владыка Великих Небес,
Я для царского трона неужто негож?
Как же страх за людей не склонит мне главу,
Если предков доверие к ним подорву!

4

Беспощадная сушь снизошла роком злым,
Не унять, не поставить заслон на пути.
Зной палящий, огонь ненасытный и дым,
Мест, где можно укрыться бы, нам не найти.
И куда ни взгляну, вижу смерть средь зыбей –
Лик зловещий великой судьбы, горе мне!
Нет поддержки и помощи мне от князей,
С кем когда-то держали мы правду в стране.
Предки наши, отец мой и мать, что ж меня
Вдруг оставили вы, это ж ваша земля?

5

Беспощадная засуха – злобы раба,
Горы голы, вода в глубь расщелин ушла.

Демон засух терзает народ – демон Ба,
В пепел всё превращает, сжигает дотла.
Душу мне измотал, истомил суховей,
Сердце боль разрывает, оно как в огне,
Нет поддержки и помощи мне от князей,
С кем когда-то держали мы правду в стране.
О, Верховный Владыка Великих Небес,
А не лучше ль ответить за всё только мне?

6

Беспощадная засуха, как ты страшна,
Я стараюсь, погибель боюсь повстречать.
Мне за что наказанье, моя в чём вина?
Я причины страданий не в силах понять.
Был бы год урожайным, об этом молю,
Жертвы я возношу – помню предков наказ.
О, Верховный Владыка Небес! Почему
Ты оставил в дни горя заботу о нас?
Светлых духов мы чтим, крепь святынь родовых,
Не должно быть укора и гнева от них.

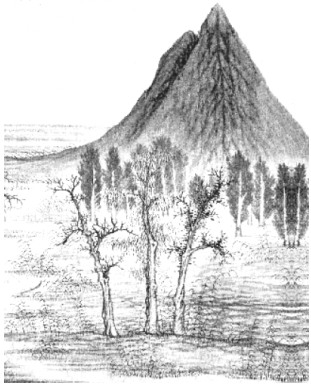
7

Беспощадная засуха, как ты страшна,
Всё порушено, пали устои в стране,
В думах скорбных советники, нет у них сна,
И глава над чинами твердит: «Тяжко мне!»
Опечален конюший, наставник понур,

Левый кравчий и правый – под гнётом тоски,
Каждый хочет помочь, хоть серьёзен и хмур,
Все способны они, как надёжа крепки́.
На Великое Небо с мольбою смотрю,
Неужели навек беды в нашем краю?!

8

Поднимаю свой горестный взор к Небесам,
Вижу россыпи звёзд – это к зною опять.
И сановникам и благородным мужам
Не хватило стараний несчастья прогнать.
Всё конец предвещает великой судьбе,
Но свой труд не бросайте, безрадостно пусть!
И радею я разве сейчас о себе?
Помощь всем оказать я с усердием тщусь.
Поднимаю свой горестный взор к Небесам,
Да когда ж снизойдёт благоденствие к нам?»



Велики священные горы
(III, III, 5)

大雅

1

Священные горы величье хранят,
Вершины их красит багряный закат,
С них духи в долины предгорий сошли,
Роды Фу и Шэнь[7] породили они.
Роды Фу и Шэнь – нет надёжней границ,
Для Чжоу – опора, как крылья для птиц,
Для царств – что застава на все времена,
В пределах сторон четырёх – как стена.

2

Шэнь-бо неустанен, для люда он – щит,
Наследуя вану, Шэнь дело вершит.
Воссел в граде Се[8] славить княжеский дом
И быть Южным царствам примером во всём.
Для Шао[9] издал ван указ в тот же день:
Воздвигнуть, не медля, палаты для Шэнь!
Край Южный в деяниях Шэнь не зачах,
Потомки о нём будут помнить в веках.

3

Велениям вана внял Шэнь: быть во всём
Для княжеств у южных границ образцом,
Чтоб люди из Се, откликаясь на зов,

Вкруг града воздвигли бы стены и ров.
Ван князю из Шао велел указать:
С земель князя Шэнь надо подати брать.
И домоправителю ван повелел,
Чтоб челяди сонм князя Шэнь в Се осел.

4

Шэнь-князя деяньям не дали пропасть,
Заботы Шэнь-князя приял Шао-князь:
Он грозные башни в порядок привёл,
Воздвиг Предков Храм и построил жильё.
Се-град стал пригож как душистый розан.
Подарок Шэнь-князю пожаловал ван –
Четвёрку выносливых сильных коней,
Их бляхи слепят взоры блеском огней.

5

Сбирает ван в путь князя Шэнь, нет быстрей
Его колесницы с четвёркой коней:
– Где лучше тебя поселить, думал я,
На южных границах, Шэнь-бо, есть земля.
Вот яшмовый жезл – знак власти князей,
Он будет печатью и силой твоей.
К дядьям царским едешь на долгие дни,
Ты южные земли надёжно храни!

6

Две ночи Шэнь-князь простоял, день настал

В честь князя прощальный обед в Мэй[10] ван дал.
Зовёт юг далёкий Шэнь-князя к себе,
Он с лёгкой душою направился в Се.
Меж тем ван велел Шао-князю не ждать
И подати в Се для Шэнь-князя собрать,
Зерном и едой обеспечить поход –
В неблизком пути будет меньше хлопот.

大雅

7

Отважный воинственный Шэнь в Се вступил,
Торжественной радостью град озарил.
За Шэнь – хвост возничих и преданных слуг,
Ликует, веселием полнится юг:
– Опора в воинстве таком, крепкий щит,
Да разве Шэнь-бо – князь наш – не знаменит!
По матери дядя правителю он,
Для мира и войн – образец и закон!

8

Шэнь доблестен, как подобает князьям,
Он милостив к людям, он мягок и прям.
В уделах страны Шэнь порядок навёл,
Указы его слышат горы и дол.
Сложил и пропел эту песню Цзифу,
Биением сердца озвучил строфу,
Чтоб Шэнь был напевом её окружён.
Слова песни му́дры для многих времён.

Род людской
(III, III, 6)

1

Был велемощным Небом род людской рождён,
Природу жаловало роду и закон.
Блюдут народы строго нравы, искони
В веках шлифуют добродетели свои.
Взирает Небо на царя, Чжоуский дом,
Ласкает ширь земли живительным лучом.
Чтоб Сына Неба оградить от мук и бед,
Оно явило Чжун Шаньфу[11] на белый свет.

2

Три добродетели всего чтил Чжун Шаньфу:
Закону преданность, душевность, красоту.
К манерам, платью, выражению лица
Он был внимателен, как сын к словам отца.
Впитавши сердцем древность, выбрал путь прямой,
Он возмужал, авторитет усилил свой.
Шаньфу покорным Сыну Неба был во всём,
Его веленья оглашал, был истов в том.

蕩之什

3

Наказы ван давал Шаньфу: «В дела вникай,
Владений главам образец собой являй
И предков дух военной доблести храни,
Опора ты, защитник ты родной земли.

Да волю Нашу доводи: везде, кругом
Будь Нашим голосом всезвучным, языком,
Вещай о нормах, что блюдут в родном краю,
Четыре стороны пусть слышат речь твою!»

4

Указы вана не под силу преступить,
Их претворял Шаньфу, сплетая судеб нить.
А коль скрывало непокорность царство, вмиг
Ниспосылался Чжун Шаньфу прозренья лик.
Он был умён, дыханьем добрых сил согрет,
Того хватало и себя спасать от бед.
Не знавший отдыха, покой изгнавши прочь,
Служил Единственному[12] он и день, и ночь.

大雅

5

Есть поговорка у людей, так говорят:
«Коль что-то мягкое, то это и едят.
Попалось твёрдое – выплёвывают», – так
Шаньфу не делал, вымерял он каждый шаг.
Не есть мог мягкое, пусть тело голод жёг,
И не выплёвывать, что твёрдое, он мог.
Ни бобылей не обижал Шаньфу, ни вдов,
Умел сильнейшим дать отпор без лишних слов.

6

Есть поговорка, пережившая века:

«Ведь добродетель, как лебяжий пух легка,
Её ж поднять не каждый может из людей».
Хоть мы готовы устремляться жадно к ней,
Задача ж эта по плечу лишь Чжун Шаньфу,
В её решеньи не поможем мы ему.
Коль в княжьем платье есть прорехи[13], то иглой
Их залатает лишь Шаньфу, никто другой.

7

Доро́ги духам жертвы Чжун Шаньфу принёс,
По ней четвёрки мчатся, пыль из-под колёс.
Шагают воины порядком боевым,
И каждый думает, вернётся ли живым?
Без понукания коней четвёрки мчат,
На них луани-колокольчики звенят.
Ван повелел: «Ветра приносят вести мне –
Град возведи, Шаньфу, в восточной стороне!»

蕩之什

8

Сильны четвёрки лошадей, их шагу в лад
На сбруе восемь колокольчиков звенят.
Шаньфу направил стопы в Ци[14], свершений полн,
О, хорошо бы, чтоб скорей вернулся он.
Из сердца льётся песнь Цзифу – она легка,
Спокойна, словно дуновенье ветерка.
Пусть в Чжун Шаньфу она хранится сто веков
И утешает душу музыкою слов.

Ханьское величие

(III, III, 7)

大雅

1

У Лянских гор[15] не счесть вершин крутых,
Воздвигнул Юй на этом месте их.
Отсюда начат путь – свершений вязь,
И здесь веленье принял Ханьский князь[16].
«Наследуй, – Ван торжественно изрёк, –
Победы, доблесть предков – твой исток.
Мои приказы выполняй точь-в-точь,
Трудами только мерь и день и ночь.
Блюди уставы на посту своём
И власть удержишь, данную Царём[17].
Кто двор отверг, тех отыщи, тебя
Поставлю в ранг советника Царя».

2

Несётся вскачь четвёрка жеребцов,
Могучи кони, громок стук подков.
Князь Ханьский жаждет встретиться с Царём,
Заставы отпирает он жезлом.
Вот предстаёт пред Ваном Ханьский князь,
Среди даров Царя стоит, склонясь:
Значки, знамёна, вымпелы несут,
Верх экипажа и резной хомут,
Халат и туфли с отблеском огня,

Налобник и нагрудник для коня,
И шкуру тигра, сумку для кнута,
Из кожи вожжи, кольца хомута.

3

Воздав доро́ги духам жертвы, князь
Сбирается в поход, не торопясь.
Сяньфу[18] же на прощанье за столом
Его со свитой потчует вином.
Что подают к вину? – Как на пирах:
Речную рыбу, мясо черепах.
Какая зелень к ним? – Всегда свежа:
Шпинат, ростки бамбука, камыша.
Что жалует он князю из даров? –
Четвёрку чистокровных жеребцов
Да колесницу. Пир сей удался!
И радостны прибывшие князья.

4

Князь Хань решил: достойная жена
Племянница Фэнь-вана[19] и она
Гуйфу[20] родная дочь в расцвете лет.
К ней и направил Ханьский князь свой след,
С ним сотня колесниц; кортеж уж княжий ждут:
У врат двора Гуйфу собрался люд.
Вот появились…, бубенцы звенят…,
Сиянье колесниц глаза слепят!

Невеста вышла, шелестят шелка,
Сестрицы вслед плывут, как облака,
Прелестницы, все словно на подбор.
Восторжен князь, наполнен блеском двор.

5

Гуйфу отвага – выше всех похвал,
Нет царства, где бы он ни побывал.
Искал он мужа для Хань Цзе[21] давно,
И Ханьский князь стал зятем для него.
Всех царств отрада Хань, здесь дни благи,
Озёра в царстве, реки широки.
Лещи и лини плещутся в прудах,
Олени бродят в девственных лесах.
Бобры, медведи нескольких пород,
Таёжный тигр и камышовый кот.
Осушим чары – радости большой
Хань Цзе, быть ей счастливою женой.

大雅

6

Величьем Ханьский град сей осенён,
Народом яньским был воздвигнут он[22].
Дано веленье предкам с этих пор:
Чинить набегам варваров отпор.
Дары подносит князю Ван опять –
И Дуй, и Мо себе тот может взять.
Велит не мешкать с северной землёй:

Ей овладеть и стать её главой,
Валы насыпать, вырыть рвы, к тому
Ввести налоги – подати на *му*[23]
И в дань, чтоб власти скипетру сиять,
Медведей, барсов шкуры записать.

Цзян и Хань
(III, III, 8)

蕩之什

1

Стремят могучие потоки Хань и Цзян,
Колонны воинов текут не в отчий край
Без передышек, путь их длин и безымян.
Идём грозою мы на варваров с Хуай[24].
Уж колесницы наши встречи ждут с врагом,
Знамёна с соколами вверх устремлены.
Все наготове, мысли только об одном –
Хуайских варваров в бою разбить должны.

2

У Цзяна с Хань ревут и пенятся валы,
Вскипают рати наши духом боевым.
Сохранены родной земли пределы, мы
Весть о победе Вану с радостью вручим:
– Достигнут мир – взошёл звездой над очагом,
Владенья царские сумели отстоять.

Владенья царские сумели отстоять.
Отныне к нам никто не сунется с мечом,
Пусть сердце Вана наполняет благодать.

3

Туда, где слышен Хань и Цзяна рокот вод,
Для Шао Ху наш государь веленье шлёт:
– Законы всюду с образцами утвердить,
Землеугодья десятиной обложить.
Народ не мучить, усмирять людей добром,
Пусть царство Вана служит мерою во всём.
Межуйте землю, ширьте промысел отцов
До моря Южного, до тёплых берегов.

大雅

4

Для Шао Ху шлёт Ван веление опять,
Должны повсюду волю Вана оглашать:
«Когда взошли Вэнь-ван с У-ваном на престол,
Стал Шао-князь столпом, любовь людей обрёл.
Никто не смеет называть меня юнцом,
Я дело Шао продолжаю, долг мой в том.
Ты ловкий, быстрый, в добродетелях велик,
Тебе воздам, чтоб счастья в промыслах достиг.

5

Ковш из нефрита получай, кувшин с вином
Для возлияний предкам, будь един с Царём.

О том пред ликом просвещённых говорю[25],
Поля и земли, горы я тебе дарю.
Веленье в Чжоу принимаешь ты сейчас,
То предка Шао достославного указ».
Ху поклонился, покидая тронный зал,
И Сыну Неба долгой жизни пожелал.

6

Ху поклонился досточтимому Царю,
Благоволенью Вана он воздал хвалу:
– Нам завещанье Шао-князь вложил в уста,
Владыке – Сыну Неба – вечные лета!
Да будет полон счастья Сына Неба дом,
Да не угаснет слава добрая о нём!
К его изящной добродетели стремясь,
Неколебимой будет царств соседних связь.

Незыблемая доблесть
(III, III, 9)

大雅

1

Могуч Ван пресветло-светлейший, преславно-великий,
Он воину отдал приказ, воин тот сановитый –
Потомок Нань Чжуна, чей путь освящён Небесами,
Ему Хуанфу[26] власть вручил над своими войсками:
– Шесть ратей моих подними,
вкус сражений им сладок,
Оружье проверь, приведи его в должный порядок.
Яви осторожность, старанье, командуй умело
И милость свою засвидетельствуй южным наделам.

2

Был позван Иньши[27] во дворец, Ван промолвил сурово:
– Не медля, приказ передай для Сюфу[28] слово в слово:
Полки развернёт пусть и правым, и левым крылами,
Да помнит на марше, что может столкнуться с врагами;
Пусть двинет войска вдоль Хуай –
так с пути не собьётся,
Наведает сюйские земли[29], по ним пусть пройдётся.
И мешкать не надо, утраты пожнём за просчёты,
Уж звёзды вещают – близки полевые работы.

3

Наполненный силой державной, преславно-великий

Сын Неба могучий и грозный, как горные пики,
Всему обеспечил защиту, к порядку взывая.
Не медля идём, не блуждая, себе подчиняя.
Трясутся и горы, и дол, стихли звери и птахи,
Люд сюйских земель затаился в безудержном страхе.
Мы молнии будто, что в тучах чернеющих блещут,
Мы будто бы гром, и дрожит сюйский край, и трепещет.

4

Ван грозен, подвластно всё воле его величавой,
Вскипел гнев Царя и обрушился огненной лавой –
Войска двинул Ван, устремил их к намеченной цели,
Как тигры свирепые, царские рати взревели.
Отправились брегом Хуай боевые порядки,
И варваров орды пленили они в жаркой схватке.
Прикрыты брега вдоль Хуай, от беды сберегая,
Заставой надёжною встали полки государя.

5

Не счесть ратей Вана, нельзя их окинуть и оком,
Быстры словно птицы, летящие в небе высоком,
Как Цзян и как Хань полны мощи и неуязвимы,
Как острые скалы внушительны, несокрушимы.
Как водной стихии валы ветер катит и катит,
Так шествуют мерно одна за другой наши рати,
Безмерны и неодолимы в военной отваге,
Мятежные Сюйские царства приводят к присяге.

6

Верны и честны были замыслы Вана, как милость
Их Сюйское царство восприняло и покорилось.
Прошло время сечи, мы с Сюйской землею едины,
То Вана заслуги – вождя всемогущей дружины.
В пределах сторон четырёх двери миру открыты,
Посланцы из Сюй – наши гости, наносят визиты[30].
Теперь уж у Сюйских краёв нет дороги обратной,
«Домой!» – дан приказ,
возвращаемся с песнею ратной!

大雅

Взываю, уповаю
(III, III, 10)

1

Взываю к Небу, чтобы больше не ярилось,
Нет сожаленья к нам, смени же гнев на милость!
Уж сколько лет живём, гонимы долей злою,
Скорбят сердца, кропим свой тяжкий путь слезою.
В державе нашей нет опоры, в наказанье –
Чинам, народу – лишь великие страданья.
Посевы гибнут, косит мор, предел терпенью
Уже настал, конца ж не видно избавленью.
Лишилась силы, неподвижна длань закона,
Не обуздать порок, и глубь его бездонна.

2

Один поля имел – творец земной юдоли,
Стыда не ведая, ты взял их и присвоил.
Другой имел людей и слуг, очаг счастливый,
А ты к нему ворвался в дом и о́тнял силой.
За этим нет вины, а ты беднягу к плётке
Приговорил, заколотил его в колодки.
Тот нечестив и за наживою в погоне,
А ты к нему великодушно-благосклонен.

3

Муж мудрый – град возвёл, величье в нём и сила,
Жена же мудрая взяла и покорила.
В прекрасной женщине есть ум, опасен тем он,
Что затаился в нём совы коварный демон.
А коль случись, что без костей язык у бабы,
Жди на пути своём колоды да ухабы.
И не с Небес слетает к нам огонь разрухи,
Рождает женщина её без повитухи.
Не внять учению, советам образцовым
Прислуге женской да ещё скопцам дворцовым.

蕩之什

4

Губить людей, калечить злобою безмерной,
Начать неверностью, закончить же изменой.
Не скажешь разве: «Где же низости граница?»
«Всё клевета! – на то ответят, – небылица!»

Как благородному не след на эту сцену,
Где он на торжище бы драл тройную цену,
Так и жене в заботы мужние соваться
Совсем не след – шитьём уж шла бы заниматься.

5

За что от Неба нам терзанья и мученья?
Устали мы от духов ждать благоволенья.
Забыв о зле, несчастьях, что несут уделам
Набеги варваров, меня пытаешь гневом[31].
Все добродетели в душе твоей истлели,
Не совершаешь славных дел, бредёшь без цели.
Увещеваем – ты не внемлешь, но бунтарство
И смуту там не удержать, где чахнут царства.

大雅

6

А Небо кары шлёт нам свыше, нет конца им,
Невыносимо бремя их, мы погибаем.
Увещеваем – ты молчишь, являешь гордость,
Вселились в души и тоска, и безысходность.
А Небо кары шлёт и шлёт нам, нет конца им,
«Куда уж больше!?» – с болью в сердце восклицаем.
Увещеваем – ты не внемлешь, так едва ли
Удержишь власть в руках: в ущерб копить печали.

7

Бьют мощно, брызжут родники – земные соки,

Всё потому, что глубоки у них истоки.
На сердце горечь и тоска, неужто ныне
Свалились беды, непроглядное унынье?
И почему не до меня пришли печали,
И не поздней? У добрых духов я в опале!
Защитник, Небо, разве нас не пожалеешь?
Нет ничего, что укрепить ты не сумеешь.
Царь, предкам славным возноси моленья громко,
Не навлекай стыда на них, спасай потомков!

Взываем к благу

(III, III, 11)

1

Благое Небо гневом воспылало,
Со всех сторон на нас напасти шлёт,
Пытает лютым голодом и хладом.
В домах, в пути находит смерть народ.
Край опустел, а был цветущим садом.

2

Шлёт щедро Небо нам за карой кару,
Грызёт упорно червячьё страну,
И как за чарой осушают чару,
Так источают евнухи казну.
Ты, царство, погружаешься во тьму.

3

Корысть и клевета, непониманье,
Как велика порока глубина.
Являем мы во всех делах старанье,
Не ведаем ни отдыха, ни сна,
Всё ниже в чине мы, нам грош цена.

4

В год засухи от поля жаром веет,
Душистых трав не буйствуют цвета,
Прах птичьих гнёзд на деревах чернеет.
Тягучей горести полны уста.
Смотрю на царство – все сошли с ума.

大雅

5

В далёком прошлом были мы богаты,
Не повернуть, однако, время вспять.
Нам ныне злой недуг несёт утраты,
И доли горше нашей не сыскать,
При вас: тем – плевелы, другим – зерно.
Иль вам быть властью вечно суждено?
Вцепились мёртвой хваткой вы в неё.

6

Впустили воду в пруд, а он мелеет –
В брегах причина, спорить нет нужды.
Иссяк источник, всякий разумеет –
В земле проток нарушен для воды.

Вред, ширясь, растекается повсюду,
Суёте вы его во все углы.
Не бедствия ли тем несёте люду?

7

Всходили ваны на престол бывало:
Вот Шао-князь – лелеял край родной,
На сотню *ли* в день царство прирастало.
Теперь день про́жит – сотня *ли* долой.
О, скорбь! О, скорбь!
Времён счастливых бренность!
Найдётся разве ныне муж такой,
Была горда какими наша древность?!

IV. ГИМНЫ

IV, I. Гимны дома Чжоу

頌

Храм Предков
(IV, I, 1)

Величествен и чист, прекрасен Предков Храм,
Советники почтительны и чинны.
Мужи учёные строги́, для них Вэн-ван
Являет веру, честь и мощь отчизны.
Гимн родовой мужи возносят к Небесам,
В Храм Предков входят мерно, величаво.
Да не его ль вы присягали алтарям?
О нём бессмертна памятная слава!

Судьба небесная

(IV, I, 2)

Судьба подвластна Небу, живёт в бездонных высях,
Она неистощима в величии своём.
Сияет добродетель Царя в душе и мыслях,
Чистейшей сути доблесть Вэнь-вана воспоём.
Коль жалованы будут дары нам Небесами,
Как святость их воспримем и в сердце сохраним.
Все милости Вэнь-вана великими трудами
Потомки оправдают, радением своим.

周頌

Чисты, в сияньи славы

(IV, I, 3)

Чисты, в сияньи славы, вечны, как святыни,
Законы мудрого великого Вэнь-вана,
С начала жертвоприношенья и поныне
Шлифуют царства совершенство неустанно,
Дом Чжоу радуют, являют гордость клана!

Славу возносим

(IV, I, 4)

颂

Славу возносим мы нашим князьям,
Счастье и благо они сеют всюду.
Их благодатные милости к нам
Дети и внуки в веках не забудут.

Не отягчали нас карой князья,
Чтим мы владыку за ум и упорство.
Поступь великих деяний царя
Помнить в веках будет наше потомство.

Нет человека, сравнимого с ним,
Сущие все его слову внимают,
Дэ его блещет, он – Доблести сын,
Тот для князей он, кому подражают.
Царь наш! Ты памятью вечно храним!

Творение Неба

(IV, I, 5)

Сотворило Небо гору – очень высока,
С Ци-горы достать рукою можно облака.
У подножья Ван Великий[1] землю распахал,
Положил начало делу, царство основал.
Царь Вэн-ван прервал бесчинства, смуту, произвол,
К благоденствию и братству наш народ привёл.

Горы неприступные окружали Ци,
К ней дороги ровные выстлали отцы.
Все, что предки сделали, то потомки чтят,
Древнее наследие бережно хранят.

Явило Небо волю созиданья

(IV, I, 6)

Явило Небо волю созиданья,
Вэнь-ван, У-ван её приняли; выгнал прочь
Покой Чэн-ван[2] – потомкам в назиданье
Он волю Неба претворял и день, и ночь.

Великодушный, смелый, справедливый,
В сияньи славы, под защитою светил,
Он искренностью – величайшей силой –
В народе веру и согласье укрепил.

Мы совершаем жертвоприношенье
(IV, I, 7)

頌

Мы совершаем ныне жертвоприношенье –
Приносим в дар барана и быка:
В том Небу наше высочайшее почтенье!

Все уложения Вэнь-вана совершенны,
Им следуем, храним покой страны.
Велик Вэнь-ван, о нас печётся неизменно,
Приемлет жертвы, мы – его сыны.

И дни и ночи – так за годом год –
В священном трепете пред Небом,
И это чувство вечно в нас живёт.

Царство своё объезжает
(IV, I, 8)

Царство своё объезжает он в должное время,
Сыном зовёт его Небо – его это семя.
Небо ему помогает быть в Чжоу владыкой,
Чуть устрашит он князей громы мечущей дланью,
Падают ниц, и становится каждый заикой.
Духов небесных чарует, платя царской данью –
Мягкостью – тем же и духов стремнин, горных пиков.

Царь он всевластный, нашли в нём народы опору,
И среди царств всех во славе сияющей – Чжоу!
Ставим князей мы на должность по нашим устоям.
Копья сложить приказал государь со щитами,
Луки велел зачехлить, спрятать стрелы; покоем
Мысли полны его, к люду воззвал: «Небо с нами!
Сейте по Ся[3] добродетель, сильна ей держава!»
Вот уж воистину этому царь наш – застава!

周頌

Державная сила
(IV, I, 9)

頌

У-вану равных нет в державной силе,
Он славой доблести никем не превзойдён,
А разве Чэн[4] и Кан[5] не имениты были?!
Верховный Предок[6] – вот их кто возвёл на трон.
Надёжа мира Чэн и Кан, его опора,
Их указующая длань народ вела,
Проникновенней, чем у них, не сыщешь взора.
Бьют барабаны и звенят колокола,
Им вторит гонг и нежный голос флейты льётся.
Щедрот ниспослано нам столько, что не счесть,
От Неба милости даны, тепло – от солнца,
На лицах светится достоинство и честь.
Льём в кубки вина мы, вкушаем яства,
Желаем процветанья и богатства!

О, просвещённый Хоу Цзи!
(IV, I, 10)

О, Хоу Цзи, властитель просвещённый,
Сравним лишь с Небом, царь непревзойдённый!
Поднял народ, дал вере утвердиться,
Щедры дары твои – ячмень, пшеница.
Ты можешь всё, открыл пути к спасенью,
Питаешь нас по Предка повеленью.
Никто тебе не учинит препоны,
Распространяешь ныне в Ся законы.

周頌

IV, II. Гимны дома Чжоу

Чины и слуги
(IV, II, 1)

颂

О, вы, чины и слуги! Бить поклоны –
Труд не велик, служить… и ревностней –
в том долг!
Царь дал вам совершенные законы,
Им строго следуйте во всём, возьмите в толк.
Эй, вы, полей надсмотрщики! Что же
Вы так медлительны? уже конец весны,
Не знамо ль вам, что дней других дороже
Весенний день: поля нам новые нужны!
Вскормите пахоту зерном отборным,
И нам грядущее удачу принесёт.
Предрешено Владыкою Верховным:
Богатым будет, урожайным ныне год!
Следите, чтоб готовили мотыги,
С серпами чтоб в поля-луга шагали
И сорные растенья убирали!

Хвала Чэн-вану

(IV, II, 2)

Чэн-вану хвала, величайший почёт!
Свет славы его озаряет народ.
Как мешкать! В поля землепашцам пора,
Уж время приспело им сеять хлеба,
Усердно поля подготовят твои,
Что вдаль убегают на многие *ли*.
Прольёт сто потов землепашец весной,
Пройдутся их тыщи за парной сохой[1].

周頌

Величавы белые цапли

(IV, II, 3)

Белою линией цапли красиво летят,
Плавно проплыли над рвом, окружающим град.
Ныне к нам жалуют гости – почтенный народ,
Также они величавы, как цапель полёт!

Там к ним никто не питает ни зла, ни вражды,
Здесь не наскучат они, не накличут беды.
Славы, хвалы пожелаем им в бденьях своих,
Чести, почтенья и милости духов святых!

颂

Урожайный год

(IV, II, 4)

Много риса, много проса в урожайный год,
С верхом полные амбары держат небосвод.
Ныне в них несчётной мерой ссыпано зерно,
Приготовим молодое сладкое вино.
Воздадим мы жертву предкам –
женским и мужским,
Как и пращуры, и деды, ритуал свершим
И за милости мы Небо возблагодарим!

Пришли слепцы

(IV, II, 5)

Пришли слепцы, слепцы пришли, светлы их лики,
Привёл их путь во двор чжоуского владыки.
Крепят опоры, перекладины, из зала
Колокола несут, из перьев опахала,
Два барабана (малый красит тон большого),
Берут *цин*, *тао*, *чжу* и *юй*[2] – вот всё готово…
Звучит мелодия, как дивный голос чей-то
Ласкает слух *гуань*[3], потом вступает флейта.
Бум-дон! – волшебно колокольное звучанье –
Поют себя и торжество, и почитанье.
Да насладятся предки этим чудным звуком!
Ему и гости, предаваясь как блаженству,
Заворожённые внимают совершенству.

周頌

В глубинах рек

(IV, II, 6)

О, Цзюй и Ци – с глубокою водой,
Кормилицы, владычицы достатка!
Осётер меченосный и простой
Гуляют под волной, сом, карп, касатка.
Свершаем ныне жертвоприношенье,
Да снизойдёт к нам счастье и прощенье!

Согласие
(IV, II, 7)

頌

Пришли, согласие являя, чин блюдя,
Друг с другом рядом встали – к рукаву рукав.
Готовы к жертвоприношениям князья,
Державный Неба Сын прекрасно-величав.
«Приносим в жертву ярко-рыжего быка,
Готовьте блюда с ритуальною едой.
Отец усопший именит, разил врага,
Он мне – почтительному сыну – дал покой.
Премудрым мужем был, наследником вождей:
Самих Вэнь-вана и У-вана – двух светил.
Владыке-Небу в радость был и для людей –
Потомков преданных – цветущий путь открыл.
Продли нам жизнь, державный, до седых бровей,
Благоприятствуй нам, храни от бед наш дом!
Любить родителей и чтить – долг сыновей,
Почтим и мы же матерь мудрую с отцом!»

Спешат предстать перед царём[4]
(IV, II, 8)

周頌

Спешат князья предстать перед царём,
Желают утвердить чины законом.
Драконы грозны на шелках знамён,
Мчат резво кони с бубенцовым звоном.
На сбруях блеск слепящий позолоты,
Князья полны торжественной заботы.
К гробнице предка их ведут, пред ней
В почтении с дарами замирают,
Лет долгих просят – до седых бровей,
На благо и защиту уповают.
Благодарят за щедрость и тепло,
Поют хвалу восторженную вану
И, славя бескорыстие его,
Тем счастья путь прокладывают клану.

Прибыли гости
(IV, II, 9)

頌

Прибыли гости, являют почтенье,
В упряжи белые кони у них.
Свита – вельможных особ украшенье –
Пышностью блещет, в шелках дорогих.
Отдых гостей и не мал и не долог:
Несколько – две иль четыре – ночей;
Много раздали плетёных верёвок,
Чтобы стреножили слуги коней.
Вот наступает и время прощанья,
Благополучие – лёгкая кладь,
Вам её в путь, вы высокого званья,
Да снизойдёт к вам с Небес благодать!

У-вану

(IV, II, 10)

О, наш У-ван! Ты первый средь державных!
В сияньи доблести тебе нет равных.
Вэнь-ван культурен! Эхо славы громко!
Широкий путь сумел открыть потомкам.
У-ван продолжил знатный путь семейства,
Инь покорил и в ней пресёк злодейства,
Тем поступь утвердил традиций славных!

周頌

IV, III. Гимны дома Чжоу

Несчастный младший сын
(IV, III, 1)

颂

О, я, несчастный, горемычный младший сын,
Найдётся ль мне по силе скорби равный!?
Тоской-печалью я великою томим.
О, мой отец усопший, достославный!
Ты будешь сынопочитаем на века,
Ты в нашей памяти – державный предок,
Ты в Небесах и рядом подле очага[1].
Я, как дитя, усердно ночи все и дни
Учу себя сыновнему почтенью.
О, наш державный царь! Мы замыслы твои,
Дела твои не предадим забвенью.

Что после себя оставлю

(IV, III, 2)

周頌

Оставлю что потомкам!? – Нет верней ответа:
Отца покойного последую заветам.
Вбираю сердцем все печали без остатка:
Я не добился в Доме должного порядка.
К нему стремлюсь, и в этом все мои желанья,
Продолжу замыслы великого деянья.
Сейчас же несмышлёныш я, сродни дитяти,
И Дома трудности пресечь мне сил не хватит.
Ты дух Двора, Ты то на небосклоне,
То снизойдя, гостишь Ты в нашем Доме –
О, славный наш Отец, наш повелитель,
Надёжный наш защитник и учитель!

В благоговении пред Ним
(IV, III, 3)

颂

Благоговеем, почитаем – то нетленно!
Нам Небо верно смыслы жизни проявляет.
Судьба, ниспосланная свыше неизменна,
В нас человеческой природой оживает.

О, высочайшее, Ты там, в верхах бездонных!
В словах не выразить Тебя – слов тает сила.
Отраду… грусть, паденье… взлёт мужей учёных
Оттуда зрит неугасимое Светило.

А мы, как будто несмышлёные дитяти,
Стоим под Солнцем, преисполнены почтенья.
Усердно учимся: труд – время благодати,
А просвещенье – луч небесного свеченья.

Идём тернистою тропой – стезёй предтечи,
Дела достойные не могут истощиться.
Года забот отягощают наши плечи,
Мы ждём, в нас духом Добродетель просветится.

周頌

Остерегаюсь
(IV, III, 4)

На горьком опыте учён, чужой-то слаще,
Себя стараюсь уберечь от бед грозящих.
Не вовлекаю никого в дела дурные,
Боюсь, что стрелы полетят в меня косые.
Сначала птахою поёт над деревами,
А, глядь, уж коршуном парит под облаками.
Преодолеть мне Дома тяготы не в силах,
Печаль безудержная душу изъязвила.

Косим траву
(IV, III, 5)

颂

Траву мы косим, выкорчёвываем пни,
И пашем землю, в дёрн вонзая нож сохи.
Работа слаженная, ей не прекословь,
Межи проводим и осваиваем новь.
Здесь и отцы, и что покрепче сыновья,
И детвора – всем им кормилица земля.
Тут и помощники, надёжно их плечо,
И те здесь, кто еду приносит и питьё.
Мужья подарят жёнам нежность, а уж там
И жёны ласкою откликнутся мужьям.

С сохою острой и добротной – легче труд,
Наделы южные заботы нашей ждут.
Бросаем в пашню плодородную зерно,
В нём жизнь пробу́дится, задышит естество.
Ростки к светилу дружно тянутся, сильны́,
Прекрасны ныне всходы вешние, сочны́.
Земля сплошным ковром укрыта из ростков,
Поля прополоты, не видно сорняков.

Вот сжато жито, воздаянье всем сполна –
Несчётны груды полновесного зерна.
Знать, будут на зиму и закрома битком.
Вино сготовим мы и в жертву принесём

Мужским и женским предкам –
славы вечной им!
По ритуалам, что нетленны, всё свершим.
Плывут хмельные ароматы, вкус вина
Отменен, им гордится наша сторона.
В ремёслах винных не найти искусней нас –
Почившим дедам в радость слышать этот сказ!

Уже не раз бывала осень так щедра,
Не только ныне урожайная пора,
Дары издревле подносила нам земля.

周頌

Добротные сохи
(IV, III, 6)

颂

1

Добротные сохи весной просят дел,
Идём обрабатывать южный надел.
Принять приготовилась пашня зерно,
В нём жизнь затаилась, живое оно.

2

Придут в жаркий полдень родные гурьбой,
Корзины с обедом прихватят с собой.
Накормят нас просом отборным за труд,
С полями широкими шляпы дадут.

3

Мотыги стучат... под палящим лучом
Мы жгучие травы под корень сечём.
Лежит валом в кучах и тлеет сорняк,
Созрел колос проса и силой набряк.

4

Жик-жик... тянут песню над полем серпы,
Красиво ложатся друг к другу снопы –
Ряды их не ниже высокой стены,
Как ровные зубья у гребня тесны́.

5

Распахнуты настежь хранилищ врата,
До верха мы полним свои закрома,
И жёны довольны и вся детвора.

6

Заколем для жертвы быка, напоказ
Рога его выставим – праздник у нас.
Так исстари радости жатва несла,
Достойно продолжим мы предков дела.

周頌

Шёлковые платья
(IV, III, 7)

Идут в парадном одеянии – в шелках,
Расшиты нитью тонкой шапки на главах.
Храм посетив, проходят в глубь его дворов,
Овец осматривают, жертвенных быков.
Идут к треножникам – и к малым, и большим,
Рог носорожий служит винным кубком им.
Льют в кубки вина, так и зреет душ родство –
Почтенье правит им, степенность, торжество.
Неужто предки не одарят счастьем нас!

Поднимем кубок!

(IV, III, 8)

Прекрасны рати вана, битвы славят их!
Взрастил ван воинов вдали от глаз людских.
Себя в тяжёлые он латы облачил –
Пришла пора явить величье мощных сил!
С почтеньем приняли его… презрев корысть,
Деянья вана укрепить мы поклялись.
Тебе наследовать – вот воля наша в чём,
Тебе – воителю, что стал для нас щитом!

颂

Воинственно-отважный

(IV, III, 9)

Спокойны тыщи царств под куполом высот,
В них небывалый урожай из года в год,
Судьба небесная им всем благоволит.
У-ван – отважный царь, от бед народ хранит,
Вскормил он воинов, вспоил и воспитал,
В четыре стороны он рати разослал
И утвердил домовладение своё.
Во славе в Небе он сияет – высоко.
Инь покорив, взошёл на трон!

周頌

Дар Чжоу
(IV, III, 10)

В трудах прожить – Вэнь-ван горел таким желаньем,
Мы их восприняли с любовью и признаньем.
Всегда их помним и, везде распространяя,
Пойдём искать им утвержденья в дальнем крае.
Как свят алтарь, священны так веленья Чжоу,
Верны во всём мы им, как клятвенному слову!

Соединяемся
(IV, III, 11)

Вступаем в царство мы, на горы восходя,
За ними древняя чжоуская земля.
С вершин заоблачных мы зрим веков красу –
В Реку вливаются бесшумно Янь и Ю.
Блаженный край, под этим Небом – мирный труд,
Повсюду люди здесь в согласии живут.
Так указует Чжоу перст судьбы!

IV, IV. Гимны князей Лу

Мощные кони
(IV, IV, 1)

颂

Мощные, как на подбор, жеребцы в табунах,
Рядом пасутся с границею в диких степях.
Лошади разных мастей, трудно все перечесть:
Есть в табунах вороные и жёлтые есть,
Иссиня-чёрные, как тьма в глубинах морских,
Бы́стры в упряжках они колесниц боевых.
Усталь неведома им в чужедальнем пути,
И хороши! И стремительны в беге они!

Мощные, как на подбор, жеребцы в табунах,
Рядом пасутся с границею в диких степях.
Лошади разных мастей, трудно все перечесть:
Есть и каурые, и серо-пегие есть,
Огненно-рыжие с ярким окрасом спины, –
В упряжи конной выносливы, силы полны.
Усталь неведома им, вольным ветром летят,
Так совершенны собою и радуют взгляд!

Мощные, как на подбор, жеребцы в табунах,
Рядом пасутся с границею в диких степях.
Лошади разных мастей, трудно все перечесть:

Белые с чёрною гривой, каурые есть,
Рыжие и вороные – с отметиной лбы –
В упряжи конной выносливы, силы полны.
Усталь неведома им, вольным ветром летят,
Вот она, добрая выучка! Радует взгляд!

Мощные, как на подбор, жеребцы в табунах,
Рядом пасутся с границею в диких степях.
Лошади разных мастей, трудно все перечесть:
Белые в яблоках, серо-чубарые есть,
И рыбоокие, чёрные с жёлтой спиной, –
В упряжи конной выносливы все до одной.
Усталь неведома им, вольным ветром летят,
Чудо, не кони! Стремительны, радуют взгляд!

Быстрые кони
(IV, IV, 2)

Быстрые рыжие кони пьют воздух степей,
Мчат экипажи с гостями четвёрки коней.
Шумно в палатах у князя с утра допоздна,
Светлого праздника радость далёко слышна.
Белые цапли летели, красив взмах крыла,
Сели на отмель – вода словно кипень бела.
Бьют барабаны, и гости, отведав вина,

В пляску пускаются, катит веселья волна.
Гости наполнены праздничной радостью дня!

Мощные быстрые кони пьют воздух степей,
Мчат экипажи с гостями четвёрки коней.
Шумно в палатах у князя с утра допоздна,
Гости гуляют, речуют за чашей вина.
Белые цапли летели, небес невода
С цаплями стаю с высот затянули сюда.
Громко, ритмично гремят барабаны трам-там,
Вдоволь поели, попили, пора по домам…
Гости наполнены праздничной радостью дня!

颂

Государев пруд[1]
(IV, IV, 3)

1

Великолепен государев пруд!
Пучки душистых трав нарвали в нём.
Здесь князя царства Лу и чтут, и ждут,
Уже видны шелка его знамён.
Знамёна гордо реют на ветру,
На сбруях колокольчики звенят.
Для встречи князя – гостя ко двору –
Чины всех рангов выстроились в ряд.

2

Великолепен государев пруд!
Нарвали трав в нём – красок волшебство.
Здесь князя царства Лу и чтут, и ждут,
Сильны-могучи кони у него,
Стремительны, выносливы в боях,
Глас восхищенья не удержишь: «Эх!»
Довольный и с улыбкой на устах
Он без укора наставляет всех.

3

Великолепен государев пруд!
Нарвали трав в нём – запахов волна.
Здесь князя царства Лу и чтут, и ждут,
Пусть в школе он отведает вина,
И лучшего испив из лучших вин,
Останется навечно молодым.
Удачным будет путь его – без смут,
Покорным станет весь разбойный люд.

4

Наш луский князь прекрасно-величав,
Почтеньем просветляет Дэ, мудрец,
Достойный вид имеет, строгий нрав
И для народа яркий образец.
О, как воинствен князь и просвещён!
Величья блеском предков превознёс.

Он сын почтительный везде, во всём,
В дар счастье свыше, раз с себя есть спрос.

5

Наш князь всех светом может озарить,
Свою умеет доблесть осветить
И если у пруда воздвиг дворец,
То варварам с реки Хуай конец.
Отважней тигров вои в царстве Лу,
Пред князем уши недругов кладут.
А сыщики, как Гао Яо[2], тут
И к князю пленных варваров ведут.

颂

6

Здесь много ныне важных воевод,
Готовых добродетель расширять,
Свершая долгий боевой поход,
Бьёт варваров их доблестная рать.
У воевод степенный, чинный вид,
Никто из них не спорит, не шумит,
И о своих заслугах боевых
Ведут рассказ как о делах простых.

7

Украшенный рогами лук так туг!
Увязанных в пучки так много стрел!
А сколько быстрых колесниц вокруг!

Неведом слугам устали предел.
Бей варваров, бей за рекой Хуай
И добродетелью их покоряй!
Пусть будет цель достойная ясна,
Ты подчинишь чужие племена.

8

Находят в школе стаи птиц приют –
Рассядутся они по деревам
И тутовые ягоды клюют,
Слух услаждая дивной песней нам.
Кто за рекой Хуай, те Дэ поймут,
Свои сокровища преподнесут:
Слоновью кость, огромных черепах
И юга золото – добро в дарах.

泮水

Храм Предка
(IV, IV, 4)

颂

1

Храм Предка – обитель покоя, здесь тишь сокровенна,
Искусно построен, отделка его филигранна.
Славна Цзян Юань, величава собой, совершенна,
Сияют её добродетели – нет в них изъяна.
Верховный Владыка поддержку явил и старанье,
От бед оградил и вреда, стал надёжной защитой.
Тревожные месяцы минули, без опозданья
На свет был рождён Хоу Цзи – Предок наш именитый.
К нему снизошли и удач, и богатств вереницы:
И сорго, и просо как поздних сортов, так и ранних,
И всхожести ранней бобов семена, и пшеницы.
Повсюду простёр он указ – до просторов бескрайних –
Распахивать землю, трудиться: с себя больше спроса.
Велел государь сеять жёлтое просо и сорго,
Возделывать рис на корню, также чёрное просо.
Так он в поднебесных чертогах, народ повинуя,
Продолжил на долгие годы деяния Юя.

2

Тай-ван внуком был Хоу Цзи и наследником трона,
Великим царём для народа и сонма придворных.
У Циской горы, где подножие южного склона,
Воссел он, отсюда стал шанцев теснить непокорных.

Шло время… Вэнь-вана черёд наступил и У-вана,
Они продолжатели дел достославных Тай-вана.
Указанный срок наступил, было с Неба знаменье,
Сошлись в поле рати – в Муе – где ветра воют дико.
«Не смей отступать, прочь печали гони и сомненья,
Застава тебе и опора Верховный Владыка!»
Щит бился о щит, меч о меч – рати шанцев разбиты,
Сумел совершить этот подвиг У-ван знаменитый.

3

Промолвил Чэн-ван, не скрывая почтенья: «Мой дядя[3]!
Твой сын тот, что старший, удел от меня в дар пусть примет.
Пусть луские земли себе приберёт – там воссядет,
Проявит державность: пусть царства границы расширит
И станет опорою крепкой Чжоускому дому!»
Приказ получил луский князь, от царя вести скоры:
«Велю на восток отправляться и править, такому
Дарую большие и малые реки и горы,
В придачу с землёю поля отдаю во владенье».
А ныне уж внук Чжоу-гуна – тож сын Чжуан-гуна[4] –
Под стягом с драконом спешит возложить подношенье,
Его колесница, блистая на солнце, так чудна.
Погожий весенний будь день иль холодный осенний,
Вершит ритуальное действо он без нарушений.
Верховным царям – Хоу-ди[5], Хоу-цзы – полновластным
Он тучную жертву приносит быком рыже-красным.
Вкусна, ароматна она, будет предкам угодной,

Пусть счастье они ниспошлют,
пусть звездой путеводной
Сияют тебе Чжоу-гун и великие предки,
Да будут щедроты обильны, а горести редки!

4

В дни осени духам подносят дары, восхваляют,
Уж с лета для жертвы быков выбирают по масти.
Вот белый и рыжий заколоты, шкуры сдирают,
И туши на доски кладут, мясо режут на части.
Сосуды несут деревянные и из бамбука,
Льют в кубки вино, превозносят и предков, и внука.
Под бубен пошла со щитами и перьями пляска,
Великая радость нисходит потомкам от предков.
Пусть смотрят враги на могущество царства с опаской,
Пусть жизнь будет долгой,
пусть стрелы Твои целят метко!
Храни край восточный,
будь доблестным, мудрым, сердечным,
Желаем Тебе процветанья, да будет Лу вечным!
Его не разграбить ордой, царству лускому чуждой,
Его не сумеют разрушить раздоров ветра́.
Сановников трое клянутся доверием, дружбой –
Надёжной опорой, незыблемой, словно гора.

颂

5

У князя не счесть колесниц в поле, к бою готовых,
Красуются алые перья на копьях двузубых,

Зелёные ленты обвиты вкруг луков тяжёлых,
За князем идут тыщи воинов, взору все любы:
Их крепкие шлемы украшены красною нитью.
Врага бьёт могучая рать – несравненная в силе,
И *жуны,* и *ди*[6] отступают, бегут резвой прытью.
И *цзины*, и *шу*[7] покорились, меч в ножны вложили,
Теперь все на службе у князя, с ним в мире зажили.
Славь луское царство и крепче держи посох власти,
Лет долгих Тебе, процветанья, удачи и счастья.
До жёлтых волос и горбатой спины[8] доживи Ты,
Пусть будут служилый люд рядом с Тобой и молитвы!
Да будешь во славе Ты, доблестным и величавым,
Да будешь с седой головой Ты, да будешь Ты старым!
Во здравии будь тыщи лет, будь судьбою хранимым,
Будь преданным предкам,
до белых бровей невредимым!

魯頌

6

Тайшаньские горы[9] круты, вот уж ряд поколений
Лу царства взирают на них – пики над облаками.
За Гуйской и Мэнской горами[10] – границей владений –
Простёрлись восточные земли: все будут под нами.
Под Лу быть приморские царства изъявят желанья,
Примкнут и народы с Хуай к нам, страшась наказанья.
Ослушаться разве посмеют, уймут дрожь испуга?
Придут поклониться – в том луского князя заслуга!

7

Нам Фу покорились и И[11], стали лускою частью,
И Сюйские земли всецело примкнут к Лу с годами.
И будут приморские царства под нашею властью,
Народы с Хуай, *мань, и, мо*[12] ниц падут перед нами,
До южных границ подчинятся законам всевластным.
Никто не посмеет перечить тому, кто вершитель,
Никто не посмеет ослушаться, быть несогласным –
Таков луский князь наш: провидец и мудрый правитель!

8

Ниспослано князю от Неба великое счастье,
До белых бровей не сойти ему с луского трона.
Отторгнуты были град Чан и град Сюй[13] в годы распрей,
Теперь князь их вновь возвратил под родные знамёна.
Пусть луского князя обходят ненастье и горе,
Жены ему доброй и мать пусть не ведает хвори.
Сановников преданных князю без лжи и коварства.
Пусть будет веками владыкою луского царства!
Пусть милости Небо дарует, пусть будет таков:
Счастливым до жёлтых волос, до молочных зубов[14]!

颂

9

Стройны и раскидисты сосны с отрогов Цулая[15],
На склонах Синьфу[14] кипарисы в лазурь кроны взвили;
Срубили…, разметили брёвна от края до края

На *сюни* и *чи*[17], по зарубкам затем распилили.
Крепки́ перекрытья – из хвойных пород брус надёжен,
Палаты богаты, просторны и светом умыты.
Величествен храм, из соснового тёса он сложен,
Задумал его и прославил Сисы[18] знаменитый.
Высокий, изящною крышей небес достигая –
Таким храм народу предстал, красотой восхищая!

魯頌

IV, V. Гимны дома Шан

Всё пышет красотой
(IV, V, 1)

颂

Всё пышет красотой и торжеством,
Большие барабаны расставляем,
Бум-бум, бум-бум ритмично громко бьём
И наших славных предков услаждаем.

Мелодию ведёт потомок Тана[1],
Втекают в души радость и покой.
Не умолкает барабанный бой,
Фью-фью *гуани*[2] вторят барабанам.

Мелодия чиста, благоуханна,
Вступает *цинь*[3] – то звуки естества.
В священный трепет вводит правнук Тана,
Все, всё вокруг во власти волшебства!

Колокола и барабаны бьют,
Заворожителен, красив *вань*-танец[4]!
Вот гости прибыли, к столу идут,
Сияет их одежд шелкóвый глянец!

Издревле люди, в старину былую
Тепло сердечное и в горе берегли,

Слов клятвенных не тратили впустую
И все дела старательно вели.

О,Тан, так внемли жертвоприношеньям,
Потомок твой причастен к сим свершеньям!

Сияющий во славе Предок
(IV, V, 2)

О, Предок наш, звездой на небосводе
Сияет ярко и дары шлёт он!
Они несчётны, щедро к нам нисходят
И осыпают, государь, твой трон.

Вино налито в кубки, связь веков
Хранит оно: от замыслов – к свершеньям.
Для жертв отвар с приправами готов,
Ждём свыше знака умиротворенья.

Вкруг собрались, притихли и молчим,
Все распри мы отбросили и склоки.
Пусть нам дожить удастся до седин,
Пусть жизнь продлится
до морщин глубоких!

Колёса, ярма блещут красотой,

Плывёт звон колокольчиков над ними,
Спешат достойные на пир хмельной!
«Я принял власть над землями большими.
Дарует Небо благодать, прощенье,
Обильный урожай из года в год,
Мы собрались на жертвоприношенье,
Безмерное пусть счастье снизойдёт!»

Сим жертвоприношеньям внемли, Тан,
Потомок твой свершает их и клан.

頌

Ласточка

(IV, V, 3)

Судьбой небесной ласточку зовут,
С высот слетела, породила Шан.
На Шанских землях Инь нашла приют.
Велением Владыки храбрый Тан
Провёл границы суши средь морей,
Созвал князей он: «Указую я
Взять под начало девять областей».
То были Шана первые князья.
Священ указ Владыки, как закон,
Доверились У Дину[5] – именит,
Во блеске славы, правнук Тана он,

Всех доблестью своею покорит.
Сто колесниц – штандарты впереди –
Спешат с дарами к нам, а не с мечом.

Замкнулись вкруг границы в тыщи *ли*,
Здесь обустроен всем надёжный дом.
Держава велемощная средь вод!
Идут с брегов к нам четырёх морей –
Покорность жаждет объявить народ.
Там Хуанхэ – нить наших рубежей.
На Инь пал перст судьбы; не годы смут –
Её обильные щедроты ждут.

玄鳥

Длинные седины

(IV, V, 4)

頌

1

Мудры были шанские предки, горды стариной,
Хранили предвестия тайные в длинных сединах.
Потоп поглотил твердь земную высокой волной,
Ковром землю Юй расстелил, что лежала в руинах.
Он царства большие, что были соседями с Шан,
Примкнул к шанским землям,
границ расширенья добился.
Род сунов могучий и славный, владыка же сам
Их сына на царство возвёл, так вот Шан и родился.

2

Искусен и скор Сюань-ван[6] в управлении был:
Коль малые царства давали, успешен был в малых,
Большие давали – порядок и там наводил.
Не мог допустить упущений во всех ритуалах,
Указы его исполнялись, прямил и вершил.
Сянту[7] и величье, и доблесть явить преуспел –
Он силам заморским достойный отпор дать сумел.

3

Нельзя изменить ту судьбу, что Владыка предрёк,
Для Тана она обернулась победной стезею.
Родился Тан в нужное время, в назначенный срок,

Он мудрость свою умножал
под счастливой звездою,
В величье входил и почтенье являл в беге дней
Владыке Верховному, тот в должный час повелел
Ему быть во всём образцом девяти областей[8].

4

Большой так и малый клейноды[9] Чэн Тан получил,
Подвластные царства кистями означил на стяге.
От Неба он милости принял, свой трон укрепил:
Напористым не был, но не был и скован в отваге;
Не твёрдым он был, но и мягкостью не был отмечен;
Радушен и кроток, в делах гостевых безупречен –
За это сто благ ему были от Неба в награду.

5

Большой так и малый жезлы славный Тан получил,
Взлелеял подвластные царства, за что Небом оным
Был милостью щедро осыпан: он мудрость явил
И доблесть свою показал перед царственным троном,
Не дёргался и не дрожал как озябшая птаха,
Нигде, никогда и ни в чём ван не ведывал страха,
За это сто благ ему были от Неба в награду.

6

Воинственный ван боевой стяг над войском поднял,
Он рати повёл за собою, сжимая секиру,

Он духом всевластия так горячо воспылал,
Что некому было сломить эту грозную силу.
Три отпрыска было[10], уж если вернуться к корням,
Однако успеха и цели они не добились.
Расширил Тан царство, смирил Вэй и Гу[11] и к рукам
Прибрал он соседние царства – ему покорились
Правитель Куньу и союзник Куньу сяский Цзе[12].

7

Заслуг всех Чэн Тана не счесть,
власть на всех простирал,
Волнительный трепет народу внушал, уваженье.
С согласия высших небес – Сыном Неба он стал,
Сановников много и слуг получил в подчиненье.
Средь них и министр Э Хэн[13] – обладал несравнимым
Умом, был Шан-вану помощником незаменимым.

頌

Иньский У Дин

(IV, V, 5)

1

Смелым был Иньский У Дин, чтоб упрочить престол,
Духом пылая, Цзин-Чу воевать он пошёл.
Войско меж горных ущелий провёл, вторгся в тыл
Цзинских отрядов, сковал их ряды и разбил.

Всех покорил, с кем судьба его в битвах свела,
С честью продолжил У Дин внуков Тана дела.

2

«Вы, люди царства Цзин-Чу, да услышьте мой глас,
Вас наставляю, чьи земли на юге от нас.
С тех незапамятных дней, как трон занял Чэн Тан,
К нам из далёко живущих племён *ди* и *цян*[14]
Разве кто смел приходить без даров? Говорю –
Не было тех, кто б являлся без дара к Царю.
Все как один поклялись: вечней вечности Шан!»

3

Те, кто по воле Небес княжью власть обрели,
Юйские земли освоили; там возвели
Грады-столицы, и каждую осень князья,
Головы низко клоня, умоляют царя
Их не карать: год такой – оскудели поля.

商頌

4

Небо – всевидец, не примет за жемчуг слезу,
Нянчит народы, но в строгости держит внизу.
Им указует, что меры нельзя преступать,
Злобой и грязью друг друга нельзя обливать,
В душу не надо безделицу-лень зазывать.
Царствам подвластным велит: всё лелеется им –
Долгим трудом, создавать нужно счастье самим.

5

В строгом убранстве столица могучего Шан,
В град велелепный идут представители стран.
Славят Царя, велико-широко торжество,
Гимны повсюду звучат, восхваляя его.
Долго усердно он правил и в мире почил,
Всем нам, рождённым позднее, защитником был!

6

Ныне на гору взошли – Цзин[15] в лесах, зелена,
Плотной стеною стоят кипарис и сосна.
Сколько нам надо, срубили, снесли на плечах,
Ровно разрезали и наготовили плах,
Балки сосновые выбрали нужной длины,
После колонны поставили… вот все труды.
С миром покойся, наш Царь, вечен в памяти ты!

颂

殷武

ПРИМЕЧАНИЯ

I. ПЕСНИ ЦАРСТВ

I, I. Песни царства Чжоу

[1] *Чжоу* (周) – удельное царство Чжоу в составе древнекитайской державы с тем же названием Чжоу (XI – III вв. до н.э.). Первоначально племенной союз, а затем удельное царство Чжоу располагалось на западной окраине (в совр. пров. Шэньси) древней державы Шан-Инь (XVI – XI вв. до н.э.). Позднее Чжоу возглавило широкую коалицию племён и удельных царств, пошло походом на восток, свергло последнего правителя Инь и установило собственную династию Чжоу. На завоёванных восточных землях (в совр. пров. Хэ-нань) была основана новая столица Лои (ныне г. Лоян). В XI в. до н.э. при малолетнем правителе Чэн-ване территория державы Чжоу была разделена на западную и восточную земли. Шао-гун отвечал за земли на западе, включая район первоначального расселения чжоусцев. Вновь завоёванные земли на востоке были отданы в подчинение Чжоу-гуну.

注解

Комментаторские трактовки словосочетания *чжоунань* (周南) – названия первой главы – неоднозначны. Буквально оно может означать «к

югу от Чжоу» или «Чжоу и к югу от него», что и отражено в ранних комментариях. Тогда под Чжоу должны пониматься чжоуские земли на западе страны в совр. пров. Шэньси. С другой стороны, *чжоунань* нередко понимается как новые чжоуские земли на востоке, так как новая столица там тоже называлась Чжоу, а в полном виде – Чэнчжоу. Вторая трактовка, располагающая Чжоу в совр. пров. Хэнань, представляется нам более правдоподобной. Дело в том, что в следующей главе даны песни «царства Шао», под которым должна подразумеваться западная зона ответственности Шао-гуна. Слово *нань* (南) в названии главы *чжоунань* (а также в названии следующей главы *шаонань*) традиционными комментариями понимается в пространственном смысле, как юг. Однако в названиях всех других глав раздела «Нравы царств» на соответствующем месте стоит слово *фэн* (風), букв. ветер, веяние, а в переносном смысле нравы. Можно предположить, что для веяния ведущих в Чжоуской державе чжоуских удельных царств Чжоу (на востоке) и Шао (на западе) было использовано специальное слово, обозначающее южный благодатный ветер – *наньфэн*, синонимом которого является слово *кайфэн*, в составе которого иероглиф *кай* (凱) означает триумф победителей.

注解

[2] *селезень уточку зовёт* – в оригинале *цзюйцзю*

(雎鳩), некая водоплавающая птица, символ супружеской преданности и верности на всю жизнь.

[3] *гуслями и цитрой* – древнекитайские струнные щипковые инструменты *сэ* (瑟) и *цинь* (琴). *Сэ* – музыкальный инструмент с 16 – 25 струнами. *Цинь* первоначально имел пять струн, которые ассоциировались с пятью стихиями, позднее *цинь* стал семиструнным. Отдельно (не в составе оркестра) *сэ* и *цинь* использовались для аккомпанемента лирическому пению.

[4] *Саранча* (*чжунсы* 螽斯) – символ плодовитости и многочисленного потомства.

[5] *персик* (*тао* 桃) – символ женской красоты и благопристойности.

[6] *Хань* (漢) – река Ханьшуй (漢水), начинается в пров. Шэньси, на территории пров. Хубэй впадает в р. Янцзы.

[7] *Цзян* (江) – река Янцзы (полностью Янцзыцзян 揚子江), которую по-китайски обычно называют Чанцзян (長江) – Долгая Река или Великая Река (Янцзы по-китайски называют лишь один из участков течения Чанцзяна, но именно это название закрепилось в западных языках).

[8] *Жу-река* (汝水) – Жушуй, начинается в совр. пров. Хэ-нань, впадает в р. Хуайхэ.

[9] *Попался в сети лещ и красным бьёт хвостом* – согласно традиционным комментариям, хвост леща

краснеет, когда рыба утомлена.

[10] *Цилинь (*麒麟) – мифический единорог, появление которого предвещает счастье, а в данном случае – продолже-ние правящего рода.

I, II. Песни царства Шао

注解

[1] *Шао* (召) – удельное царство в составе державы Чжоу на землях первоначального расселения чжоусцев в совр. пров. Шэньси.

[2] *сорока* (*цюэ* 鵲) – черноклювая сорока, крик которой, согласно народным поверьям, предвещал свадьбу.

[3] *Храм Предка* (*цзунши* 宗室) – символизировал единство клановых родственников разных поколений. В нём размещались таблички с именами предков, перед которыми совершались поклонения, приносились жертвы.

[4] *Шао князь* (*шао бо* 召伯) – шаоский князь Ши, имел титул по названию наследственного владения Шао на территории совр. пров. Шэньси, носил личное имя Ши (奭), являлся клановым родственником основателей Чжоуской династии Вэнь-вана и У-вана.

[5] *Наньшань* (南山) – букв. Южная гора, имеется несколько её идентификаций, наиболее часто называется Тайшань (Тайбайшань) в совр. пров.

Шэньси.

[6] *Шэнь и Мао* – созвездие Шэнь (參), состоящее из трёх звёзд, и созвездие Мао (昴) – из пяти звёзд.

[7] *Пин-ван* (平王) – чжоуский Пин-ван (ок. 781 – 720 до н.э., правил 770 – 720 до н.э.). Первый восточно-чжоуский ван. Его отец Ю-ван был захвачен и убит западными племенами *жунов,* которые заняли столицу Чжоу. Пин-ван перенёс столицу на восток в г. Лои.

[8] *Сын князя Цискогo* (*ци хоу чжи цзы* 齊侯之子) – имеется в виду будущий правитель удельного царства Ци циский Сян-гун (齊襄公, ум. в 686 г. до н. э) или циский Хуань-гун (齊桓公, ум. в 643 г. до н.э.).

國風

I, III. Песни царства Бэй

[1] *Бэй* (邶) – царство эпохи Чжоу на территории совр. пров. Хэнань.

[2] *Зелёного цвета одежда на Вас, / Её жёлтым шёлком Вы снизу подбили* – согласно представлениям древних китайцев, жёлтый цвет считался правильным, а зелёный – смешанным, и поэтому неправильным; правильный жёлтый цвет предназначался для самой одежды, а зелёный годился только для подкладки. В данном стихотворении жена пеняет мужу на то, что он предпочёл ей наложницу.

注解

[3] *Чжунши* (仲氏) – в древнекитайском языке прямое обращение брата или сестры ко второму по старшинству брату или второй по старшинству сестре в ряду братьев или сестёр.

[4] *Цао* (漕) – древнекитайский укреплённый город, находился на территории совр. пров. Хэнань.

[5] *Сунь Цзычжун* (孫子仲) – военачальник удельного царства Вэй (衛), возглавивший поход на царства Чэнь и Сун.

[6] *царством Чэнь* (陳) *и с царством Сун* (宋) – древнекитайские царства, столицы которых находились на территории совр. пров. Хэнань.

[7] *Сюнь* (浚) – местность в древнекитайском удельном царстве Вэй на территории совр. пров. Хэнань.

[8] *Сребрится Вэй, с ней рядом Цзин мутна*. Цзин (涇) – река Цзиншуй (涇水), начинается в пров. Ганьсу, течёт в северо-восточном, потом в юго-восточном направлении, впадает в р. Вэйхэ в пров. Шэньси. Вэй (渭) – река Вэйхэ (渭河) или Вэйшуй (渭水), начинается в пров. Ганьсу, течёт на юго-восток и далее на восток, на территории пров. Шэньси впадает в р. Хуанхэ.

[9] *Ци* (淇) – река Цишуй на территории совр. пров. Хэнань.

[10] *Вэй* (衛) – древнекитйское удельное царство, территория которого включала юг совр. пров. Хэбэй и север совр. пров. Хэнань.

[11] *Ни* (禰) – местность (по другим сведениям река) на территории совр. пров. Шаньдун.

[12] *Гань* (干) – некая местность.

[13] *Янь* (言) – некая местность.

[14] *Фэйцюань* (肥泉) – древняя река (также называлась Цюаньюаньшуй) на территории совр. пров. Хэнань, впадала в реку Вэйхэ (衛河).

[15] *Сюй* (須) – город в древнекитайском царстве Вэй (衞).

I, IV. Песни царства Юн

[1] *Юн* (鄘) – древнекитайское удельное царство на терри-тории совр. пров. Хэнань.

[2] *Дин* (定) – древнее название звезды в составе созвездия Пегас, носившей позднее традиционное китайское название Инши (Сооружение).

[3] *Чу* (楚) – сокращённо от Чуцю (楚丘), местность (в совр. пров. Хэнань), где в 658 г. до н.э. была воссоздана столица древнекитайского удельного царства Вэй (衛) после разгрома этого царства племенами кочевников *ди*.

[4] *Тан* (堂) – некая местность или укреплённое поселение недалеко от Чуцю.

[5] *Пальцем не указывай на неё – нельзя* (莫之敢指) – большинство традиционных комментариев склонны считать радугу результатом

неправильного сочетания мужского (ян) и женского (инь) начал и, следовательно, проявлением порочной связи мужчины и женщины. Другие комментарии обращают внимание на положение радуги на востоке, что якобы служит предостережением благородному мужу в отношении моральных качеств его возлюбленной. Врождённое чувство стыда не позволяет ни указывать на порок, ни наблюдать его.

注解

[6] *Гоню коней* – стихотворение приписывается супруге Му-гуна (правитель удельного царства Сюй), которая спешит на родину в царство Вэй, чтобы поддержать своего брата вэйского Вэнь-гуна (衛文公) в его стремлениях возродить царство Вэй после поражения от кочевников *ди* в 660 г. до н.э.

[7] *У сильных княжеств надо помощь мне просить* – чжоуская держава по сути представляла собой конфедера-цию царств и племён, между которыми шло соперничество, в результате которого со временем число удельных царств сокращалось, отдельные царства укрупнялись и усиливались за счёт присоединения земель более слабых и мелких царств. Царству Вэй в его борьбе с кочевниками *ди* и в переносе столицы в Чуцю помогло сильное княжество Ци (齊).

I, V. Песни царства Вэй

[1] *Вэй* (衛 или 衞) – см. прим. 10 к I, III.

[2] *Как жезл нефритовый, как яшмовый кружок* – различные пластины, диски и другие изделия из нефрита были необходимым атрибутом церемоний с участием чжоуского правителя и его сановников и вассалов. Жезл (*гуй* 圭) представлял собой вытянутую пластину с заострённым концом. Кружок (*би* 璧) – кольцо-би, имевшее ту особенность, что радиус его отверстия был в два раза меньше ширины поля кольца, т.е. это было кольцо с широким полем.

[3] *Двойной опоры колесницей* – колесница двойной опоры (*чжунцзяо* или *чунцзюэ* 重較). Толкования термина «опора» неоднозначны. Согласно одному из них, это повозка с двойной поперечной опорой для рук сидящего в повозке. Согласно другому – это плоские крылья над большими колёсами повозки-двуколки, которые защищали сидящего в повозке от грязи, летящей с колёс, и в то же время могли служить для опоры под руки. В любом случае речь идёт о повозке, предназначавшейся для выездов высокопоставленного лица.

[4] *циского князя* (*ци хоу* 齊侯) – здесь правитель царства Ци, циский Чжуан-гун (齊莊公, 794 – 731

до н.э.), отец принцессы Чжуан Цзян, о которой говорится в данной песне.

[5] *вэйскому князю* (*вэй хоу* 衛侯) – здесь правитель царства Вэй, вэйский Чжуан-гун (衛莊公, VIII в. до н.э.).

[6] *Престола наследнику* – наследник циского престола, брат принцессы Чжуан Цзян, носивший имя Дэчэнь.

[7] *Князь синский* (*син хоу* 邢侯) – правитель небольшого древнего удельного царства Син на территории совр. пров. Хэбэй.

[8] *таньский владыка* (*тань гун* 譚公) – правитель небольшого древнего удельного царства Тань на территории совр. пров. Шаньдун.

注解

[9] *великой Реки* (*Хэ* 河) – река Хуанхэ, Жёлтая река (黃河). В древности называлась просто Хэ, крупнейшая река на Великой китайской равнине.

[10] *Дуньцю* (頓丘) – местность на территории совр. пров. Хэнань.

[11] *водоём* – в оригинале *си* 隰 – река Си, т.е. Лохэ 漯河 в совр. пров. Хэнань, рукав р. Хуанхэ.

[12] *Рожками волосы* (*цзун цзяо* 總角) – детская причёска как мальчиков, так и девочек, когда волосы заплетали в косички-бублики или забирали в хвостики.

[13] *Цюань* (泉源) – см. прим. 14 к I, III.

[14] *Метаплексис* (*фаньлань* 芃蘭) – многолетняя

вьющаяся трава, использующая другое растение как опору для роста; семена покрыты белым пушком, разносятся ветром. Народное название – бабушкин мешочек для иголок и ниток.

[15] *из кости иглу* (*си* 觿) – костяная игла для развязывания узлов (носивший её отрок намекал на то, что он уже умудрён и способен распутывать сложные дела). Атрибут и украшение костюма взрослого мужчины.

[16] *напёрстком стрелка* (*шэ* 韘) – костяное или нефритовое кольцо, надевавшееся на большой палец правой руки при стрельбе из лука (своим видом отрок показывал, что он зрелый муж); напёрсток являлся атрибутом и украшением костюма взрослого мужчины.

[17] *Сун* (宋) – древнекитайское удельное царство (1040 – 286 до н.э.) со столицей на территории совр. пров. Хэнань.

[18] *траву сарану* (*сюань цао* 諼草) – сарана считалась травой забвения.

I, VI. Песни столичного царства

[1] *Столичное царство* (*ван* 王) – домен, земли в личном владении чжоуского вана. После сокрушительного поражения от кочевых племён *жунов* чжоуский Пин-ван (см. прим. 7

к I, II, 13) перенёс столицу на восток в Лои (ныне Лоян в пров. Хэнань). С этого времени влияние чжоуского вана на ход дел в державе Чжоу значительно ослабло, а его фактическое положение уже ничем не отличалось от положения удельных князей (чжухоу). Поэтому в названии главы, как и для других удельных царств, употреблено слово *фэн* (веяние). Для державных нравов или доминирующего веяния в названии первых глав использовалось слово *нань*.

注解

[2] *шэн* – тыквенная сопелка-шэн (笙), духовой язычковый инструмент. Здесь описан по принципу синекдохи через указание не на весь инструмент, а только на его деталь – язычок (*хуан* 簧).

[3] *Шэнь* (申) – небольшое древнекитайское удельное царство, управлявшееся родственниками чжоуского вана по материнской линии. Располагалось оно на территории совр. пров. Хэнань.

[4] *Фу* (甫) – небольшое древнекитайское удельное царство, называвшееся также Люй (吕). Располагалось оно на территории совр. пров. Хэнань.

[5] *Цзыцзе* (子嗟) – личное второе (взрослое) мужское имя.

[6] *Цзыго* (子國) – личное второе (взрослое) мужское имя.

I, VII. Песни царства Чжэн

[1] *Чжэн* (鄭) – древнекитайское удельное царство на территории совр. пров. Хэнань.

[2] *Чёрное платье* (*цзы и* 緇衣) – официальная одежда высокопоставленного сановника на аудиенции у чжоуского правителя.

[3] *Чжунцзы* (仲子) – мужское второе (взрослое) личное имя.

[4] *Шу* (叔) – мужское второе (взрослое) личное имя.

[5] *Цинские рати* – рати города Цин (清) в царстве Чжэн.

[6] *Пэн* (彭) – местность на р. Хуанхэ.

[7] *Сяо* (消) – местность на р. Хуанхэ.

[8] *Чжоу* (軸) – местность на р. Хуанхэ.

[9] *вои* – воины.

[10] *Цзян* (姜) – девица из рода Цзян.

[11] *Чжэнь* (溱) – река на территории совр. пров. Хэнань; впадает в р. Вэй (洧) (см. прим. 12 ниже).

[12] *Вэй* (洧) – река на территории совр. пров. Хэнань.

國風

I, VIII. Песни царства Ци

[1] *Ци* (齊) – одно из наиболее сильных и крупных удельных царств эпохи Чжоу, располагалось на

севере совр. пров. Шаньдун и юго-востоке пров. Хэбэй.

[2] *Нао-гора* (猇山) – гора на территории совр. пров. Шань-дун.

[3] *Южная гора* (南山) – гора или горы на юге царства Ци.

[4] *Лу* (魯) – удельное царство, располагавшееся на части территории соврем. пров. Шаньдун, Цзянсу и Аньхуэй.

[5] *Вэнь* (汶) – река Вэньшуй (汶水) на территории совр. пров. Шаньдун; в древности впадала в реку Цзишуй (濟水), ныне впадает в Великий канал.

注解

I, IX. Песни царства Вэй

[1] *Вэй* (魏) – удельное царство эпохи Чжоу; располагалось на севере совр. пров. Хэнань и на западе пров. Шаньси.

[2] *Фэнь* (汾) – река Фэньшуй (汾水) на территории совр. пров. Шаньси; впадает в р. Хуанхэ.

I, X. Песни царства Тан

[1] *Тан* (唐) – на территории совр. пров. Шаньси в древнейшие времена существовало царство или племенной союз Тан, который позднее был

передан во владение родственнику чжоуского правителя. Позднее это царство было переименовано в Цзинь (晉).

[2] *Во* (沃) – некая местность, возможно, Цюйво (曲沃) в совр. пров. Шаньси.

[3] *Ху* (鵠) – некая местность или поселение.

[4] *шэн* (升) – здесь сосуд для измерения объёма сыпучих тел.

[5] *Шёлковою нитью...* – здесь шёлковая нить символизирует супружество.

[6] *Три звезды* (*сань син* 三星) – т.е. созвездие Шэнь (參), см. прим. 6 к I, II.

[7] *Шоуянского хребта* (*шоу ян чжи дянь* 首陽之巔) – горы Шоуяншань в совр. пров. Шаньси.

I, XI. Песни царства Цинь

[1] *Цинь* (秦) – древнекитайское удельное царство, образованное в начале IX в. до н.э. на территории совр. пров. Ганьсу. В дальнейшем расширило свою территорию на восток, а в 221 г. до н.э., победив остававшиеся к тому времени шесть крупнейших царств, объединило Китай в первую централизованную империю Цинь.

[2] *цинь* (琴) – см. прим. 3 к I, I.

[3] *шэн* (笙) – китайский музыкальный язычковый

инструмент, подробнее см. прим. 2 к I, VI.

[4] *Горы Чжуннань* (終南山) – горы на территории совр. пров. Шэньси.

[5] *фу* (黻) – узор в виде соединённых цепных звеньев.

[6] *Му-гун* (穆公) – правитель царства Цинь. Умер в 661 г. до н.э.

[7] *Яньси* (奄息) – личное имя, либо два имени – Янь, взрослое имя, и Си – имя, данное при рождении.

[8] *Цзыцзюй* (子車) – патронимическое имя, клан Цзыцзюй.

[9] *Чжунхан* (仲行) – возможно двойное имя, см. прим. 7 выше.

[10] *Чжэньху* (鍼虎) – возможно двойное имя, см. прим.7 выше.

[11] *Вэйян* (渭陽) – северный берег реки Вэй, см. прим. 8 к I, III.

注解

I, XII. Песни царства Чэнь

[1] *Чэнь* (陳) – удельное царство (1045 – 478 до н.э.), в пору своего расцвета включало территорию на востоке совр. пров. Хэнань и часть пров. Аньхуэй.

[2] *Холм Вань* (宛丘) – излюбленное место прогулок жителей столицы царства Чэнь.

[3] *Дочь Цзычжуна* (子仲之子) – т.е. девушка из клана Цзычжун.

[4] *Ци* (齊) – см. прим. 1 к I, VIII.

[5] *Цзянскую княжну* – княжну из рода Цзян (姜), правившего в царстве Ци.

[6] *Сун* (宋) – см. прим. 17 к I, V.

[7] *Цзыскую княжну* – княжну из рода Цзы (子), правившего в царстве Сун.

[8] *Цзи* (姬) – девушка из древнего и знатного рода Цзи.

[9] *Чжулинь* (株林) – лес около *Чжу*, см. прим. 11 ниже.

[10] *Ся Нань* (夏南) – сын Ся Цзи, застреливший из лука чэньского Лин-гуна, см. прим. 11 ниже.

[11] *Чжу* (株) – место проживания Ся Цзи, распутной жены сановника из царства Чэнь и любовницы чэньского правителя Лин-гуна (ум. в 599 г. до н.э.).

國風

I, XIII. Песни царства Гуй

[1] *Гуй* (檜) – удельное царство на территории совр. пров. Хэнань. Известно также как Куай (檜). Прекратило своё существование в VIII в. до н.э.

[2] *Белая шапка* (*су гуань* 素冠) – т.е. траурный головной убор.

I, XIV. Песни царства Цао

[1] *Цао* (曹) – небольшое удельное царство на территории совр. пров. Шаньдун; в 487 г. до н.э. поглощено царством Сун (см. прим. 17 к I, V).

[2] *нимфа* – куколка (личинка).

[3] *Кровавник* – название растения.

[4] *Сюньский правитель* (*сюнь бо* 郇伯) – удел Сюнь находился на территории совр. пров. Шаньси, позднее поглощён царством Цзинь.

注解

I, XV. Песни царства Бинь

[1] *Бинь* (豳) – местность на территории совр. пров. Шэньси, где предок чжоусцев Гун Лю основал самую первую столицу будущего удела Чжоу.

[2] *В седьмую луну* (*ци юэ* 七月) – т.е. в седьмой месяц календаря. Китайский календарь в древности был солнечно-лунным: месяцам в нём вёлся отсчёт в соответствии с циклами луны, а годам – в соответствии с солнечным годом.

[3] *Восточная гора* (*дун шань* 東山) – возможно, имеется в виду гора Дуншань (другое название Жигуаньфэн) на территории совр. пров. Шаньдун.

II. МАЛЫЕ ОДЫ

II, I. Цикл Лумин

[1] *шэн* (笙) – см. прим. 2 к I, VI; *сэ* (瑟) – разновидность гуслей, см. прим. 3 к I, I.

[2] *седовласые отцы* (*чжу фу* 諸父) – букв. все отцы. Все живущие клановые родственники поколения отца, т.е. отец и его братья, отец и дядья по отцовской линии.

[3] *восемь сосудов* (*ба гуй* 八簋) – в древнекитайском языке, как и в русском или современном китайском, числительные иногда употребляются как показатель множественности. Здесь восемь сосудов означают богатство и разнообразие выставляемого угощения.

[4] *материнские дядья* – дяди по материнской линии.

[5] *Встретишь постом новолуние* – речь идёт о счастливом дне (吉), омовении (濯) и торжественном приёме пищи (饎).

[6] *четырежды в год* – жертвоприношения в храме Предков совершались каждый сезон четыре раза в году.

[7] *Преждерождённые ваны* (*сянь ван* 先王) – букв. прежние, т.е. покойные, ваны-правители данной династии. Позднее под прежними ванами стали пониматься все древние правители, заложившие основы китайской цивилизации.

[8] *луна, что растёт* – здесь молодая луна, когда концы её серпа указывают точно на запад.

[9] *сяньюнь* (獫狁) – кочевые племена.

[10] *Сын Неба* (*тянь цзы* 天子) – традиционный титул правителей и императоров Китая.

[11] *Нань Чжун* (南仲) – военачальник чжоуского Сюань-вана (ум. в 782 г. до н.э.); под его руководством в 823 г. до н.э. была одержана победа над кочевыми племенами *сяньюней*, вторгшимися в Чжоу.

[12] *Шо Фан* (*шо фан* 朔方) – букв. новолунный край, т.е. север. Название местности, лежавшей к северу от чжоуской столицы.

注解

II, II. Цикл Байхуа

[1] *почтенных морщин* (*мэй шоу* 眉壽) – трактовки этого словосочетания неоднозначны. Некоторые комментаторы считают, что это диалектное слово со значением «долго-летие». Другие говорят о длинных волосах бровей, появляющиеся у людей в преклонном возрасте.

II, III. Цикл Тунгун

[1] *Шестая луна* – т.е. шестой месяц традиционного календаря.

[2] *сяньюнь* – см. прим. 9 к II, I.

[3] *ли* (里) – мера длины, равная примерно 1/2 километра.

[4] *Цзяо* (焦) – см. ниже прим. 5.

[5] *Хо* (穫) – местность на территории совр. пров. Шэньси, здесь же находится и местность *Цзяо* (焦).

[6] *Фан* (方) – местность *Шо Фан*, см. прим. 12 к II, I.

[7] *Хао* (鎬) – местность, располагавшаяся либо на тер-ритории совр. пров. Шэньси, либо в совр. Нинся-Хуэйском автономном районе.

[8] *Цзиншуй* (涇水) – река Цзин, см. прим. 8 к I, III.

[9] *Тайюань* (大原) – местность на территории совр. пров. Ганьсу.

[10] *Цзифу* (吉甫) [Инь Цзифу (尹吉甫)] – достойный сановник чжоуского Сюань-вана, см. прим.6 к IV, V).

[11] *хоу* (侯) – удельный владетель, местный правитель, находившийся в вассальной зависимости от правителя царства.

[12] *Чжан Чжун* (張仲) – преданный друг Инь Цзифу, см. прим. 10 выше.

[13] *ФанШу* (方叔) – достойный сановник чжоуского Сюань-вана, см. прим.6 к IV, V.

[14] *Цзинцы* – т.е. жители Цзинчжоу (荊州), одной из девяти древних областей, включавшей территорию центра и юга пров. Хубэй, центра и севера

пров. Хубэй, центра и севера пров. Хунань, пров. Сычуань и части пров. Гуйчжоу.

[15] *Ао* (敖) – гора на территории совр. пров. Хэнань.

[16] *Моу*-день или день *у* (戊) – в древности китайцы счи-тали время по периодам из 60 дней. Порядковый номер определённого дня в этом цикле обозначался сочетанием двух знаков, своего рода цифр или порядковых номеров. Первый знак принадлежал последовательности из так называемых 12-ти «небесных стволов» (*тянь гань* 天干). Второй знак принадлежал набору 10-ти «земных ветвей». Таким образом, 60-дневный цикл можно было рассматривать как пятикратное повторение 12-тидневных периодов (знаки «стволов») или последовательность шести декад (знаки «ветвей»). Когда было известно, о какой именно по счёту декаде шла речь, знаки «земных ветвей» могли опускаться, и день обозначался только первым знаком (т.е. знаком из набора «стволов»). С таким случаем мы встречаемся в рассматриваемой фразе. День *у* мог быть пятым, 15-м, 25-м, 35-м, 45-м или 55-м днём 60-дневного цикла.

注解

[17] *гэн-у* (庚午) – седьмой день шестидесятидневного цикла.

[18] *Цзюй* (沮) – река Цзюйшуй (沮水) в пров. Шэньси.

[19] *Ци* (漆) – река Цишуй (漆水) в пров. Шэньси.

[20] *луани-колокольчики* (鸞) – крепились на повозке или на конской упряжи. Считалось, что крик птицы *луань* похож на звяканье колокольчика.

[21] *Море* (*хай* 海) – Китай с востока омывается Жёлтым, Восточно-Китайским и Южно-китайским морями.

[22] *с Девяти болот* (*цзю гао* 九皋) – в переносном смысле далёкое и непроходимое болото, непролазная трясина, затерянный мир.

小雅

II, IV. Цикл Цифу

[1] *Играться малым скипетром дают* – различные ритуальные предметы из нефрита были обязательным атрибутом чжоуских церемоний, во время которых эти предметы держали в руках как правитель, так и его вассалы и сановники. Здесь скипетр (*чжан* 璋) – это вытянутая нефритовая пластина, один конец которой срезан под углом (как сапожный нож).

[2] *Инь* (尹), великий наставник (*тай ши* 太師) – т.е. один из трёх самых высокопоставленных сановников чжоуского царства, принадлежавший к клану Инь.

[3] *презренных рабов* – хотя оригинал менее категоричен и говорит только о том, что жители

завоёванного царства станут «подданными и слугами» (*чэнь пу* 臣僕), однако в комментаторской традиции принято считать, что здесь речь идёт о рабстве.

[4] *Род Сы из Бао* – безмерная привязанность Ю-вана (782 - 771 до н.э.) к своей любимой наложнице Бао Сы (褒姒) привела к расстройству государственных дел и поражениям от кочевников.

注解

[5] *десятая луна* – десятый месяц по традиционному календарю.

[6] *Синь-мао* день (辛卯) – 28-й день 60-дневного цикла.

[7] *Хуан Фу* (皇父) (*Хуанфу*) – сановник чжоуского Ю-вана.

[8] *Фань* (番) – министр народонаселения чжоуского Ю-вана.

[9] *Цзя-бо* (家伯) (*Цзябо*) – главный дворцовый строитель чжоуского Ю-вана.

[10] *Чжун Юнь* (仲允) (*Чжунъюнь*) – провиантмейстер двора чжоуского Ю-вана.

[11] *Цзоу-цзы* (聚子) – главный архивист и хранитель инвеституp чжоуского Ю-вана.

[12] *Гуй* (蹶) – главный конюх чжоуского Ю-вана.

[13] *Цзюй* (榘) – цензор двора чжоуского Ю-вана.

[14] *Наложница* – здесь жена, супруга (妻). Жена-красавица (*янь ци* 艷妻). Так здесь названа Бао Сы, см. прим. 4 к II, IV.

[15] *Сян* (向) – местность на территории совр. пров. Хэнань.

II, V. Цикл Сяоминь

[1] *На панцирях устали мы гадать* – древнекитайский способ гадания, который состоял в интерпретации формы трещин, появлявшихся на панцире черепахи в результате прижигания предварительно высверленных углублений.

[2] *Там вершу не снимай* – литературный мотив, передающий грусть и заключающий в себе просьбу не претендовать на нечто, принадлежащее лирическому герою, у которого нет сил или возможностей самому оберегать свои интересы.

[3] *Великие клятвы* (*люй мэн* 屢盟) – правитель порицается за то, что часто даёт клятвы, а беспорядки в царстве так и продолжаются.

[4] *сюнь* (壎) – свистулька, небольшой глиняный духовой инструмент с несколькими отверстиями.

[5] *Три жертвы* (*сань у* 三物) – считается, что клятва скреплялась кровью трёх жертв: свиньи, собаки и курицы.

[6] *Созвездие Цзи* – т.е. созвездие *Наньцзи* (南箕), две из его четырёх звёзд представлялись древним китайцам похожими на язык, поэтому обычно это созвездие ассоциировалось с клеветой.

[7] *евнух Мэн-цзы* (*сыжэнь мэнцзы* 寺人孟子) – приближённый к правителю служитель-евнух, автор данного стихотворения.

[8] *Великий Восток* (大東) – словосочетание из текста стихотворения; даётся в значении «по всему востоку», т.е. во всех восточных удельных царствах, малых и больших, близких и далёких.

[9] *Ткачиха* (*чжи нюй* 織女) – яркая незаходящая звезда Вега в созвездии Лиры. В течение светового дня она проходит по семи традиционным китайским секторам небесной сферы, остальные пять секторов она проходит ночью.

[10] *Цимин* (啟明) – название утренней Венеры, когда она расположена на востоке.

注解

[11] *Чангэн* (長庚) – название вечерней Венеры, когда она расположена на западе.

[12] *Би* (畢宿) – созвездие традиционной китайской астрономии (букв. «сачок»); считалось, что отдаление Луны от этого созвездия предвещает дождь.

II, VI. Цикл Бэйшань

[1] *Четвёртый уж месяц явился по солнцу с луною* – традиционный китайский календарь солнечно-лунный. Здесь словосочетание «солнце и

луна» (日月) комментаторами трактуется просто как время.

[2] *Амбары* – амбары на берегу реки для хранения налогового зерна.

[3] *Берём только чистых барашков и чистых быков* – речь идёт о специально отобранных для жертвоприношения чистых (*цзе* 潔) животных.

[4] *Жрец громко молитву возносит у главных ворот* – у главных ворот или за воротами храма располагалось место для некоторых обрядов.

[5] *Духохранитель* (*шэнь бао* 神保) – почётное звание обрядового представителя духа умершего, своего рода медиума, который в церемониях и обрядах наглядно представлял покойного.

[6] *Южные горы* – см. прим. 3 к I, VIII.

[7] *Великий Юй* (*да юй* 大禹) – мифологический усмиритель всемирного потопа и основатель легендарной первой китайской династии Ся.

[8] *духов четырёх сторон* – имеется в виду алтарь духов земли (*шэ* 社), который был местом поклонений и ритуальных отправлений, посвящённых духам земли и сторонам света.

[9] *Дух полей* (*тянь цзу* 田祖) – дух основоположника земледелия в Китае, более известный как Шэньнун.

[10] *поле общее* (*гун тянь* 公田) – поле, совместно обрабатывавшееся крестьянами-общинниками,

урожай с которого передавался правителю.

[11] *Ло* (洛) – река Ло, т.е. Лошуй (洛水 или 雒水) или Лохэ (洛河), которая начинается в пров. Шэньси.

[12] *Пусть слева встанет меж чинов* – выражение «находиться слева (*цзо* 左) или справа (*ю* 右) от правителя» означает быть его помощником. Левое направление считалось более важным: левый помощник – это первый советник, а правый – второй.

注解

II, VII. Цикл Санху

[1] *Мандаринки-уточки* (*юань ян* 鴛鴦) – символ любовной пары.

[2] *штрафная чара* – при соревновании парами в стрельбе из лука проигравший выпивал кубок вина.

[3] *с вышивкой драконов* – на официальной одежде прави-теля были узоры в виде свернувшихся драконов.

[4] *Плачу́ на содержание семей* – букв. повелеваю счастьем и жалованьем, что подразумевает назначение служебного ранга или должности и соответствующего довольствия.

[5] *мао* и *мань* – под *мао* (髦) здесь подразумеваются «юго-западные варвары», под *мань* (蠻) обычно

я «юго-западные варвары», под *мань* (蠻) обычно понимаются «южные варвары» – племена южных некитайских народов.

II, VIII. Цикл Дужэньши

[1] *служилые люди* (*жэнь ши* 人士) – государственные или дворцовые служащие, которые не были местными зависимыми вассалами чжоуского правителя.

[2] *шляпы* – согласно большинству комментариев, имеются в виду широкополые соломенные головные уборы и небольшие шапочки из тёмной ткани.

[3] *Инь* и *Цзи* – древние роды *Инь* (尹) и *Цзи* (吉), из которых чжоуские правители-ваны брали себе жён.

[4] *Князь Шао* (*шао бо* 召伯) – Шао-бо , правитель удела Шао времён правления чжоуского Сюань-вана, см. прим.6 к IV, V.

[5] *Вся наша рать – отряды и полки* – традиционно считается, что отряд (*люй* 旅) состоял из 500 человек, а полк (*ши* 師) из пяти отрядов.

[6] *Се* (謝) – город, заложенный Шао-бо по приказу Сюань-вана для обороны южных рубежей. Находился на территории совр. пров. Хэнань.

[7] *Ван* (王) – титул чжоуского правителя. Здесь

чжоуский Сюань-ван, см. прим. 6 к IV, V.

[8] *Приходится в зарослях леса искать журавлю* – журавль здесь символизирует супругу, место которой заняла наложница, пользующаяся расположением мужа.

[9] *Би* – см. прим. 12 *к* II, V.

[10] *У овец вот уж головы стали большими* – головы стали больше в размере по отношению к телу, потому что овцы похудели от бескормицы.

[11] *На запруде трёх звёзд отраженье в мерёже* – здесь слово звезда (*син*) выступает фонетической заменой для слова с тем же чтением рыбёшка (*син*).

注解

III. БОЛЬШИЕ ОДЫ

III, I. Цикл Вэнь-ван

[1] *Вэнь-ван* (文王) – вождь чжоуского племенного союза, носивший личное имя Чан (昌), основатель Чжоуского царства. Его сын чжоуский У-ван одержал военную победу над Инь и закончил дело своего отца – учредил в Китае новую династию Чжоу. Чан посмертно получил титул «Просвещённый ван» (Вэнь-ван, 文王). В конфуцианской традиции считается одним из добродетельных правителей.

[2] *Жезл власти на вечные веки ему Небом дан* – согласно представлениям чжоуской эпохи, верховное божество чжоусцев Небо (*тянь* 天) давало предопределение, повеление или Мандат (*мин* 命) достойному добродетельному человеку и таким образом избирало его в качестве правителя страны. Потеряв свои добродетели, правитель лишался и Небесного Мандата, который переходил к другому достойному человеку, учреждавшему новую правящую династию.

[3] *Для шанского царства* (*ю ша*н 有商) – династия Шан (после переноса столицы в город Инь также называлась Инь), правившая в древнем Китае в XVII – XI вв. до н.э., предшественница династии Чжоу.

大雅

[4] *Иньцы* (*инь* 殷) – вообще, подданные династии Инь (первоначально Шан); здесь, иньцы, проживавшие в домене иньского вана, племена и уделы, поддерживавшие иньского вана в его борьбе с коалицией племён Чжоу.

[5] *В престольной Столице* – последняя иньская столица Чжаогэ располагалась на территории совр. пров. Хэнань.

[6] *Но не сберёг его, и власть другой обрёл* – см. прим. 2 выше.

[7] *Дочь Жэнь* (任) – дочь правителя удельного царства Чжи (см. прим. 8 ниже), носившая, как и её

отец, родовое имя Жэнь.

[8] *Чжи* (摯) – удельное царство в составе державы Шан-Инь, располагавшееся на территории совр. пров. Хэнань.

[9] *Ван Цзи* (王季) – отец Вэнь-вана. В исторических источниках часто выступает под именем не вана, а князя – Гун Цзи (公季), т.е. под менее высоким титулом. По-видимому, при этом правителе Чжоу стало небольшим государственным образованием со своими вассалами.

[10] *Хэ* (洽) – река на территории совр. пров. Шэньси.

[11] *Вэй* (渭) – см. прим. 8 к I, III.

[12] *Шэнь* (莘) – удельное царство на территории совр. пров. Шэньси.

注解

[13] *У-ван* (武王) – второй сын чжоуского Вэнь-вана, фактический основатель династии Чжоу, разгромивший Инь и свергнувший эту династию.

[14] *край дикий Му* (*муе* 牧野) – букв. поле Му или местность Муе на территории совр. пров. Хэнань; предположительно, находилась на расстоянии 70 *ли* (ок. 30 км.) от столицы Инь.

[15] *Шан-фу* (尚父) – как считается, здесь так назван Тай-гун Ван (太公望), соратник и наставник чжоуских Вэнь-вана и У-вана.

[16] *Ду* (土) – река на территории совр. пров. Шэньси.

[17] *Цзюй* (沮) – см. прим. 18 к II, III.

[18] *Ци* (漆) – см. прим. 19 к II, III.

[19] *Даньфу* (亶父) – Гугун Даньфу (古公亶父), т.е. древний князь отец Дань, известен также как Тай-ван (大王). Он переселил чжоусцев к южным подножьям гор Цишань (岐山) севернее р. Вэйхэ.

[20] *Ци-гора* (岐) – Цишань (岐山) на территории совр. пров. Шэньси.

[21] *Цзян* (姜) – одно из древнейших родовых имён Китая. Род Цзян часто состоял в брачных отношениях с правящим чжоуским родом Цзи (姬).

[22] *кунь* (混) – племя западных инородцев.

[23] *Юй* (虞) *и Жуй* (芮) – древние удельные царства на территории совр. пров. Шаньси.

[24] *Ханьская гора* (*хань шань* 旱 山) – расположена на территории совр. пров. Шэньси.

[25] *Нефритовый ковш* (*цзань* 瓚) – более похожий на нефритовую ложку на рукоятке в виде нефритовой пластины той или иной формы. Как считается, такие нефритовые ложки использовались для разливания вина на церемониях.

[26] *Тай Жэнь* (大任) – мать Вэнь-вана, носившая родовое имя Жэнь.

[27] *Цзян чжоуская* (*чжоу цзян* 周姜) – супруга чжоуского Тай-вана (см. прим. 19 выше), носившая родовое имя Цзян, см. прим. 21 выше.

[28] *Тай Сы* (大姒) – супруга Вэнь-вана,

происходившая из царства Шэнь (см. прим. 12 выше) и носившая родовое имя Сы.

[29] *Не отягчал он духов горечью и гневом* – т.е. надлежаще и вовремя выполнял все положенные обряды и жертвоприношения.

[30] *Чтили когда-то два царства в делах управленья* – имеются в виду династии Ся и Шан (Инь), предшествовавшие Чжоу.

[31] *Вот и не лучше другие четыре владенья* – имеются в виду все остальные царства в четырёх сторонах света.

[32] *Тай Бо* (大伯) – сын Тай-вана и брат Ван Цзи, см. прим. 9 на предыдущей странице.

注解

[33] *Миские люди* (*ми жэнь* 密人) – населяли древнее царство Ми, находившееся на территории совр. пров. Ганьсу.

[34] *Жуань* (阮) – древнее царство на территории совр. пров. Ганьсу.

[35] *Гун* (共) – древнее царство на территории совр. пров. Ганьсу.

[36] *Сянь-равнина* (*сянь юань* 鲜原) – в нарицательном значении плодородная равнина.

[37] *Чун-град* (*чун юн* 崇墉) – столица древнего царства Чун на территории совр. пров. Шэньси. В 1051 г. до н.э. Вэнь-ван разрушил столицу царства Чун и на её месте основал новую чжоускую столицу Фэн (см. ниже прим. 38). В нарицательном

значении выражение *чун юн* обозначает крепкую и высокую городскую стену.

[38] *На Небо вознеслись три государя* – речь идёт о трёх покойных чжоуских правителях-ванах – Тай-ване, Ван Цзи и Вэнь-ване.

[39] *У Фэн-реки* – чжоуская столица Фэн (豐), основанная Вэнь-ваном на месте разрушенной столицы царства Чун, располагалась на восточном берегу реки Фэн (Фэншуй) на территории совр. пров. Шэньси.

[40] *Столица Хао* (*хао цзин* 鎬京) – новая чжоуская столица, основанная У-ваном, сыном Вэнь-вана; располагалась на территории совр. пров. Шэньси.

大雅

III, II. Цикл Шэнминь

[1] *Цзян Юань* (姜嫄) – мифологическая прародительница чжоусцев, носившая родовое имя Цзян, она же супруга Ди Ку: одного из пяти императоров – культурных героев китайской мифологии.

[2] *Хоу Цзи* (后稷) – удельный владетель Цзи, государь Цзи (Цзи букв. просо). Мифический прародитель чжоусцев, культурный герой, научивший людей земледелию.

[3] *Доу и дэны* – ритуальные сосуды (в виде чаши)

доу (豆) из дерева и керамический *дэн* (登) для мяса и жертвенной пищи.

[4] *до жёлтых волос* – до седин.

[5] *Наместник мёртвых* (*гун ши* 公尸) – обрядовыйпредставитель духа умершего (см. прим. 5 к II, VI).

[6] *Князь Лю* (*гун лю* 公劉) – Гун Лю, якобы был правнуком Хоу Цзи (см. прим. 2 выше). Окружённый варварами-кочевниками, он не забросил унаследованное от Хоу Цзи земледелие, переправился через реку Вэйхэ (см. прим. 8к I, III) на юг и добился процветания своей новой столицы.

注解

[7] *Лю князя как царя, как предка чтут* – выражение можно прокомментировать так, что князя Лю чтут и как царя, и как кланового предка, но можно и так: вассалы-неродственники чтут его как царя, а клановые родственники – как предка.

[8] *Бинь* (豳) – см. прим. 1 к I, XV.

[9] *Хуан-река* (*хуан цзянь* 皇澗) – горная река (или ручей), располагалась в районе чжоуской столицы на территории совр. пров. Шэньси

[10] *Го-река* (*го цзянь* 過澗) – горная река или ручей (располагалась в районе чжоуской столицы на территории совр. пров. Шэньси).

[11] *Жуй-река* (芮) – река на территории совр. пров. Шэньси. По другим трактовкам, излучина реки Вэйхэ (см. прим. 8 к I, III).

[12] *скипетра нефрит* – букв. нефритовые пластины *гуй* (圭) и *чжан* (璋). Первая была нефритовой пластиной с заострённым концом (углы срезались с обеих сторон). Вторая представляла собой половину пластины-гуй, получавшуюся при её разрезании вдоль. О *чжан* см. также прим. 1 к II, IV.

[13] *Срединная Страна* (*чжун го* 中國), иносказательное название Китая; здесь – уделы, населённые древними китайцами, в отличие от окружавших их инородческих уделов и племён.

[14] *А сильные княжества – это застава* – большие и силь-ные уделы выступают защитой для правящего чжоуского дома.

大雅

III, III. Цикл Дан

[1] *варварских землях* (*гуй фан* 鬼方) – земли, заселённые некитайскими племенами. Возможно, что здесь имеются в виду и конкретные племена *гуй*, которые были воинственными соседями держав Шан-Инь и Чжоу на северо-западе.

[2] *И готова великая рухнуть судьба* – царство гибнет, здесь судьба – это Небесный Мандат (см. прим. 2 к III, I).

[3] *Династия Ся* (夏) – основана Великим Юем

(см. прим. 7 к II, VI), которая предшествовала Шан-Инь. Согласно традиционной китайской историографии, правила в XXI –XVI вв. до н.э.

[4] *мань* (蠻) – некитайские народы, варвары; обычно так назывались южные соседи древних китайцев.

[5] *черноволосые* (*ли* 黎) – крепкие молодые люди, чьи волосы ещё не поседели.

[6] *Юнь-река* (*юнь хань* 雲漢) – древнекитайское название Млечного пути. Позднее это словосочетание стало символом жаркого и засушливого лета.

[7] *Фу и Шэнь* – Фу-хоу (甫侯) и Шэнь-бо (申伯) – наиболее приближенные сановники чжоуского Сюань-вана(см. прим. 6 к IV, V), его дядья по материнской линии.

注解

[8] *Се* (謝), столица удела Шэнь-бо (см. прим. 6 к II, VIII), находилась на территории совр. пров. Хэнань.

[9] *Шао* – Шао-бо Ху (召伯虎) также известный в исторических источниках как Шао Му-гун (召穆公). По приказу чжоуского Сюань-вана возглавил поход против некитайских племён в бассейне реки Хуайхэ на востоке страны.

[10] *Мэй* (鄍) – местность на территории совр. пров. Шэньси.

[11] *Чжун Шаньфу* (仲山甫) – сановник чжоуского Сюань-вана, правитель удельного царства Фань (樊).

[12] *Единственный* (*и жэнь* 一人) – титул, а чаще самоназвание чжоуского правителя-вана.

[13] *Коль в княжьем платье есть прорехи* – выражение фигуральное, букв. здесь говорится о делах правителя по управлению страной.

[14] *Ци* (齊) – крупное древнекитайское удельное царство на востоке Китая.

[15] *Лянские горы* – Ляншань (梁山) в пров. Шэньси. Согласно другой трактовке, Люйляншань (呂梁山) в пров. Шаньси.

[16] *И здесь веленье принял Ханьский князь* – удельное царство Хань (韓) находилось на территории совр. пров. Хэбэй.

[17] *И власть удержишь, данную Царём* – Ханьхоу, т.е. Ханьский князь, после смерти своего отца побывал на аудиенции у чжоуского вана и получил от него подтверждение своих прав на владение царством Хань.

[18] *Сяньфу* (顯父) – согласно некоторым комментариям, так здесь назван Чжун Шаньфу (см. прим. 11 выше). Другие комментаторы считают, что здесь говорится об именитых (*сянь* 顯) стариках или родственниках поколения отца (*фу* 父) Ханьского князя.

[19] *Фэнь-ван* (汾王) – Великий правитель-ван. В данном случае, как считают комментаторы, мог иметься в виду или чжоуский Ли-ван (厲王, ум. в

в 828 г. до н.э.), или чжоуский Сюань-ван.

[20] *Гуйфу* (蹶父) – сановник чжоуского Сюань-вана.

[21] *Хань Цзе* (韓姞) – супруга Ханьского князя, носившая родовое имя Цзе.

[22] *Народом яньским был воздвигнут он* – Ханьский град (韓城) был построен людьми, а скорее, военными или мобилизованными из царства Янь (燕師). Комментаторы считают Янь крупным северным удельным царством, располагавшимся на территории совр. пров. Хэбэй. Однако с большим основанием это царство следует считать южным уделом Янь (燕) на территории совр. пров. Хэнань, который как раз принадлежал роду Цзе – выходцем из него была супруга Ханьского князя. По-видимому, тесть помог своему зятю построить этот укреплённый город.

注解

[23] *му* (畝) – единица площади; современный *му* составляет чуть более 666 кв. м.

[24] *Хуай* (淮) – река Хуайхэ (淮河), начинается в совр. пров. Хэнань, пересекает пров. Аньхуэй и Цзянсу, впадает в Жёлтое море.

[25] *пред ликом просвещённых говорю* – просвещёнными (*вэнь жэнь* 文人) здесь названы достойные чжоуские предки и в том числе Вэнь-ван.

[26] *Хуанфу* (皇父) – считается, что так здесь назван Иньши (см. прим. 27 ниже).

[27] *Иньши* (尹氏) – по-видимому, Инь Цзифу (尹吉

甫) (см. прим. 10 к II, III), сановник и соратник Сюань-вана в деле укрепления Чжоуского царства.

[28] *Сюфу* (休父) – носил второе имя *Чэн-бо* (程伯), владетель удела Чэн в чжоуской столичной области. Государственный деятель времён чжоуского Сюань-вана.

[29] *сюйские земли* – земли древнекитайского удельного царства Сюй (徐), находившегося на территории совр. пров. Аньхуэй.

[30] *Посланцы из Сюй – наши гости, наносят визиты* – правитель царства Сюй прибывает на аудиенцию к чжоускому правителю, чтобы выразить свою покорность.

大雅

IV. ГИМНЫ

IV, I. Гимны дома Чжоу

[1] *Ван Великий* (大王) – Тай-ван (см. прим. 19 к III, I).

[2] *Чэн-ван* (成王) – чжоуский Чэн-ван, наследовавший своему отцу *У-вану*. В букв. переводе титул Чэн-вана значит Совершенный ван или Завершитель-ван. Носил личное имя Сун (誦), предположительно, занимал трон в 1042 – 1021 гг. до н.э.

[3] *Ся* (夏) – чжоусцы считали себя наследниками древней династии Ся (см. прим. 3 к III, III). Ся – это и этноним, самоназвание древних китайцев.

[4] *Чэн* – Чэн-ван (см. прим. 2 выше).

[5] *Кан* – Кан-ван (康王), третий правитель династии Чжоу, сын Чэн-вана, носил личное имя Чжао (釗); предположительно, занимал престол в 1020 – 996 гг. до н.э. Слово *кан* (康) в его титуле означает покой, отдых, следовательно его можно было бы назвать Успокоителем-ваном или Тихим ваном.

[6] *Верховный Предок* (*шан ди* 上帝) – верховное божество чжоусцев.

注解

IV, II. Гимны дома Чжоу

[1] *парная соха* – в такую соху впрягали двух быков,управляемых тремя пахарями.

[2] *Цин, тао, чжу* и *юй* – древний литофон *цин* (磬) состоял из одной или нескольких подвешенных на раме каменных, нефритовых или металлических пластин. Колотушка *тао* (鼗) – небольшой барабан на ножке (или рукоятке) с двумя шариками на подвесках. Внутристенный ксилофон *чу* (или *чжу* 柷) – деревянный ударный инструмент, звук извлекался

ударами по внутренней поверхности его стенок. Тигровый ксилофон *юй* (圉 или 敔) – корпус этого ксилофона был выполнен в виде фигуры тигра.

[3] *Гуань* (管) – дудка, духовой инструмент.

[4]*перед царём* (*пи ван* 辟王) – «правящий ван», здесь, как считается, чжоуский Чэн-ван.

IV, III. Гимны дома Чжоу

[1] *и рядом подле очага* – здесь слово «очаг» используется в переносном смысле – родной дом, т.е. то, что объединяет всех членов семьи.

頌

IV, IV. Гимны князей Лу

[1] *Великолепен государев пруд* – государев пруд (*пань шуй* 泮水) обычно имел форму полумесяца и располагался перед дворцом, в котором устраивалось государственное училище (школа).

[2] *Гао Яо* (皋陶) – древний мифический персонаж, искусный и справедливый судья.

[3] *Мой дядя* (*шу фу* 叔父) – Чжоу-гун (周公), т.е. Чжоуский князь. Четвёртый сын чжоуского Вэнь-вана, младшийбрат чжоуского У-вана, носил имя Дань (旦), именовался Чжоуским по уделу в

Чжоучэне (周城) в совр. пров. Шэньси. Чжоу-гун активно содействовал У-вану в разгроме Инь. После смерти У-вана он фактически являлся регентом при малолетнем сыне У-вана, который занял престол под именем Чэн-вана. Когда после смерти У-вана на востоке страны на территории бывшей Инь поднялся мятеж, Чжоу-гун выступил в поход на восток, подавил мятеж, наказал его главарей, а также основал на востоке вторую столицу Чжоуской державы – город Ло или Лои. Чжоу-гуну также приписываются различные достижения в культурной области. Чжоу-гун считается основателем царства Лу (на территории совр. пров. Шаньдун и Хэнань), которое было пожаловано в качестве удела его потомкам. Царство Лу долгое время играло важную роль в политической жизни древнего Китая и оставалось одним из центров древнекитайской культуры, его уроженцем был Конфуций. Чжоу-гун почитается в конфуцианстве как мудрый подданный.

注解

[4] *А ныне уж внук Чжоу-гуна – тоже сын Чжуан-гуна* – Чжуан-гун (莊公, 693-662 до н.э.), 16-й правитель удельного царства Лу, основанного Чжоу-гуном. Здесь говорится о его сыне от наложницы луском Си-гуне (魯僖公, 659-627 до н.э.), 18-ом правителе царства Лу. Си-гун был далёким потомком Чжоу-гуна, основателя царства Лу.

[5] *Хоу-ди* (后帝) – другое наименование Верховного Предка (上帝), см. прим. 6 к IV, 1.

[6] *жуны* и *ди* – соседи древних китайцев, *жуны* (戎) – западные, *ди* (狄) – северные.

[7] *цзины* и *шу* – населяли царства Цзин (荊) и Шу(舒). Царство Цзин, более известное как Чу (楚), располагалось на юго-западе от царства Лу. В пору своего расцвета включало огромную территорию от совр. пров. Хубэй на севере до пров. Гуандун на юге и пров. Сычуань и Гуй-чжоу на юго-западе. Шу (舒) – древнее царство, находившееся на территории совр. пров. Аньхуэй, союзник царства Цзин (Чу).

[8] *До жёлтых волос и горбатой спины доживи Ты* – т.е. до глубокой старости, когда станешь седовласым (хуан фа 黃髮) и согбенным (*тай бэй* 台背).

頌

[9] *Тайшаньские горы* (泰山) – горы Тайшань на территории пров. Шаньдун.

[10] *За Гуйской и Мэнской горами* – горы Гуй (龜山) и Мэн (蒙山) на территории царства Лу (совр. пров. Шаньдун). Вместе составляют один хребет протяжённостью примерно 80 км., который на северо-западе назывался Гуй, а на юго-востоке – Мэн.

[11] *Фу покорились и И* – горы Фушань (鳧山) и Ишань (繹山) на территории совр. пров. Шаньдун.

[12] *Народы с Хуай, мань, и, мо* (淮蠻夷貊) –

народности с реки Хуай; мань, и, мо – некитайские народности южных, восточных и северных окраин.

[13] *град Чан и град Сюй* (*чан сюй* 常許) – укреплённые пункты соответственно на южной и западной окраинах царства Лу.

[14] *До жёлтых волос, до молочных зубов* (*хуан фа эр чи* 黃髮兒齒) – т.е. до глубокой старости, когда волосы седеют, а зубы выпадают, как выпадают молочные зубы у детей, либо, по мнению других комментаторов, когда у стариков вырастает третья смена относительно редких зубов.

注解

[15] *Цулай* (徂來) – гора на территории совр. пров. Шаньдун.

[16] *Синьфу* (新甫) – гора недалеко от горы Тайшань (см. прим. 9 выше).

[17] на *сюни* и *чи* – меры длины. Считается, что один *сюнь* (尋) равнялся восьми *чи* (尺). Один современный *чи* равен 32 см.

[18] *Задумал его и прославил Сисы знаменитый* – по китайской комментаторской традиции считается, что луский сановник Гунцзы Сисы (公子奚斯) или Гунцзы Юй (公子魚) прославил этот храм в стихах.

IV, V. Гимны дома Шан

[1] *Тан* (湯) – Чэн Тан (成湯, ум. ок. 1646 до н.э.) либо просто Тан, иногда также именуется Шан Тан (商湯), т.е. Шанский Тан. Основатель династии Шан (позднее называлась Инь), правившей в древнем Китае в XVII – XI вв. до н.э. Здесь потомком назван один из правителей удельного царства Сун (宋) на территории совр. пров. Хэнань, отданного победителями-чжоусцами в кормление и управление потомкам иньских ванов.

[2] *гуань* (管) – духовой язычковый инструмент, цилиндрический ствол с 8 или 9 игровыми отверстиями изготавливается из дерева, реже из тростника или бамбука.

[3] *цинь* (琴) – общее название ряда струнных музыкальных инструментов, распространённых в Китае. Наиболее известны семиструнный *цинь – цисяньцинь* (古琴 *гуцинь*) и двухструнный смычковый *матоуцинь*.

頌

[4] *Заворожителен, красив вань-танец*! – считается, что *вань* был неким большим танцем, который сначала исполнялся в воинственном духе с использованием оружия, а потом – в мирном стиле с использованием перьев птиц.

[5] *У-дин* (武丁) – иньский Гао-цзун У-дин (高宗武丁, ок. 1250 – 1192 до н.э.), 23-й правитель

注解

династии Шан-Инь.

[6] *Сюань-ван* (玄王) – мифический прародитель шанцев Се (契). Считается, что Се был сподвижником Великого Юя и получил в награду за свои труды удел Шан, якобы находивший в совр. пров. Шэньси.

[7] *Сянту* (相土) – шанский правитель, внук Сюань-вана (Се). Переселил шанцев на территорию совр. пров. Хэнань, научил их запрягать лошадей в повозку.

[8] *Девять областей* (*цзю вэй* 九圍) – учреждённые Великим Юем после усмирения потопа.

[9] *клейноды* (*цю/цзю* 球) – некие предметы, служашие атрибутами власти.

[10] *Три отпрыска было* – под тремя отпрысками (*сань не* 三蘖) здесь подразумеваются Вэй, Гу и Куньу, три союзника последнего морально разложившегося и тираничного правителя Цзе (桀) династии Ся.

[11] *смирил Вэй и Гу* – древние царства Вэй (韋) и Гу (顧) были союзниками последнего сяского правителя Цзе (см. ниже прим. 12) в его войне против Чэн Тана. Располагались на территории совр. пров. Хэнань и Шаньдун.

[12] *Правитель Куньу и союзник Куньу сяский Цзе* – Куньу (昆吾), племя, проживавшее на территории совр. пров. Хэнань, союзник сяского Цзе в его борьбе с Чэн Таном. Сяский Цзе (*ся цзе* 夏桀)

последний 17-й правитель династии Ся, печально известный своей жестокостью.

[13] *Э Хэн* (阿衡) – главный распорядитель (букв. опора и весы), высшая должность в царстве Шан, которую занимал И Инь: советник Чэн Тана и его соратник в военных походах.

[14] *ди* и *цян* – древние инородческие племена *ди* (氐) и *цян* (羌), проживавшие на северо-западе Китая.

[15] *Ныне на гору взошли – Цзин в лесах* – гора Цзин-шань (景山) в совр. пров. Хэнань. Около неё располагалась шанская столица.

内容提要

《诗经》 (诗歌的典范)是中国古代第一部诗集，包括在儒家代表《五经》(“五部经典 ”)之内 。《诗经》创造了天才佚名艺术家的时代，从（周朝）公元前6世纪-3世纪至今，提供了难得宝贵的贡献，为世界诗歌的文化宝库填补了珍贵的财富。

《诗经》分为四个部分：《国风》- 160 篇诗歌；《小雅》74 篇诗歌；《大雅》31篇诗歌；《颂》40 篇诗歌。而唯一完整以诗意翻译的《诗经》成为俄语的只有阿列克谢 . 阿列克桑德列维奇.斯杜京(1904年－1963年)，他在相当长的期间内致力于这个工作中。他具备创造性的勤奋工作作风 （《诗经》与《国风》/ 首位由汉语翻译的是 A.A. 斯杜京）， 文字编纂的是Н. Т. 费德林以评述 A.A. 斯杜京，1957年，莫斯科。

俄罗斯诗文翻译是由俄罗斯著名的汉学家B.M.阿列克谢耶夫 、
V.P.瓦西里耶夫、Ю. К. 素瓷迪、Л.Н. 米瑟克夫、М.Е. 克拉夫瓷夫 完成的。
该出版物做出完整诗文翻译的是 В.П. 阿布拉缅科，通过 A.E. 卢基扬诺夫教授自原文的科学翻译，文本编纂的是 В.М. 玛依欧罗夫教授。

SUMMARY

«Shi jing» is a most ancient vault of Chinese poetry, included in the Confucian vault of «Wu jing» («Five Canons»). The song-like poetry of «Shi jing» was created by the genius of anonymous Chinese authors of Zhou epoch (11th – 3rd centuries B. C.) and represents an invaluable contribution to the treasury of the world poetical culture. By the version, presented by Sima Qian (around 145–86 B. V.) in «Shi ji» («History Notes», 2nd – 1st centuries B.C.), «Shi jing» was compiled by Confucius (551 – 479 B. C.). However, canon researchers of the 19th century assumed that Confucius could only be the editor of «Shi jing». He restructured the canon, straightened the melodies of some songs and used the canon as a learning manual for his disciples.

«Shi jing» is comprised of four sections: «Guo feng» («Songs of Kingdoms») – 160 songs; «Xiao ya» («Minor odes») – 74 odes; «Da ya» («Major odes») – 31 odes; and «Song» («Anthems») – 40 anthems.

The full and the only poetical translation of «Shi jing» into Russian was performed by Alexey A. Shtoukin (1904 – 1963), who devoted a considerable period of his creative life to this work (Shi jing: Book of Songs and Anthems / translation from Chinese by A. A. Shtoukin; introduction by N. T. Fedorenko; com-

mentary by A. A. Shtoukin. Moscow, 1957).

Poetical translations of a number of songs into Russian have been performed by the well-known Russian sinologists, such as V. M. Alexeev, V. P. Vasiliev, Yu. K. Shutskiy, L. N. Menshikov, and M. E. Kravtsova.

This publication presents the full poetical translation of the canon, made on the base of Prof. A. E. Lukyanov's academic translation (manuscript). The notes to the text of the canon have been written by Prof. V. M. Mayorov.

Научное издание

Китайская философская классика в поэтических переводах

ШИ ЦЗИН
詩經

Поэтический перевод
Владимир Петрович Абраменко

Главный редактор *А.Е. Лукьянов*
Художественное оформление, макет *В.П. Абраменко*
Компьютерная вёрстка *В.П. Абраменко*

Подписано в печать 08.10.2015. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага офсетная. Тираж 700 экз.
Заказ №

Российская Академия Наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока РАН
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32

Отпечатано в «ИПЦ "МАСКА"»,
тел.: 8(495) 510-32-98
www.maska.su, e-mail: info@maska.su